

ISSN 0131-6656

ДЕКАБРЬ '87

Молодая балерина Светлана ФЕЩЕНКО.
Фото Альберта Лехмуса

Какой быть «Смене-88?»

«Почему я одинок?» Итоги дискуссии
Конкуренты Пьеру Кардену. Фотоочерк

И снова — про рок-пророков

Борис Пастернак. Жизнь и поэзия

СМЕНА 24

ОТКРОВЕННЫЙ ДИАЛОГ

ПОДВОДИМ ИТОГИ ЧИТАТЕЛЬСКОЙ ЛЕТУЧКИ «СМЕНА»-87»

У вас в руках, дорогой читатель, 24-й номер «Смены», последний в уходящем 1987 году. Не знаю, как вам, а нам, журналистам-сменовцам, всегда немного боязно открывать этот последний номер года. Да и готовим мы его всегда с каким-то особым напряжением — ведь хочется сказать в течение года, выполнить все, что обещали нашим читателям, критически осмыслить свою работу, и так, чтобы не подменить здоровую критику игрой в самокритику. Короче, хочется порой объять необъятное, хотя прекрасно понимаем, что проблема эта вряд ли выполнимая.

Уходит еще один год нашей жизни, год трудной, ответственной, напряженной и очень интересной работы. Нашей с вами, дорогой читатель, совместной работы над журналом. Говорить так нам дают право такие, на наш взгляд, впечатляющие цифры: за этот год «Смена» получила 73 тысячи ваших писем. Из них более 500 использовано на страницах журнала. На критические выступления поступило из разных инстанций 275 ответов. Более 750 ваших запросов, жалоб, предложений, просьб отправлено для принятия мер в различные организации. Нас эти цифры радуют и, повторю еще раз, дают право говорить о том, что сегодня мы вместе с вами итожим наше сотрудничество в большом и важном деле, сознавая, что обилие почты — это прежде всего обязывающее доверие читателей.

Находясь на пороге нового, 1988 года, мы уже можем поглядеть и прикинуть — хотя бы контурно, — а просматривается ли в нашей работе четкая программа активных действий, устремленность к реализации задач, выдвинутых на передний план сегодняшним временем — временем решительных перемен. В этом анализе нам как нельзя лучше помогут ваши письма-анкеты, которые мы получили в ходе объявленной в 17-м и 18-м номерах «Читательской летучки». 1220 человек участвовало в коллективном обсуждении «Смены»-87.

Что больше всего бросается в глаза при разборе читательских анкет? Пожалуй, прежде всего — обилие довольно объемных, обстоятельных по содержанию, заинтересованных писем-добавлений, расшифровывающих вопросы нашей лаконичной анкеты. В них — добрые советы и критические замечания, предложения новых тем и новых адресов, оценка отдельных материалов и рубрик. Вот на этих некоторых принципиальных мыслях и наказах читателей мы и остановимся более подробно.

Наш разговор хочется начать с письма, которое написала москвичка **Ольга Михайловна Голованова**. В нем подробнейшие ответы на многие вопросы «Читательской летучки». Поскольку ответы эти очень интересные, хочу по-

знакомить вначале с самой Ольгой Михайловной и сделаю это ее же словами: «Смену» выписываю регулярно с 1960 года. Даже когда пять лет жили в ГДР, даже когда на журнал был лимит, мне выписывали его в Забайкалье с последующей переадресовкой. Так что я (и моя семья) ваши постоянные читатели. Сын, возможно, ответил бы на вопросы анкеты по-другому. Но это мое личное мнение. В душе мне 25».

А теперь вот о чем пишет О. М. Голованова.

«Хотелось бы, чтобы обсуждение молодежных проблем не ограничивалось только обсуждением. Говорим много, а толку? Проблемы обсудим, а кто будет решать их? Меня сейчас вот какой вопрос волнует: куда деться подростку в возрасте 15—18 лет? В какую секцию его, переростка, возьмут? Чем помочь ему (ей) в проведении досуга после школы или училища? Детсад и «продленку» переросли, до армии (свадьбы) не доросли. Кому они нужны в этом возрасте? Родители на работе, если есть бабушка, она уже не авторитет. Думаю, если решить проблему досуга, сама собой решится и проблема наркомании, хиппи, металлистов. Хотел мой сын записаться в секцию велоспорта в Крылатском, уж и анкету заполнил, а тренер глянул на возраст и говорит: «Иди отсюда. Надо было в прошлом году приходить». А за час занятий теннисом надо уплатить три рубля. Такой спорт для подростка дорогават».

Письмо Ольги Михайловны длинное, обстоятельное, она подробно отвечает на все вопросы анкеты: что-то ей нравится безоговорочно (например, публикация в «Смене» крупных остросюжетных произведений), к чему-то есть свои претензии («Извините, но поэтические подборки никакого впечатления у меня не оставили»), есть и конкретные предложения к редакции: «Почему-то не помню в «Смене» ни одного острого производственного романа или повести. Может, уже что-то написано о БАМе не так, как раньше, — одни только «Ура и ура!». Были ведь и «Битва в пути», и «Иду на грозу», неужели о сегодняшней перестройке в действии еще ничего нет?»

Может быть, я и огорчу Ольгу Михайловну, но все же придется признать, что крупных произведений о «перестройке в действии», которые можно было бы поставить в один ряд с названными ею книгами, действительно пока нет. Да и, если говорить по большому счету, они и не могли еще появиться: перестройка ведь только разворачивается вширь, каждый шаг ее то и дело наталкивается на старые напластования, на скрытые, а порой и явное стремление свернуть все в прежнее русло. Сегодня мы отчетливо видим: перестройка — не механическая замена одних схем на другие, нет, это борьба со взглядами и убеждениями, формировавшимися десятилетия-

ми и воплощавшимися в определенные стили и методы работы. А ведь за ними стоят живые люди с их позициями, с их пониманием задач и проблем. Значит, речь идет не только об изменении стиля и методов работы, а о психологической перестройке. Складывается она из необходимости убеждать людей в пользу перемен, чтобы они действовали сознательно и ответственно. У нас, журналистов, тут способ только один — честный и откровенный разговор с читателями о возникающих проблемах и трудностях, об ошибках и просчетах.

Об этом вы и сами пишете в своих письмах. И среди главных, первостепенных, волнующих тем называете тему перестройки в комсомоле. Вот рабочий из Краснодара **Сергей Сбродов** призывает: «Пишите о тех комсомольских руководителях, которые создают видимость бурной деятельности или слепо исполняют чьи-то решения. Они — главные противники перестройки». **Волохова Римма**, преподаватель из г. Валуйки (кстати, «Смену» выписывает уже десять лет!), просит: «Обратите пристальное внимание на бумажную возню секретарей горкомов и райкомов комсомола. Как мало живого дела!» Московская учительница **Котилова Г. В.** сообщает, что она со своими учениками очень часто использует материалы «Смены» в дискуссиях по острым молодежным проблемам и потому предлагает «поговорить на страницах журнала о роли комсомольской организации в жизни школы». «Школьный комсомол, — пишет она, — как никто нуждается в перестройке. Руководство школьной комсомольской организацией сводится к диктату со стороны администрации и партийной организации учителей. Летом этого года у нас был организован городской ЛТО на базе близлежащего завода. Ребята из 9-го класса принесли «Комсомолку», где было объявлено, что ЛТО — дело сугубо добровольное, на что директор ни ответил: «А характеристики вам буду подписывать я!». Хотелось бы побольше читать в «Смене» статей о жизни комсомольцев школы, ведь это в буквальном смысле первичные организации, с них начинается жизненная позиция!»

И вот еще одно интересное рассуждение о школьном комсомоле, словно крик души, хотя письмо-анкету заполнил не школьник, а уже вполне взрослый человек — **Андрей Пьяных**, 19-летний печатник из Минска. Вот что он пишет: «Одной из проблем, которые журналу надо энергично поднимать после XX съезда комсомола, на мой взгляд, является проблема школьного комсомола. Что это все-таки за организация? «Лишь бы не цеплялись» или действительно боевой орган? Сколько об этом писали, еще больше говорили, но конкретных сдвигов что-то не видно. По инструкции ЦК ВЛКСМ стали создавать комиссии, которые рассматривают

кандидатуру каждого вступающего в ряды ВЛКСМ. В комиссии входят работники райкомов, горкомов, ветераны труда и войны. Но позвольте, товарищи, разве даже самый проницательный инструктор райкома сможет узнать о человеке за 5—10 минут больше, чем члены школьного комитета комсомола, которые знают его 7—8 лет, а то и больше? И еще о финансовых правах первичных организаций. Ведь что получается: как работать, так: «Давайте, ребята, давайте, молодцы!» А как заработанные деньги в дело (я подчеркиваю: в дело) пустить: «Подождите, подумайте вместе. Аппаратуру можно приобрести потом, спортплощадку оборудовать тоже потом». Только и слышишь: «Надо подумать и т. д., и т. п.»

Всех этих читателей, кого волнуют происходящие сейчас в комсомольских организациях процессы перестройки, понять можно. Это волнение отражает добрые перемены, происходящие в нашем общественном климате, все более крепнущую уверенность людей в том, что авторитет комсомола, бесспорно, возрастает, если молодежь увидит в нем организацию смелую, активную, способную не только говорить, но и совершать революционные перемены. Только давайте не забывать, что при этом каждый, кто числит себя комсомольцем, кому дороги комсомольские принципы и идеалы, должен часть ответственности за его судьбу взять на себя.

Мы вступили в совершенно новую фазу общественного развития. Она требует новых взглядов, нового мышления. В том числе и от комсомольских руководителей любого ранга — от комсорга до секретаря ЦК. В последнее время предприняты серьезные шаги для расширения прав комсомола, ему предоставлены широкие возможности, действуя в соответствии с законом, решать назревшие вопросы. Но для этого нужна практическая инициатива тех, кто работает с молодежью, нужны новые подходы к возникающим проблемам, чему, будем откровенны, некоторым комсомольским активистам мешают застарелые привычки выступать в роли просителей, а не действительных хозяев и умелых организаторов. (Мы в «Смене» над этими вопросами постоянно думаем и размышляем, чему пример — очерк Георгия Мелова «Испытание буднями», публикуемый в этом номере на стр. 12.)

В «комсомольской теме», судя по читательским анкетам, есть для нас, журналистов, масса интересных поворотов. Читатели зовут нас углубляться в реальную жизнь, показывать ее такой, какая она есть.

Виталий Абашкин из Нижневартовска, ему 15 лет, пишет: «Хочу предложить вам заняться проблемой, которая волнует не только молодежь. Проблема номер один — изобретатели. Сколько выдающихся, гениальных изобретений лежит на полках — я уве-

рен, что на этих бюрократических полках пылится проект машины времени или фотонного двигателя. А сколько молодых инженеров с нестандартным мышлением пропадает зря».

Людмила Афанасьевна Харитоновна, инженер-конструктор из Орска: «Посмотрите, как выполняется постановление ЦК КПСС о клубах самодеятельного технического творчества. У нас в городе они существуют только на бумаге, помощи ни от кого добиться нельзя. Был случай, когда ребята выгнали (в прямом смысле вытолкали взашей) из клуба, который они своими руками отремонтировали. Ребята продолжают строить автомобили, но у себя в гараже. В клуб пришло новое руководство, и снова нет гарантии, что если ребята отремонтируют другое помещение, их опять не выгонят. Да и очень не хочется ребятам быть в роли попрошайек, не все привыкли к этому».

Письмо **Куранова Олега**, 29 лет, работает в Якутии по договору рабочим, заслуживает того, чтобы процитировать его почти полностью, потому что Олег, по-моему, очень правильно и откровенно говорит о тех вещах, которые волнуют сегодня многих. «Хотелось бы, чтобы журнал регулярно рассказывал о комсомольских стройках. Ведь во вновь создаваемых промышленных центрах, где в основном трудится молодежь, столько приложений сил для комсомола. Я бы даже предложил вам название для новой рубрики — «Нужны рабочие руки», где можно было бы рассказывать о перспективах той или иной ударной комсомольской стройки, о регионе, в котором идет стройка, чтобы выступили заинтересованные люди, которые бы объективно рассказали об условиях работы. Чтобы люди знали точно, что их ждет там, куда они собираются ехать не временно работать, а жить постоянно. Чтобы не было такого — «приехал — уехал», как сейчас. И государству выгодно, если молодой человек найдет свое место в жизни.

Еще я бы предложил, — продолжает Олег, — шире применять на комсомольских ударных стройках принципы МЖК. Вести там «сухой закон», но обязательно объявив об этом перед набором рабочих. То есть чтобы сознательно отбирался непьющий контингент или желающие бросить пить. Это важно не так для самих строителей, как для их потомства, которое бы с рождения ощущало здоровый образ жизни. Надо создавать там спортобъекты, культурные центры, то есть сразу создавать модель города Будущего. Создавать ведь легче, чем потом переделывать».

Вот так по-государственному, широко, с заглядом в будущее рассуждает молодой современный рабочий. Рассуждает, выделяя то, что сегодня особенно общественно значимо, общественно необходимо. Разве ж не об этом свидетельствует его ответ на вопрос анкеты о том, «какие из проблем, стоящих перед обществом, перед молодежью, заслуживают особого внимания журнала»? Олег пишет: «Пьянство в первую очередь, курение, наркомания. Меня особенно волнует, почему мы, если говорим о пьянстве, так только мужчин. Да ведь у женщин «эмансипация» сегодня зашла так далеко, что они и мужчин перебивают. Хотелось бы увидеть на страницах журнала материалы о том, что думают мужчины (не социологи) о пьянстве нашего прекрасного пола. Пьянство вообще противно, но пьянство женщины противоестественно. Ведь как посмотришь на них, лакающих всякую бурду, так не верится, что были Наташа Ростова, Зоя Космодемьянская, Надя Рушева. Не верится! Во что превращаются эти хранительницы домашнего очага, уюта, семьи? К ним и слова-то эти не применишь!»

Когда молодой рабочий Олег Куранов, судя по всему, еще не обзаведшийся семьей, сетует на то, что такое позорное и позорящее человека явление, как пьянство, коснулось и некоторых женщин, он, думается, горько прав. Стыдно сказать, но в нашей редакционной почте есть письма от девушек, ко-

торые даже не стесняются похваляться тем, что курят и пьют наравне с парнями. Что это — крайняя степень бездуховности, жизненное кредо или просто юношеская бравада, которая пройдет, забудется со временем? Разговор об этом не прост, но жгуче необходим — это подчеркивает и вы, наши читатели. (**Валентина Романова** из Туапсе: «Пишите чаще о лихорадке курения, охватившей многих девушек. Ведь это глупо, гадко, надо же им доказать, что нельзя!»)

Почти в каждой анкете содержится настоятельный призыв к журналу больше писать о таких негативных проявлениях в среде молодежи, как наркомания, пьянство, проституция. И следует особо отметить, что эти проблемы волнуют не только людей старшего поколения, но и самих молодых наших граждан. 15-летняя **Гаяль Елизарова** из Челябинска и **Ира Войтинкова** из Казани, 18-летний **Олег Артемюк** из Кировограда и многие другие дают «Смене» социальный наказ: продолжать и в новом году рубрики «Что волнует молодых», «Береги здоровье смолоду», «Интимная жизнь молодых». Ну что же, наказ есть наказ: мы обещаем, что эти рубрики и в будущем будут занимать на наших страницах достойное место.

Массу интереснейших рассуждений вызвал у наших читателей вопрос анкеты о самообразовании. **Елена Образцова**, учительница из Мурманска: «Самообразование — это, по существу, приобретение новых знаний в дополнение к тем, которые молодое поколение получает в школах, учебных заведениях, это одно из средств безграничного всестороннего развития человека».

А вот москвичка **Валентина Марченкова**, воспитательница детского сада, считает, что «самообразование — это прежде всего самовоспитание. Это постоянное самосовершенствование духовного мира человека», и потому, продолжая свое письмо, она пишет о том, что ее беспокоит больше всего — проблема бездуховности, равнодушия многих молодых людей к воспитанию в себе всесторонне развитой личности.

Уже упоминавшийся **Андрей Пьяных** из Минска: «По-моему, самообразование в наше время — это когда человек пытается чего-то добиться без посторонней помощи, то есть испытывает, на что он способен конкретно как человек, как личность. Удастся ему что-то или нет, пусть даже самый минимум, в любом случае это уже плюс, положительный результат. А он никогда не помешает, не даст самоуспокоиться. Наоборот, придаст новые силы, толкнет на новый шаг, на новую ступеньку. А минус — подарит злость, азарт, упорство спортсмена. Конечно же, самообразование включает в себя определенные духовные, моральные, чисто человеческие запросы, то есть то, чем человек хочет себя «насытить» (разумеется, в лучшем смысле этого слова), заполнить мозг, душу, сердце и разум, чтобы затем обратиться к этому багажу в нужном направлении».

Что ж, трудно, по-моему, не согласиться с этими мыслями 19-летнего человека. Говорю о возрасте Андрея специально, чтобы у читателей не сложилось превратное представление о том, что самые интересные, самые глубокие ответы на вопросы нашей анкеты принадлежат исключительно людям зрелого возраста.

Александр Роженков из Кирова, ему 23 года, еще более расширяет понятие «самообразование» и ставит его на одну параллель с чувством собственного достоинства. Это чувство он определяет прежде всего «как самоконтроль, те требования, которые вы предъявляете к самому себе. Но не только вы. Окружающие вас люди тоже ориентируются по тем сигналам, которые посылает им наш внутренний контролер, фиксирующий нравственные накопления личности».

Что ж, все верно, наш читатель прав, но хочется заметить, что о достоинствах, как у всякого сложного нравственно-этического понятия, множество граней, аспектов и ракурсов. До-

стоинство, часто думаем мы, — это когда надо защищать и защищаться. Он мне, мол, в зубы, а я ему в ухо. То есть это когда око за око, зуб за зуб.

В редакционной почте нередки письма от самых молодых наших читателей, которые утверждают, что сегодня молодому человеку себя и свое чувство собственного достоинства можно проявить только лишь в экстраординарных, чрезвычайных обстоятельствах. А в будничной, повседневной жизни, мол, разве проявишь себя Личностью? Вот на фронте, в схватке с врагом — другое дело...

Действительно, вот ведь и в военной присяге говорится: «С достоинством и честью...» Так что способность проявлять чувство собственного достоинства — это всегда бой, схватка, короче, поступок из ряда вон выходящий, та высшая акция человеческого духа, когда на карту ставится жизнь...

Так мы думаем в семнадцатый. Но ведь порой мы продолжаем думать так и в зрелости, а иногда человек и умирает с мыслью, что, если бы понадобилось, если бы призвали, он бы не спасовал. Он бы с честью выдержал любое испытание. Но где гарантия? В чем она?

У самых первых пожарных Чернобыля («Смена» писала о них в № 14), когда случилась авария на четвертом блоке АЭС, была лишь секунда на размышление. Секунда на выбор: или подождать подкрепление, или идти грудью на разбушевавшийся атом, рискуя своей собственной жизнью. Они приняли второе решение, потому что за этой секундой стояла вся их жизнь.

Когда настал момент и пришла необходимость выбора, сработал весь образ их жизни, ее ход и склад, мысли и убеждения — вся человеческая сущность этих людей. Потому что в момент выбора никто не скажет «да» или «нет» за человека. Только он сам. Это — великое нравственное испытание, и его в тех или иных условиях и обстоятельствах проходит почти каждый. Как правило, за этим испытанием — все, что накоплено, пережито и прожито.

Помните, в школе мы писали сочинение на тему «Лишь тот достоин жизни и свободы, кто каждый день за них идет на бой». В этих словах всегда делалось ударение на слове «бой», а о том, что «каждый день», почему-то забывалось. Вот если хулиган кого-то ударит при тебе, или тебя самого задевает, или пожар случится в доме, мимо которого ты будешь проходить, тогда мы себя покажем, тогда нас не останешь, тогда «...с достоинством и честью». А пока некоторые держат их в запасе в надежде на тот особый случай, который, может быть, и не представит никогда.

Давайте же, дорогой читатель, говоря о самовоспитании, о самообразовании, подумаем о тех нравственных, духовных ценностях, которые заложены в каждом человеке всем опытом предшествующих поколений и нашли в нем свое единственное и неповторимое выражение. Осознание этого, осознание своих ценностей, их возможностей — вот что составляет основу самоуважения, утверждения в себе человеческого достоинства.

«Не бойтесь в великом увидеть себя», — сказал философ. Мы порой боимся. Нам кажется, что легче проявить себя в чрезвычайных обстоятельствах, чем обрести власть над повседневностью. Давайте же наконец поймем, что великое сегодня — неуловимый процесс перестройки и очищения — это и есть мы сами, и каждый тут ответствен, каждый — хозяин своей судьбы.

Вообще надо сказать, что на первый план в «человеческой теме», судя по многим анкетам, читатели выдвигают и высоко оценивают прежде всего те материалы, которые касаются человеческого бытия, человеческого духа. Никого не оставили равнодушными опубликованные в юбилейной рубрике «Уроки революции: современное прочтение» статьи, авторами которых были Герой Советского Союза Леонид Телятников, Герои Социалистического Труда строитель Владислав Сериков

и академик Андрей Трофимук. Приведу лишь одно мнение о материалах этой рубрики.

«Побольше печатайте очерков о великих людях, поэтах, писателях, художниках, композиторах, революционерах прошлого и настоящего, — пишет **Краснова Т. А.** из Одессы. — Вызывайте желание подражать им, создавайте настоящие жизненные ценности. Пишите о счастливых людях — это очень важно! Пишите о чудаках, о таких людях, как Асхат Галимзянов, которые живут для других, которым кажется диким «вещизм», — это они и зажигают сердца других любовью к Родине и гордостью за ее величие. Главное — создавать престиж благородным, честным и добрым людям, и тогда все дела пойдут у нас лучше».

С этими словами читательницы из Одессы нельзя не согласиться, и потому мы решили и в новом году продолжить эту рубрику. Только давайте будем вместе искать и находить тех людей, жизнь и судьба которых достойны рассказа на страницах журнала.

Очень внимательно и даже пристрастно относятся наши читатели к материалам таких рубрик, как «Молодежь и культура», «Дискуссия», «Нравственная норма», «Клуб «Музыка с тобой», «Интимная жизнь молодых». О последней у читателей противоречивое мнение. Одни пишут, что «поскольку журнал читают не только 16-летние, но и более зрелые люди, давайте не будем мутить воду и обходить острые углы» (**Е. Образцова**), то есть призывают, говоря словами военнослужащего **А. В. Сыченко**, «в половом воспитании открыть глаза на начало начал любви и человеческих взаимоотношений».

Другие же, их, правда, немного, против того, чтобы молодежный журнал вторгался в эту «закрытую сферу жизни», ибо молодежь наша, как пишет врач из Чимкента **Л. В. Липанова**, «и без того распущенная, грубая, дерзкая, хочет жить легко и не думать о каких-то там нравственных запретах». Многие читатели связывают — и, нам кажется, не без оснований — распущенность, пьянство, наркоманию, проституцию с проблемой досуга молодежи (**В. Лукмичева** из Горького, **Олег Полосухин** из Алтайского края, **А. Паламарчук** из Одессы и другие). Вот здесь мы тоже видим свой долг перед читателями: организация свободного времени — дело социальной значимости, имеющее много разных аспектов, к которым сейчас уже можно смело причислить и кооперативное движение.

В нашей «Читательской летучке», смысл которой сводился к тому, чтобы вместе с вами обсудить, какой быть «Смене» в 1988 году, прозвучало, как, очевидно, вы уже заметили, множество заинтересованных голосов. Все ваши замечания, добрые советы и предложенные темы обсуждены и еще будут обсуждаться на редакционных совещаниях, в отделах с тем, чтобы отразиться в наших дальнейших творческих планах. Мы уверены, что сообща исполненная работа — а именно так можно назвать ежедневное наше общение с вами через письма, дискуссии — сближает людей, наделяет их опытом, одаривает надеждой на будущие успехи. Многие еще, конечно, надо будет нам переосмыслить, оценить по более высокой шкале критики и самокритики, выделить то, что в ваших советах и предложениях было общественно значимым, общественно необходимым.

Мы к этой большой и ответственной работе готовы. Стоять на месте мы не собираемся — это значило бы отставать. Оценить эти наши заверения вы, дорогие читатели, сможете уже скоро, получив первый номер журнала за 1988 год. Год, когда мы будем отмечать 70-летие Ленинского комсомола. А пока коллектив редакции благодарит всех читателей за постоянное внимание к нашему журналу. Желаем всем в новом году больших успехов, доброго здоровья и счастья!

Игорю Щеглову «указали». Не выговор, даже не «поставить на вид», но все же...

Признаться, меньше всего мы ожидали такого последствия двух публикаций в «Смене» об Ивановском станкостроительном производственном объединении («Обещанного не ждешь?», № 2, и «Место на заводе, место в жизни», № 8). Журнал поднял острую проблему: разве справедливо, что лучший в отрасли коллектив испытывает большие трудности в социальном плане? Люди работают лучше других, а живут... Говорилось об условиях труда, быта и отдыха, о давно назревшем, но никак не решаемом жилищном вопросе. Словом, об отставании всей социально-бытовой сферы.

Отметив, что журнал своевременно и правильно поднимает социальные вопросы, волнующие станкостроителей, бюро обкома постановило: «Указать секретарю комитета комсомола Щеглову И. на отсутствие плановости в работе, недостаточную роль комитета комсомола в создании необходимых условий

сомола. Срочные вызовы в вышестоящие организации. Справки и отчеты. «Телефон звонит и звонит», — говорил Игорь в прошлый мой приезд. — Отключить его, что ли? Больше бы комсомольскому секретарю самостоятельности, прав самому решать, что ему делать. Инициативы у нас хватает. Но... не сдашь вовремя справку или протокол не так оформишь — шею намылят. О нашей работе судят больше по бумажкам. Перед всеми постоянно приходится отчитываться. А это ли главное?» Меняется положение сейчас? В чем-то да, но не так быстро, как требуют интересы дела.

В прошлый раз мы говорили со Щегловым в основном об идеях, замыслах. Сейчас уже можно сказать о том, что сделано. Если коротко: созданы секции дельтапланеристов, аквалангистов, кружки мотокросса и «Юный электронщик», постоянными стали туристические слеты молодежи. «Отвоена» половина будущего дома — хоть и в усеченном виде, но будет нечто вроде молодежного жилого комплекса. Кажется, не очень «глобальные» завоевания, зато вполне конкретные. Да и то надо

ПЕРВЫЕ ПЕРЕМЕНЫ

труда и быта молодых рабочих на производстве». Прочитав этот пункт, я спросил заведующего отделом рабочей и сельской молодежи обкома Ивана Грибова:

— Стоило ли наказывать Игоря?

— Указать — это не наказание, — пояснил Иван. — Наказания — выговор, постановка на вид, замечание...

Грибов, наверное, прав, тем более что он сам вместе с инструктором отдела провел всестороннюю проверку деятельности заводского комитета комсомола. Я понимаю и то, что члены бюро обкома собирались не только для разговора, они должны были вынести какое-то решение. Во избежание криво-толкого скажу и о другом: у самого Игоря Щеглова нет претензий к постановлению бюро. Но лично у меня оно вызвало чувство неловкости перед Игорем, поскольку я, как автор, причастен к упомянутому постановлению, опубликованному, к слову сказать, в областной молодежной газете. Да, «указать» — не наказание... Однако и не поддержка, не помощь, а именно в этом больше всего нуждался Щеглов.

Напомню: секретарь он молодой, и не только по возрасту. Когда мы и наши читатели с Игорем познакомились, он работал на своем нынешнем посту считанные недели. А до этого был мастером, комсоргом цеха — масштаб и мера ответственности, конечно же, совсем иные.

Приняв дела у своего предшественника, Игорь быстро убедился, что любой вопрос, касающийся молодежи, взять тот же МЖК, решается долго и трудно, требует множества согласований и хождений по кабинетам. А времени на конкретные дела, на индивидуальную работу с молодежью катастрофически не хватает. Мы с ним как-то попробовали подсчитать, сколько дней в неделю он занимается своими прямыми обязанностями. Получилось, если мне память не изменяет, что-то около полутора дней. Куда же уходят остальные? Совещания, семинары, заседания, бюро — плановые и неплановые — в райкоме, горкоме, обкоме ком-

учитывать, что никто и ничего не принес комитету комсомола на блюдечке: ни оборудования и инвентаря для секций, ни помещений. Думаю, комсомольские активисты без пространных объяснений поймут, сколько нервов, усилий стоило «пробивание» всех этих закусок...

Еще интересная новость: при комитете комсомола создан кооператив «Конструктор» — стопроцентно комсомольский! Молодые инженеры предлагают такие услуги: разработка проектно-сметной документации на ремонт, реконструкцию помещений и зданий, в том числе проектирование бань типа «сауна»; разработка детализированных чертежей на изготовление различных деталей и устройств; помощь конструкторам-любителям в расчетах узлов и деталей. Это на первых порах. В дальнейшем сфера услуг наверняка расширится, так как кооператив может привлекать на договорных условиях любого инженера, а толковых молодых специалистов на заводе хватает. 10 процентов выручки отчисляется на счет комитета ВЛКСМ. А все заказы заводского комсомола решено исполнять только бесплатно.

Главный заказ такой: спроектировать (а потом силами комсомольцев и построить) заводской молодежный центр. Сюда, по замыслу, можно будет прийти всей семьей. Для детей отводится специальная спортивно-игровая комната — с ними займется воспитатель. Молодые папы тем временем смогут поработать в мастерских, там поставят токарные, деревообрабатывающие станки: мало ли что для домашнего хозяйства надо смастерить... Для молодых мам — швейная комната, кулинарная. Начинающим хозяйкам будет где обменяться опытом. И, конечно, для самовара, для семейного вечера за чашкой чая, для танцев предусмотрено место. Да что там говорить: любые клубы молодой семьи, клубы по интересам можно здесь создать. Все, что захочется молодежи. А что ей хочется? Это как раз и выясняет с помощью многотиражной газеты комитет комсомола. Спросите: кто будет содержать центр (в

Владимир АНИСИМОВ,
специальный
корреспондент «Смены»

частности, платить зарплату воспитателям)? Сама молодежь и будет: все делается на принципах самоокупаемости и самофинансирования. Если учесть, что центр откроет двери не только для своих, заводских, то он еще и прибыль давать сможет...

Недавно комитет комсомола решил: довольно выступать в роли постоянных просителей, надо строить свои отношения со всеми заводскими службами на четкой взаимной ответственности. Помощь комсомолу должна быть не благотворительностью — служебной обязанностью. Ведь пока что получается? Нужно организовать субботник, послать людей на помощь колхозникам, сделать сверхплановый станок — обращаться в первую очередь к комитету комсомола. И попробуй он что-то не сделать!.. Комитет же ни с кого и ничего (кроме, разумеется, комсомольцев) требовать не может. Значит, необходимо завоевать конкретные права в отношениях с хозяйственными.

Видел я проект подготовленного комитетом документа с не совсем обычным заглавием: «Комсомольско-молодежный приказ по Ивановскому станкостроительному производственному объединению». Привести его полностью не могу: ограничен журнальный полюс, — лишь конспективно отмечу некоторые положения: ежегодно выделять комитету ВЛКСМ 100 мест в детских дошкольных учреждениях; 30 мест в пионерлагере; полностью передать в распоряжение комитета старый (то есть освобождающийся за выездом) жилой фонд. В проекте приказа также уточнены и дополнены обязанности начальников служб, отделов, цехов по отношению к молодежи, расширен круг вопросов, которые они не имеют права решать без участия комсомольской организации. Я уезжал из Иванова, еще

не зная, подписал ли приказ генеральный директор, и думал: помочь Щеглову убедить руководство в своевременности и нужности такого документа, ускорить его появление — вот это была бы реальная поддержка со стороны обкома комсомола.

Я отдавал себе отчет: проблемы, поднятые журналом, слишком серьезны, чтобы решить их все за несколько месяцев. Тем не менее сдвиги есть. У заводской проходной меня встретило объявление, приглашающее записываться в жилищно-строительный кооператив. В следующем году должно начаться строительство. Добились, значит, заводчане!

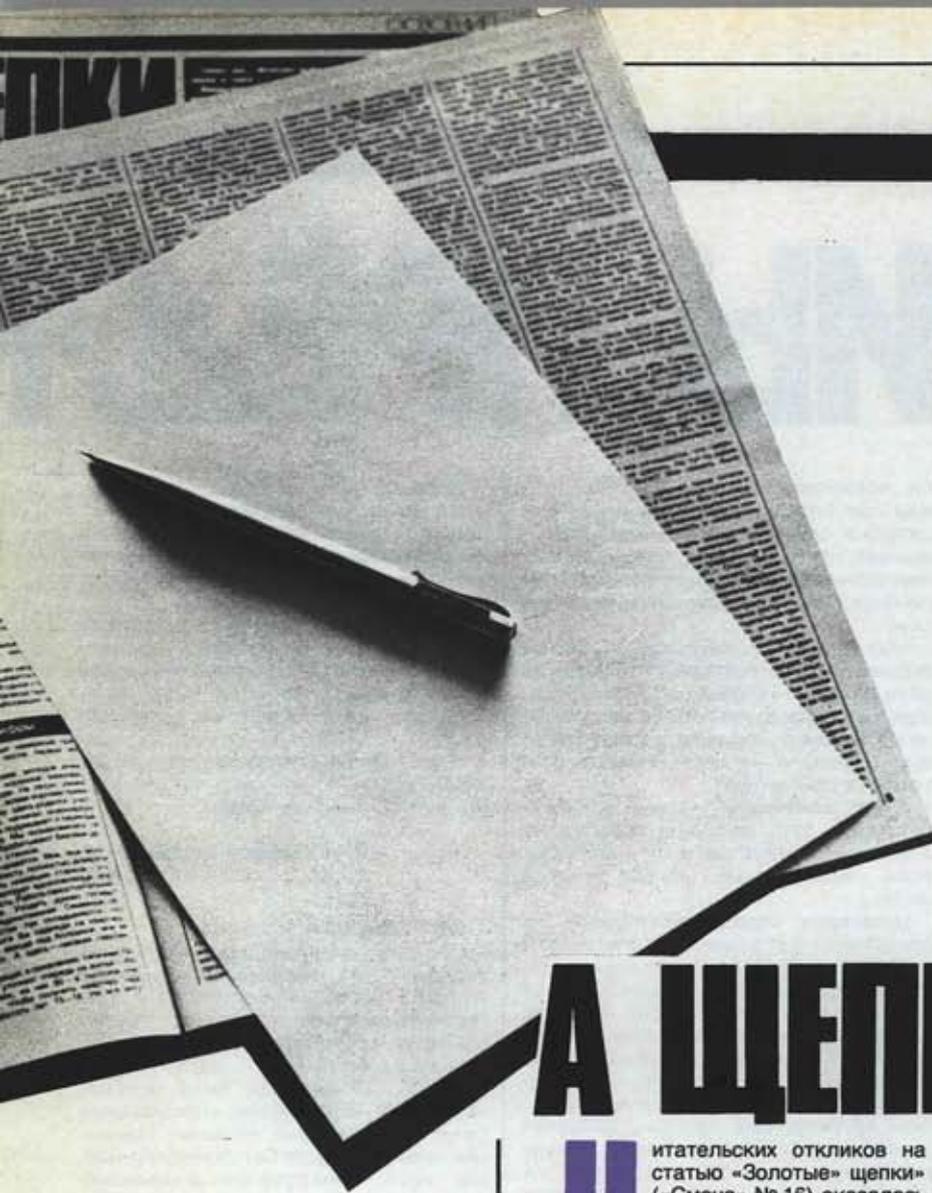
Примерно полтора года семей получили квартиры в уходящем году, появились перспективы и на 1988-й. Все это — за сверхплановые станки, построенные ивановцами. Скоро сдвинется с мертвой точки сооружение заводского профилактория. Но о полном восстановлении социальной справедливости говорить рановато, и на заводе не обольщаются достигнутым. Неиспользованных резервов и возможностей еще много.

Публикации в «Смене» обсуждены на заседании парткома объединения. Приведу по протоколу выдержки из некоторых выступлений.

В. В. ГУСЕВ, секретарь парткома.

— Программа социального развития разработана и утверждена, но в основном не выполняется. Разделы соревнования по социальным вопросам также не выполняются. За полгода по объектам соцкультбыта выполнили работ на 67 тысяч рублей при плане 96 тысяч. Все это говорит о недостаточной ответственности и настойчивости руководителей. Статьи в «Смене» своевременные и правильные.

А ЩЕПКИ ВСЕ ЛЕТАТ...

В. П. КАБАИДЗЕ, генеральный директор.

— Еще в 1978 году мы добились разрешения на строительство объектов соцкультбыта. Но тогда нам ничего не дали. Можно привести еще несколько примеров таких попыток. Нельзя сказать, что у нас с соцкультбытом хуже, чем на других предприятиях. Нет. Просто разница между производством и соцкультбытом на нашем предприятии очень заметна, бросается в глаза... Мы сдвинули вопрос с жильем. У нас сейчас стоят на очереди в среднем восемь лет, а к концу года, может быть, уменьшим эту цифру до семи. Думаю, те, кто стоит сегодня в очереди на жилье, к 1995 году или раньше его получат. Любой ценой надо начать строительство Дома быта на заводе — это решит много проблем. Но надо признать, что по целому ряду социальных вопросов мы упустили время. Надо использовать все резервы, находить способы, ресурсы у самих себя — словом, активизировать работу, кончать с иждивенческими настроениями. И многое тут зависит от самих руководителей, их инициативы. Социальные вопросы надо решать. Надо найти разумное сочетание между машинами и соцкультбытом.

Партком отметил недостаточную работу руководителей объединения по развитию социальной инфраструктуры предприятия, обязал их принять меры для устранения отмеченных в журнальных статьях недостатков. Решено создать рабочую группу для координации работ по выполнению социальной программы. Выработан также ряд других мер. Важно уже то, что руководители предприятия, кажется, всерьез обеспокоены условиями, в которых живут и работают ивановские станкостроители.

Читательские отклики на статью «Золотые» щепки» («Смена» № 16) оказалось куда больше, чем официальных ответов. Одним из первых пришло письмо из Якутии, от геолога А. Шафикова и топографа В. Одегова. Суть отклика — в двух фразах: «Может, продать или даже подарить японским фирмам весь плавающий и затопленный лес на водохранилищах сибирских ГЭС? Наши хозяйственники, похоже, не в состоянии очистить воду быстро, качественно и рентабельно». Мы еще вернемся к этому предложению, а сейчас письмо А. И. Дрозда из Гомеля, который ставит вопрос о сохранности лесов в несколько иной плоскости. Он пишет, что «с давних пор в лесоводстве существует понятие «рубка ухода». Какая-то часть деревьев отмирает, и ее приходится пускать в дело. Коли есть рубки ухода, появились и планы на них. С каждым годом эти планы повышаются. Во многих лесхозах действуют цеха по переработке древесины. Ее требуется все больше, причем не мертвой, а самой лучшей. Дошло до абсурда: вырубают самые что ни на есть здоровые деревья, а больные оставляют...»

К сожалению, в нашей почте нет ни одного письма от тех, кто по роду своей работы связан с хищническим истреблением лесов. Нет отклика ни от рабочего, бросающего на делянке деловую древесину, ни от директора, который отправляет на свалку кору и щепки, ни от чиновника, подписывающего приказы о затоплении роц и дубрав. Нет ни письма-раздумья, ни письма-спора, ни (а почему бы и нет?) письма-покаяния. А ведь им, специалистам, видно глубже и яснее, чем постороннему. Значит, они, специалисты, равнодушны, притерпелись?

Что говорить о «частных» откликах! Единственное ведомство (а обращались мы к четырем), которое прислало официальный ответ вовремя, — наименее «задетое» в статье Министерство лесного хозяйства РСФСР. Извещая о том, что «министерство поддерживает оценку фактов бесхозяйственности и расточительства со стороны пред-

приятый Минлесбумпрома СССР и строительных организаций», заместитель министра В. А. Галактионов сообщает факты и куда более вопиющие, чем те, что были приведены в статье. Например, о том, что «правительство республики по настоянию Минлесбумпрома СССР и с согласия Амурского облисполкома разрешило на территории Верхнезейского, Зейского и Снежнегорского лесхозов заготовку древесины с оставлением на корню деревьев лиственных пород и дровяных хвойных деревьев — так называемая условно-сплошная рубка леса. При этом около 400 тысяч кубометров древесины ежегодно обречалось на гибель от ветровала». Что же предпринимает в этих условиях Минлесхоз РСФСР? «Министерство направило указания Амурскому и Читинскому управлениям лесного хозяйства принять меры к полному освоению товарной древесины в ложе водохранилищ Зейской, Гилуйской, Мокской и других гидроэлектростанций и в зоне БАМа». Какие меры? Насколько они выполнимы? Об этом мы не знаем.

Но спасибо хоть за такой отклик. На письма, посланные министру лесной, целлюлозно-бумажной и деревообрабатывающей промышленности СССР тов.

гидроузлах. Учитывая это, министерство обратилось в Комиссию Президиума Совета Министров СССР по охране окружающей среды и рациональному использованию природных ресурсов, Госплан СССР и Госстрой СССР с предложениями, как изменить такой порядок. После нашего обращения Госплан СССР разработал меры по совершенствованию планирования работ по зонам водохранилищ. В них предусмотрено, что лесозаготовительные предприятия, за которыми закреплена сырьевая база, обязательно должны проводить лесосводку и лесосчитку зон будущих водохранилищ; необходимо заблаговременно создавать такие предприятия там, где их нет; нужно организовать службы по очистке акваторий водохранилищ от плавающей древесины. Намечены также другие меры.

Сейчас предложения Госплана СССР рассматриваются заинтересованными министерствами и ведомствами.

Кроме того, Минэнерго СССР издало приказ, в соответствии с которым в проектах будет теперь предусматриваться лесочистка зон водохранилищ, а также вылов, транспортировка и использование плавающей древесины».

Бусыгину, министру энергетики и электрификации СССР тов. Майорцу, начальнику ГлавБАМстроя тов. Басину, ответов в редакцию своевременно не поступило.

Прошло ровно два месяца, как редакцией были отправлены запросы в уважаемые ведомства, подошел срок сдачи материалов этого номера в набор. Мы решили поинтересоваться судьбой своих писем. И — совпадение! — в тот же день ответы в редакцию отправили Минлесбумпром СССР и ГлавБАМстрой, а в Минэнерго попросили повременить еще недельку. Наверное, те работники, у кого вылеживались письма в редакцию, не имели злого умысла. Попытки выяснить, кто конкретно виноват в задержке, успеха не имели.

Вернемся теперь к идее читателей, приведенной в начале обзора. На первый взгляд предложение передать японским фирмам наш лес, плавающий и растущий в водохранилищах, кажется привлекательным. Даже возникает искушение его развить: давайте отдадим и «золотые щепки», бросаемые на лесосеках, и кору, гниющую на свалках, и тару, сжигаемую у магазинов... А там и попутный газ, что горит в факелах, и бетонные плиты, которые зарывают у новостроек, и картофель, изничтожаемый на овощебазах... Заманчиво? Нет уж! Лучше давайте хозяйствовать у себя дома, как японцы — у себя. И еще рачительнее!.. Невозможно? А что — обделены мы умом? Или талантом?

Вот только беспокоит: у тысяч людей, похоже, душа уж не болит от бесхозяйственности, ими самими чинимой. И второе: как быть, если бюрократ способен затормозить и потопить даже столь нехитрое дело, как письмо в редакцию?

КОГДА ВЕРСТАЛСЯ НОМЕР, пришло письмо из Минэнерго СССР. Первый заместитель министра С. И. Садовский сообщил, что «министерство согласно с мнением автора статьи: не реализовывать древесину, оставлять ее под затопление, загрязнять водохранилища плавающим лесом — недопустимо. Подобная картина имеет место не только на Зейской ГЭС, но и на других

Итак, Минэнерго ответило практически на все вопросы, интересующие читателей. Надеемся также, что, когда состоится решение по поводу предложений Госплана СССР, министерство сообщит об этом дополнительно. Почта принесла ответ из Минлесбумпрома СССР, подписанный заместителем министра Н. С. Савченко. Два года назад тов. Савченко уже отвечал нашей редакции, и по тому же поводу. Говоря о хищническом уничтожении лесов в зоне БАМа, заместитель министра заверил тогда, что штаб отрасли принимает «дополнительные меры по повышению эффективности использования древесины и ее отходов в народном хозяйстве».

Прошло два года. Можно ли сказать, что меньше древесины пускается сейчас в распыл? Что предпринимается теперь? Что делается, чтобы покончить с расточительством? Читаем ответ:

«В целях комплексного использования природных ресурсов зоны, примыкающей к Байкало-Амурской магистрали, министерством предусмотрено: более полное и комплексное использование лесных ресурсов, расширение ассортимента продукции на базе глубокой переработки древесины; рациональное использование лесосечного фонда, сокращение потерь древесины при ее заготовке, транспортировке и обработке, углубление переработки древесины, включая отходы лесозаготовок; ускорение разработки и внедрения прогрессивной техники и технологии по заготовке и переработке древесины».

Слова правильные. Но мы их уже читали — два года назад...

Но что, что конкретно будет сделано? Кому поручена работа? Когда она развернется? Кто за нее отвечает? Когда будут видны ее плоды? Да, не легкие вопросы. Но именно они, а не общие рассуждения интересуют читателей.

Нет, не устраивает редакцию такой ответ. Но разговор не об этом. В конце концов мы пережили бы, если Минлесбумпром СССР вовсе не дал никакого ответа. И, наверное, читатели бы нас за это простили. Лишь бы дело делалось. Но пока на это не похоже.

ПРОБЛЕМЫ, ПРЕДЕЛЫ

✉

В публикациях журнала «Смена» №№ 13, 16 за 1987 год ставятся вопросы о бездушном и формальном отношении к детям отдельных педагогов детского дома № 10 и работников народного образования г. Ростова-на-Дону. В статьях также подняты актуальные вопросы перестройки стиля, форм и методов воспитательной работы в детском доме.

Проверкой обкома партии установлено, что факты бездушного и формального отношения к судьбе детей имели место, были вскрыты в 1986 году. Приказом обком от 31 октября 1986 года директору детского дома тов. Борисенко С. А. объявлен строгий выговор, директору школы № 19 тов. Максимовой Л. И. — выговор. Заместитель директора детского дома тов. Лесникова Н. В. была освобождена от занимаемой должности. Были приняты меры по наведению порядка в определении дальнейшей судьбы воспитанников детского дома с учетом их желания. На коллегии обком 15 сентября 1987 года и заседании бюро обкома ВЛКСМ 16 сентября 1987 года материалы публикации в журнале «Смена» обсуждены и признаны обоснованными... Признано невозможным дальнейшее использование тов. Борисенко С. А. в должности директора...

...Заведующей Ростовским горно-табачным заводом тов. Ясиновской Л. В., инструктора горно-табачного завода тов. Скачковой Т. Н., заведующей Первомайским районом тов. Нестеренко В. А. объявлены административные взыскания. Бюро обкома ВЛКСМ ряду комсомольских работников г. Ростова-на-Дону объявило строгие комсомольские взыскания за бездеятельность, бесконтрольность, проявленное равнодушие к судьбам детей-сирот. Прокуратура Первомайского района г. Ростова-на-Дону установила факты рукоприкладства в отношении детей со стороны воспитательницы Ахтямовой А. И. В возбуждении уголовного дела отказано из-за отсутствия состава преступления. Прокуратурой сделано представление об ее увольнении по ст. 254 КЗоТ РСФСР за аморальное поведение.

Ростовский горком КПСС, обком и обком ВЛКСМ приняли меры по укреплению руководства и педагогических кадров, организации постоянного шефства над воспитанниками, улучшению материальной базы, созданию в детском доме атмосферы сотрудничества педагогического коллектива и общечеловечности в интересах развития детей. Для оказания практической помощи коллективу детского дома и супругам Бабушкиным Ростовским пединститутом и госуниверситетом изучено состояние воспитательной работы, по путевкам райкома ВЛКСМ в детский дом направлены бойцы комсомольского педагогического отряда...

...Бюро обкома партии в декабре 1987 года обсудит вопрос о мерах коренного улучшения условий воспитания и обучения детей-сирот и оставшихся без попечения родителей.

Л. ИВАНЧЕНКО,
секретарь Ростовского обкома КПСС

✉

Мы, комсомольцы управления пожарной охраны Пермской области, с большим интересом прочитали мате-

риал, посвященный героям-чернобыльцам (сентябрь 1986 г.), а также статью Леонида Петровича Телятникова «Самоотверженность» («Смена» № 14, 1987 г.).

Тема, поднятая в статье, очень актуальна. Действительно, как воспитать в себе самоотверженность, не спасовать перед бедой? Бесспорно, многое зависит от родителей, школы, но мы считаем, что молодежь должна и сама воспитывать в себе эти качества.

Статью Л. П. Телятникова мы обсуждали на комсомольских собраниях в подразделениях пожарной охраны. По инициативе комсомольцев управления пожарной охраны совместно с обкомом ВЛКСМ разработано положение о проведении смотра-конкурса на право присвоения лучшей комсомольской организации пожарных частей области имени Героя Советского Союза Виктора Кибенка. Смотри показывает, что многие подразделения практически делами стремятся завоевать это право. Самоотверженность одних, халатность и беспечность других — что перевешивает? К сожалению, нередко последнее. Ведь почти каждый пожар — результат чьей-то расхлябанности, беспечности, а пожарным приходится вступать в бой с огненной стихией, порой рискуя жизнью. Мы могли бы привести немало примеров самоотверженности и героизма при тушении сложных пожаров в нашей области, многие бойцы и командиры пожарной охраны награждены правительственными наградами.

Уже 70 лет существует советская пожарная охрана, заслуги которой неоспоримы, но вот своего профессионального праздника мы до сих пор не имеем. Может быть, к 70-летию пожарной охраны этот вопрос решится положительно?

По поручению комсомольской организации УПО УВД — МАШАНОВ, КРОТОВ

Напомним нашим читателям, что уже дважды («Смена» №№ 7 и 17) мы писали о совершенно ненормальной обстановке, сложившейся в Соловецкой средней школе Архангельской области по вине ее директора — теперь уже бывшего — Горбенко Н. И. Грубость, своеволие, бесцеремонность в отношениях как с учениками, так и с учителями, а кроме того, еще и мстительность в адрес тех, кто осмеливался хоть чуть-чуть урезонить зарвавшуюся администраторшу с педагогическим дипломом, — все это и привело в конце концов к тому конфликту, разобраться в котором попытались наш корреспондент и созданные вслед за его статьей комиссии Министерства просвещения РСФСР и Архангельского облисполкома.

Надо сказать, что уже тогда мы в редакции немало удивлялись тем объективно-стандартным ответам, которые пришли из Минпроса РСФСР и Архангельского облисполкома на нашу публикацию. Строгий выговор Горбенко Н. И. за все ее и финансовые, и воспитательно-педагогические «художества» — такова была реакция тех, кто по долгу службы и в интересах справедливости обязан был принять самые кардинальные меры для оздоровления атмосферы в Соловецкой школе.

Не случайно поэтому, что и наши читатели тогда же единодушно подмети-

ли потрясающее несоответствие между преступными деяниями директора школы и слишком мягким административным наказанием за них. Помните, чем кончался наш редакционный комментарий к тем официальным ответам?

«Когда же мы научимся с корнем вырывать такие безобразия?» В самом деле, когда? — спрашивали мы в надежде, что справедливость не на словах, не на бумаге пусть даже и с официальным грифом, а на деле, в жизни все-таки восторжествует.

И вот наконец мы можем сообщить читателям, что получили совершенно конкретный ответ на этот наш, казалось, безнадежный вопрос «Когда же?».

Начальник отдела по надзору за следствием и дознанием в органах МВД при прокуратуре Архангельской области советник юстиции Лебедев Ю. Т. сообщает, что 3 февраля 1987 года уголовное дело в отношении бывшего директора Соловецкой средней школы Горбенко Н. И. рассмотрено народным судом Приморского района Архангельской области. Она признана виновной в совершении преступлений, предусмотренных ст.ст. 92 ч. 1 и 175 УК РСФСР (хищение денежных средств и должностной подложки) и осуждена к двум годам исправительных работ с лишением права занимать в течение 3 лет руководящие-ответственные должности.

Комментарии к этому приговору, как говорится, излишни.

✉

Мы, учащиеся Звенигородского финансового техникума, в ходе недели «милосердия» узнали об удивительном человеке Асхате Галимзянове из Казани, который уже 17 лет помогает детям-сиротам. Деньги он зарабатывает тяжелым трудом. Мы возмущены, что до сих пор этот человек не имеет нормальных жилищных условий, хотя у него жена — инвалид I группы. Почему доброта оказывается под подозрением? Почему таких людей не поддерживают, не помогают или не учатся у них добру и бескорыстию, а осуждают, считают их странными? Просим вмешаться и помочь ему в получении жилья. Неужели он не заслужил квартиры?

Учащиеся Звенигородского финансового техникума (всего 262 подписи)

✉

Прошло уже семь месяцев с тех пор, как вышла статья Ю. Рагозина «Затмение совести» («Смена» № 5). И все это время я ждала каких-либо результатов, но директор шахты тов. Рубцов успел лишь обозначить численность стройгруппы.

А ведь в официальном ответе Министерства угольной промышленности говорилось, что строительство дома взято под контроль. Рубцов же мне недавно сказал: «Я ничего не подписывал».

Я понимаю это как издевательство и глумление не только надо мной, но в первую очередь над памятью моего покойного мужа.

Ведь в этом доме каждый кирпичик полит его потом. И вот четвертый год дом стоит под снегами и дождями, недостроенный.

Извините меня за резкость в письме, я сожалею, что доставила вам беспокойство. Думаю, что люди нашего маленького города правы: все это пустая затея, никогда они мне дом не достроят.

А ведь чем дольше дом не строится, тем больше у меня растет денежный процент за пользование ссудой (ссуду шахта ежемесячно взыскивает с пенсии на ребенка за погибшего отца)...

Я вам очень благодарна за все, вы меня смогли понять как человека и, что могли, сделали. Спасибо.

С уважением Алла ПЛУМ, Енакиево

ОТ РЕДАКЦИИ.

Получив это письмо, мы связались по телефону с помощником министра угольной промышленности СССР тов. Поляковым В. Ф. Спросили, почему Минуглепром не контролирует выполнение собственных распоряжений (а распоряжение такое было, в «Смене» № 12 опубликован официальный ответ Минуглепрома Украины). Помощник министра подробно разъяснил нам, как много писем приходит в министерство, как трудно с ними работать, поэтому самое важное — получить официальные ответы о том, что меры приниматься будут. А вот следить за выполнением этих обещаний у министерства нет возможности.

Выходит, главное — получить бумагу, подколоть ее куда следует, и можно отчитаться о проделанной работе? Видимо, так. Только этим можно объяснить волокиту с достройкой дома в Енакиево.

Василий Филатович посоветовал переслать письмо А. Плум ему, чтобы еще раз разобраться в ситуации, а нам — обратиться в объединение «Орджоникидзуголь», в состав которого входит шахта «Красный Октябрь», оно, дескать, исполнитель, с него и спрос.

Но почему спрашивать с руководства подразделения, подчиняющегося Минуглепрому, должен журнал «Смена», а не само министерство? Поэтому мы еще раз хотим задать вопрос руководителям Минуглепрома СССР: когда наконец дом вдове почетного шахтера СССР Анатолия Плума будет достроен? Ведь официально это было обещано сделать к концу 1987 года.

После публикации очерка А. Бойко «Разумные родители» («Смена» № 14), в котором рассказывалось о том, как педагог Б. Толкачев с помощью специальных физических упражнений, закалывания и массажа вылечивает детей с хроническими простудными заболеваниями, в редакцию пришло очень много писем с просьбами передать их Б. Толкачеву. К сожалению, Борис Сергеевич просто физически не в состоянии всем ответить.

Уважаемые читатели, подробно о методике Б. Толкачева можно узнать из его книги «Физкультура против недуга», издательство «Физкультура и спорт», 1985 год. В 1988 году в этом же издательстве выйдет новая книга Б. Толкачева «Физкультурный заслон ОРЗ».

По многочисленным просьбам читателей в одном из номеров «Смены»

ОЖЖЕНИЯ, МНЕНИЯ...

в 1988 году мы планируем более подробно рассказать о методике Б. Толкачева, опубликовать его комментарии к читательским письмам.

✉

В связи с неполнотой предварительного и судебного следствия по делу Сергеева и других («Смена» № 16) в президиум Верховного суда Татарской АССР принесен протест, в котором поставлен вопрос о возвращении дела на дополнительное расследование. Президиумом Верховного суда Татарской АССР протест удовлетворен. Дополнительное расследование по делу до настоящего времени не закончено.

Ход расследования контролируется Прокуратурой РСФСР.

Н. ТРУБИН,
первый заместитель
прокурора РСФСР,
государственный советник юстиции
3-го класса

ОТ РЕДАКЦИИ.

Как сообщил нам заместитель министра внутренних дел ТАССР тов. З. Н. Невметов, в отношении В. Сергеева изменена мера пресечения, он освобожден из-под стражи. О результатах дополнительного расследования мы сообщим нашим читателям.

✉

Меня, бывшего кадрового офицера, участника минувшей войны, человека с 40-летним стажем работы, очень обрадовала такая беседа, смелые и решительные слова, мысли и поступки комсомольцев Салама Дугушева и Николая Чепурнова («Смена» № 15).

Очень приятно и радостно сознавать, что у нас есть надежная смена. Именно такими должны стать все комсомольцы нашего времени.

Да, трудности впереди ожидают этих ребят, да и всех нас, очень серьезные. Испытания предстоит выдерживать тяжелейшие и особенно в борьбе с бюрократами всех мастей и теми, кто сейчас считается «избранными». И все-таки я верю: раз есть такие ребята, как Салам Дугушев и Николай Чепурнов, мы эти трудности преодолеем!

Сергей Александрович КОЗЛОВ,
Москва

✉

Прочитал выступление комсомольца Евгения Динова («Смена» № 18) и захотелось поделиться своими мыслями. Уж очень много трудностей возникает у Евгения. А не потому ли, что сами ребята из его комсомольской организации малоактивны? Два года назад меня избрали комсоргом цеха. Честно признаюсь, сначала нам, членам бюро, самим было не понятно — как работать. До съезда далеко, а инструкции, которые нам предлагали, были устаревшие. Первое время мы варились в собственном соку, не вникали в дела руководства цеха. Нам говорили: важно, чтоб нас не ругали за вашу работу, проводите свои собрания, принимайте постановления и т.п. Ну, а так как все собрания мы проводили в присутствии администрации, то решения наши были гладкими и покладистыми. Никакой существенной помощи от администрации мы не получали, да и не за что было ее получать.

А вскоре на заседании бюро мы решили, что дальше так продолжаться не может. Созвали собрание, долго обсуждали, что нам нужно делать конкретно, чтоб нас на заводе заметили и наша комсомольская помощь заводу была видна. Первое, решили, нужно наладить работу «Комсомольского прожектора». «Старички» нам говорили, мол, не лезьте не в свои дела, не мешайте. Но мы — комсомольцы и старались не забывать об этом. Постепенно к нашей введливости привыкли и стали нам помогать.

Вторым важным делом, которым должен заниматься наш комсомольский актив, решили мы, — физкультурно-массовая работа. Ведь спорт — это и досуг, и здоровье, и хорошее настроение, наконец. Сейчас у нас уже есть спортсмены-разрядники. Параллельно начали вести — не для галочки — шефскую работу, часто бываем в подшефных классах, нашли среди своих же ребят вожатых, которые с удовольствием занимаются со школьниками.

Теперь члены цехового бюро ВЛКСМ уже не сидят молча на заседаниях, где распределяется жилье, места в дошкольных учреждениях. К нашему голосу прислушиваются, без нас решения не принимают. Из формального придатка администрации мы стали реальной силой.

Возвращаясь к выступлению Евгения Динова, хочу сказать: можно и нужно работать без инструкций, без подсказки. Хотя, конечно, толковые инструкции — большая помощь в работе.

Сейчас, после того, как XX съезд комсомола снял многие запреты с финансовых процедур, у нас появились свои деньги: мы работаем на субботниках, собираем металлолом, деньги переводим на счет райкома и пользуемся ими сами, для своих нужд. А ведь как стали работать по-настоящему, так и нужды появились: на это требуется, на то...

Вывод прост: чтобы что-то получилось, надо к этому стремиться, быть настойчивее, инициативнее, все дела доводить до конца. И не ждать подсказки!

Леонид ЗАВЯЗКИН,
слесарь-ремонтник
литейного завода КамАЗа

✉

Я живу в Ленинграде, и у нас на Марсовом поле молодожены возлагают цветы. Все то же: те же нарядные туалеты невест с немислимими разрезами, смех, шутки, шумное фотографирование. А ведь на Марсовом поле сама земля в крови...

Я часто бываю здесь и даже если спешу, то все равно замедляю шаг, читаю чеканные слова, от которых всегда слезы на глазах.

Знаете, на Руси был прекрасный обычай: перед свадьбой невеста шла на погост, где лежали ее родственники, и прощалась с ними (ведь завтра ей предстояло стать женой). По-моему, очень хороший обычай. Разумеется, я не призываю к буквальной его реставрации. Но, думаю, когда у меня будет свадьба, я обязательно приеду на Богословское кладбище, ведь там лежат моя бабушка, мой дед, мои родственники, которые умерли во время

блокады. А потом пойду на Гискаревку, там тоже лежат мои родственники. А потом по моим любимым местам, знакомым до боли с самого раннего детства.

Спасибо вам большое за такую публикацию. Пора сказать вслух и о «престижных» невестах, и о сумасшедших свадьбах в дорогих ресторанах, и о пупсах на капоте машин.

Марина СОВПЕЛЬ,
Ленинград

✉

Статья «Согласно церемонии» («Смена» № 13) задела меня за живое. Я — участник войны и имею право судить о том обряде, который появился, мне кажется, как мода.

Несколько лет назад моего внука принимали в пионеры. На Красной площади, у Мавзолея В. И. Ленина. Меня попросили выступить перед ребятами на торжественной линейке. У ребят настроение было серьезное, радостное.

Потом мы пошли на могилу Неизвестного солдата, чтобы возложить цветы. Вы посмотрели бы на ребят, с каким благоговением они положили цветы и как долго стояли около могилы! А тут подъезжает «Волга» с куклой на радиаторе. Открывается дверь кабины, выходят невеста и двое мужчин. Где же жених? Его начинают искать, выволакивать из машины. Он вдребезги пьян, как и те, кто его и невесту сопровождали. Подошли к могиле, сунули жениху с невестой гвоздики и быстро закончили церемонию.

Я не сгущаю краски. Пробывали мы здесь примерно час. И среди молодоженов не только одна эта пара была в подпитии. Я комсомолец 30-х годов, сын большевика, член КПСС с 1941 года. Еще не на пенсии. Считаю, надо отменить этот обряд «поклонения» новобрачным праху Неизвестного солдата. Кто ввел этот ритуал, кто разрешил паломничество новобрачных, сам не уважает память погибших.

Серафим Михайлович
ПОЛОСИН-НИКИТИН,
Москва

✉

Чего только стоят фотоснимки молодоженов на фоне святого для всех нас памятника! Это же «привет с Кавказа»! Профанация, да и только. Извините за резкость письма. Слишком священна память о погибших товарищах. Даже мы чувствуем перед ними какую-то вину. Хотя и ни в чем не виноваты. Просто вытянули счастливые лотерейные билеты, давшие нам возможность жить.

А. МОСАКЯН,
участник войны,
Калининская область

✉

Решил написать, прочитав 20-й номер «Смены», где опубликован материал о театре-студии «Современник-2». Михаил Ефремов, художественный руководитель этого коллектива, оказался умным и интересным собеседником. Но больше всего меня поразила последняя часть статьи, когда Ефремов рас-

сказывает об экономических принципах, на которых существует их коллектив. Эта система хозрасчета со «взрослым» театром — очень правильная и мудрая система. Да, возможно, она жесткая, но, если разобраться, единственно возможная для «мирного сосуществования» творческой молодежи и взрослых. Доказывая делом, творчеством право на существование, давая реальную выгоду, реальные деньги своему старшему партнеру, тогда он будет платить тебе зарплату. Как я понял из слов Ефремова, именно так они и договорились с руководством театра «Современник», при котором и существуют. А с другой стороны, просто восторгануюсь мужеством руководителей «Современника», которые дали возможность развиваться молодой студии. А, собственно, дело-то делают одно и выгода взаимная.

Почему мне так понравился этот пример? Да потому, что у нас много театров, других творческих объединений, которым было бы полезно подумать о таком эксперименте — открытии дублирующих молодежных организаций. Пусть будет и конкуренция — она подстегнет и тех, и других...

Сейчас вообще развернулось творческое движение молодежи — и в театре, и в кино, и в музыкальном мире... Меня интересует театр, точнее, театральные студии. Мне кажется, что если и говорить о возрождении интереса к театру, особенно у молодых людей, то это возможно только благодаря студиям. Они не заштампованы, в них работают люди, чувствующие время, знающие проблемы своей среды, говорящие на одном языке со своими сверстниками. Конечно, среди этих многочисленных студий — а они растут сейчас, как грибы после дождя, — много слабых, неинтересных, повторяющих уже давно пройденное. В связи с этим хочется сказать, что «Смена» поступает правильно, уделяя внимание этому вопросу. Ведь даже в специальных театральных изданиях — даже там, от случая к случаю, как-то очень нехотя всем этим занимаются. Может быть, и специально, конечно. Побавляются своего нового «пасынка», так сказать. А «Смена» — журнал молодежный, и кому, как не вам, попытаться помочь, поддержать студии, ответить на вопросы, которых накопилось огромное количество: что хорошо, что плохо, куда идти и зачем? Ведь, если говорить серьезно, я, например, считаю, что театр — это искусство, которое способно повернуть «человека лицом к человеку», способно пробудить в человеке самое лучшее и достойное. Кино, музыка никогда не потрясут и не потрясут так, как театр. А сейчас хочется во что-то поверить, спокойно разобраться во многих вопросах жизни. Между прочим, на мой взгляд, ребенок, соприкасаясь впервые в жизни с театром, должен получить самое сильное эмоциональное потрясение — ведь он видит живых людей, которые играют вместе с ним, сидящим в зале. А значит, от того, каким будет этот первый контакт, зависит многое в характере человека. Словом, еще раз хочу сказать: помогите молодому театру, театрально-студийному движению.

Александр ОБЧАРОВ,
инженер-программист Кардиоцентра,
Москва

ПОЧЕМУ Я ОДИНОК?

Дискуссия «Почему я одинок?» никого не оставила равнодушным. Писали люди самого разного возраста — от 12 до 50. Это были письма-откровения, в которых одни жаловались на одиночество, собственную некоммуникабельность, другие пытались проанализировать причины одиночества, третьи давали советы, исходя из личного опыта. Мнений очень много. Большинство читателей высказало общую мысль, которую точно сформулировал харьковский инженер Г. Родченко: «Главная причина одиночества — дефицит доброты, альтруизма в нашей быстротечной жизни. Мы равнодушны друг к другу, от этого и страдаем». Читатели размышляют о том, как трудно найти настоящих друзей, понимание в коллективе и даже в своей семье. Люди с активной жизненной позицией призывают «не жаловаться, а действовать», предлагают «рецепты» от одиночества (любимая работа, интересное увлечение, комсомольские, общественные дела).

Девушки единодушны в том, что любимого человека никто не заменит, ни работа, ни хобби. «Одинок тот, кто никого не любит и которого никто не любит. Одиночество — жизнь без любви». Эта мысль сквозит во многих письмах читательниц. Поэтому «рецептом» от одиночества они считают «любовь и только любовь». И предлагают начать публикацию в «Смене» брачных объявлений. Мы же ставили перед собой другую цель — пригласить читателей к доверительному разговору о человеческом общении, вместе подумать, почему сейчас столько людей, чувствующих себя одиночками, как им помочь?

Многие читатели просили направить свои отклики авторам писем, которые их заинтересовали, в надежде найти единомышленников, друзей. Мы предлагаем вашему вниманию еще несколько читательских писем, в которых их авторы пытаются подвести итоги дискуссии. Но мы не собираемся «закрывать» эту тему. «Смена» будет к ней возвращаться в материалах, посвященных морально-нравственным проблемам, проблемам коммуникабельности, человеческого общения. Многие юноши и девушки просят редакцию дать конкретные советы, как вести себя в тех или иных жизненных ситуациях, как и где удобнее знакомиться и т. д. Думаем, что публикуемая статья профессора Виктора Кан-Калика даст вам некоторые советы и рекомендации, ответит на интересующие вас вопросы.

✉ «ДА ЗДРАВСТВУЕТ ОДИНОЧЕСТВО!»

С удивлением читаю письма в рубрике «Почему я одинок?». Авторы рассказывают о трагически сложившейся судьбе, обманутой любви, неумении найти свое место в жизни, об отсутствии друзей, но... об одиночестве — ни слова.

Давайте задумаемся, почему в последнее время самые различные чувства: тоску, антикоммуникабельность, разочарованность, а то и душевную беспомощность — стали объединять в понятие «одиночество»? Ведь это совсем иное! Вот я и решилась сказать слово в защиту одиночества.

Одиночество — особая страна, планета, пребывание на ней требует мужества, независимости, духовной самостоятельности, наконец, честности. Здесь ты остаешься наедине с самым строгим и неподкупным судьей — своей совестью. Может, потому мы и стараемся как можно реже заглядывать на эту планету?

Убеждена, что, не испытав одиночества, невозможно стать человеком. Оно закаляет ум и выковывает характер. Ведь если вы наедине с самим собой и необходимо принять решение — не на кого переложить ответственность.

Давайте подумаем: почему особенно боятся одиночества именно духовные потребители, люди слабые, чей внутренний мир и кругозор с блюдце?.. Увы, если верить статистике, к ним относятся большинство шестнадцати-восемнадцатилетних.

Можно понять, как зрелого человека давит тяжесть прожитых лет, сложный сплав потерь и разочарований, да и впереди-то чему радоваться? Можно констатировать, что в общепринятом смысле слова жизнь не получилась: ни дома, ни семьи, ни творческих взлетов. А сил и нервов, чтобы построить что-то новое, уже немного.

Думаю, в этой ситуации все ясно. В подобном одиночестве следует уйти к испытанным спутникам — книгам, музыке, живописи, природе. Может быть, взяться за перо.

И все-таки, как ни парадоксально, от взрослых людей меньше всего слышим жалоб на неудавшуюся жизнь. А вот редакционные адреса от 16 до 24 лет постоянно звывают о помощи. Больше всего на свете боятся они хотя бы на час остаться в одиночестве. Любую тусовку, дискотеку, компанию, «стаю»

предпочтут возможности побыть одному. Пусть нет там близких по духу, даже просто симпатичных тебе людей, пусть раздражают внешний вид, привычки, разговоры, музыка, пусть все чужое, чуждое, зато рядом кто-то двигается, болтает, дышит. Добрая половина ненужных нам любовных связей, треть неудачных браков строились именно по принципу «пусть хоть кто-нибудь будет рядом». Но сколько еще более горьких разочарований приходит потом, когда становится ясно, что этот «кто-то», кем бездумно и горяча заткнули свой душевный вакуум, совсем не тот, кто нам нужен или хотя бы переносим. И мы уже делаем все возможное, чтобы любой ценой избавиться от него, обрести прежнее одиночество. Истина в том, что одиночество вдвоем еще тягостнее одиночества в толпе.

Предвижу недоумение: «Разве есть что-нибудь желаннее человеческого тепла, участия, понимания? Разве общение не является высшей душевной роскошью?» Конечно, да. Не случайно же стремиться к ним все люди без исключения — сильные и слабые, интеллектуалы и простаки. Но одиночество даст вам возможность оценить общение, дружбу, наслаждение беседой с единомышленниками еще более полно. Сделает вас незаменимым и желанным собеседником, советчиком, слушателем.

Одиночество — таинственный мир, который каждый должен открывать заново. Здесь нет проторенных маршрутов и компаса. Но, может быть, некоторые люди просто не доросли до него, как до состояния души?

Кстати, не задумывались ли вы над тем, что все великие люди не мыслили свою жизнь без периодов одиночества, дорожили минутами, проведенными наедине с собой, своей обостренной душевной болью, сомнениями?

Яростно горевавший по поводу своего одинокого положения Гоголь больше всего на свете любил дорогу; скитаниям по городам и странам предпочитал благостное проживание в родном городе с близкими и друзьями. Разве не одиночеству мы обязаны итогами Болдинской осени, «Фаустом», мучительными в своей озаренности портретами Рембрандта?

Так почему же теперь мы считаем одиночество подлинным несчастьем, бичом своей жизни? Диапазон несчастий, описанных вашими авторами, поистине огромен — от отсутствия люби-

мого мужчины и здорового коллектива до отсутствия кроссовок, блузоны и сигарет «Мальборо». Но если, по мнению авторов писем, таких пустяков достаточно для того, чтобы быть понятой и счастливой, не проще ли приобрести их и сразу избавиться от одиночества?! Почти все письма, к сожалению (несмотря на стремление авторов заявить о своей избранности, непохожести на других), являют собой примеры разных уровней бездуховности и, что еще хуже, привычки к нравственному паразитизму. Им надо, чтобы их понимали, развлекали, советовали... А достойны ли они сами любви, дружбы?

Ксения ОЛЕНЕВА,
Москва

✉ «Помогите сами себе»

Очень заинтересовали меня ваши публикации под рубрикой «Почему я одинок?». Не оставило равнодушным ни одно письмо. Ведь каждое из них заставляет задуматься, увидеть известные проблемы глазами разных людей. Одни письма интересны тем, что в них делятся опытом с молодыми людьми, повидавшими многое в жизни. Другие интересны тем, что написаны людьми нашего поколения, которые ищут ответы на волнующие нас вопросы.

С письмом читательницы Светланы Ивановой из Могилева не могу согласиться, оно очень категоричное, а категоричность не лучший помощник в споре. Хочу поспорить со Светланой.

Почему вы, Светлана, считаете, что «журнал спекулирует на житейских проблемах»? Разве заочный диалог незнакомых людей можно назвать спекуляцией? Взамен открытой беседы вы предлагаете печатать адреса конкретных людей, желающих познакомиться. Что ж, для кого-то это, может, и необходимая мера, но ведь не для всех! Журнал же решает более обширную проблему. Письма, подбираемые в «Дискуссию», призваны заставить людей, их прочитавших, задуматься, понять причины своего одиночества, взглянуть свежим взглядом на себя и окружающих. А превращение журнала в печатную сваху вредно, на мой взгляд, еще и потому, что это даст многим призрачную надежду на то, что кто-то посторонний решит их сугубо личные проблемы и для этого не надо прилагать никаких усилий.

Другое дело — научить людей ориен-

тироваться в сложных житейских ситуациях. Вот эту задачу и призван, на мой взгляд, решать журнал.

Юрий ШУЛЬГА,
Харьков

✉ «Вы еще будете счастливы!..»

Одиноким человек не может быть счастливым, потому что всегда нужен рядом человек, ради которого ты готов отдать себя. Ведь сама природа создала нас для любви, а любовь ничем не заменишь. Можно жить ради высокой цели, забывая обо всем на работе, но... когда вечером будешь возвращаться домой и вспоминать, что тебя никто там не ждет... Здесь даже самый «счастливый» одиноким человек почувствует себя неполноценным. Поверьте, это трагедия. И надо быть очень равнодушными и черствыми людьми, чтобы смеяться над теми, кто поведал о своем горе через ваш журнал.

Одиночество — не выдуманное понятие, а реально существующая проблема. И те, кто задумался над ней, отнюдь не эгоисты. Каждому ребенку нужна мать, семья, также и взрослому требуются внимание, забота, ласка. Это все очень естественно.

И все-таки, мне кажется, это даже очень хорошо, что юноши и девушки уже в шестнадцать лет познают одиночество, потому что, повзрослев, они будут дорожить своими друзьями, добрыми знакомыми, дружбой вообще, любовью. Кто не знает цены одиночеству, тот не знает цены любви, дружбы, семьи. Надо пройти через одиночество, чтобы потом никогда не быть одиноким. Большинство же девушек, как мне кажется, вступают в брак, не вкусив этого горького хлеба. Может, в этом одна из причин многочисленных разводов?

Нет, я не призываю вас к уединению. Я призываю просто подумать об этом, прежде чем «рубить канаты». Дорожите близкими людьми, теми, кто любит вас! Ведь влюбиться совсем несложно, главное — сберечь любовь. Ну, а те, кто еще не нашел спутника жизни, не отчаивайтесь, верьте, терпите, ждите. Одиночество — это несчастье, но пережить его нужно гордо и достойно. Вы еще будете счастливы, жизнь-то продолжается, а одиночество пройдет.

Аркадий УСТИНОВ,
военнослужащий,
Свердловск

И она действительно скучает по нему. Не хочет, чтобы он в своих мужских делах забыл о ее существовании. Ревнует его. К пахоте, к сыну, к ремонту... Ей хочется напомнить ему о себе, и она готова идти для этого к нему хоть на край света: «Вот она я. Не забыл?» Не только его — ей не хочется, чтобы и ее застали от него какие угодно дела и заботы.

Может, поэтому она и книги не читает запоем. Читать запоем — значит не всегда сидеть или лежать с книгой часами. Большею частью как бывает? Крутятся-крутятся хозяйка весь день, как белка в колесе, а вечером уличит, урвет минутку и уж в эту-то сладостную минуту отрешится, отключится наконец от всего сущего и вся окупнется в призрачные струи чужой, не похожей на ее существование, не будничной жизни. Зови ее, стучись к ней в эту минуту — бесполезно. Только легкая рябь в месте исчезновения.

Ольга же, когда читает, все равно каким-то боковым зрением видит картину, которая ее окружает. Какие бы заманчивые миражи перед нею ни открывались, а все равно ладошкой, кончиками пальцев держится этого дорогого ей берега.

И как-то так получается, что волшебные струи переливаются через нее, как на перекате, и, нежно просвечивая сквозь них, картина эта окрашивается в особо мягкие тона. Приобретает глубину и причудливую текучесть. И явь, и счастливый сон. Настолько счастливый, что даже страшно за него. Толика страха все время горчит у Ольги в крови, особенно когда она осторожно ощупывает пальцами рваный, спекшийся шрам на груди у мужа. А наткнувшись при чтении на место, которое ей особенно понравится, захватит ее, она сначала перечитывает его про себя вновь и вновь, подумает, оторвавшись глазами от книги, взглянув на свое увлеченное ремеслом семейство, и скажет:

— Послушай, Миша.

И прочитает понравившийся кусочек вслух.

«Затем все лето провел я в Софьино безвыездно, и было мне некогда даже подумать о городе, но воспоминание о стройной белокурой женщине оставалось во мне все дни; я не думал о ней, но точно легкая тень ее лежала на моей душе».

Муж поднимает голову и слушает ее уважительно. Сын поднимает голову и слушает с нетерпением: когда же наконец они с отцом опять приступят к прерванному на время этой громкой читки занятиям. Пальма, не отрывая морды от пола, поставит торчком одно ухо и этим ограничится — знает она все эти женские штуки.

— Но точно легкая тень ее лежала на моей душе... — негромко повторяет Ольга еще раз.

Муж ее помолчит, прежде чем, нетерпеливо теребимый за рукав сыном, опять приступит к делу. У него вообще хорошая черта: когда ему нечего сказать, он и не говорит ничего. Есть мужья, которые в подобных случаях, как пустоты, не терпят молчания. Им обязательно надо что-нибудь вякнуть, даже если вякнуть нечего. Каждый — прямо кладезь мудрости. А этот молчит, не лезет с расхожими комментариями. То ли из уважения к Ольге — а он-таки уважает в ней эту причуду, — то ли из уважения к печатному слову. И молчание его Ольга не ощущает, как пустоту, потому что чувствует она, он тоже думает. Пусть хотя бы совсем о другом, вроде бы вовсе и не связанном ни с тем, что она сейчас прочитала, ни с ее, Ольгиными, мыслями...

— Был у нас ефрейтор Вася Безбожный. Так мы полгода его девчонке письма писали. В подсмукке адрес нашли и записку: пишите, мол, до конца срока моей службы. Придумайте что-нибудь. Ну и писали. Придумывали. Мол, с правой рукой плохо, сквозное ранение, пишу левой. Верила, отвечала. Сам он из Приморья, а она жила в Москве, его родители о ней не знали.

— А на самом деле? — спросила Ольга после некоторого молчания.

— Что на самом деле?

— Что случилось с ним на самом деле?

Ольга говорит вполголоса, ей кажется, что чем тише она спросит, тем непонятнее будет ее вопрос для сына и тем меньше внимания он обратит и на вопрос, да и на ответ, о котором она, содрогаясь, догадывается и спрашивает скорее по инерции, в сла-

бой надежде, что догадка ее все-таки не подтвердится.

Однако не тут-то было. Как раз в этом месте сын, учуяв паузу, как чуют след, весь обращается в слух и зрение. Мигом забывает о своей мешкотности и, поднимая голову, вперяется серыми немигающими глазенками то в отца, то в мать.

— На самом деле только подсмук от него и остался, — неохотно роняет Михаил. — Подорвал себя, когда понял, что живым не выберется. А записку, наверно, давно написал и носил с собой.

Ольга потихонечку закрывает книгу и замирает, зажав и книгу, и ладони между коленей. Ладони еще полны памяти о переделанной за день многообразной работе и, доселе неутомимые, вдруг отчетливо загудят, как гудят (в Белой бы сказали «гудут») телеграфные столбы, если прислониться к ним ухом. Загудят, словно она подставила их, ладони, прямо под эти тяжкие слова.

Может, она и читает в поисках того, чем можно было бы поделиться? Гребет, как курочка, ищет золотое зернышко. И вечернее неназойливое чтение, чувствует Ольга, тоже сближает их. Потому что под настроением ее находок муж тоже с нею нередко делится — чем в другой обстановке он, не расположенный к излияниям, и не поделился бы.

Она и днем, когда бывает одна, читая, видит его перед собой. Читает и как бы провеивает прочитанное. Присматривается, примеряется. Прислушивается: что бы ей хотелось повторить Михаилу? И иногда для верности зачитывает-таки вслух. Дому. Предварительно. И тот ее вполне понимает и даже отвечает, если опять же судить по некоторым Ольгиным репликам. А вечером, раскрыв книгу, она и впрямь возьмет да и воротится к своей дневной заручке. Это как по ягоды ходят. Один норовит от всех отбиться, а вот Ольга так и ходила бы, так и бегала бы, так и летала бы с ним рука в руку. Ей не хочется одной. Ей хочется вместе.

Кем был для нее раньше Чехов? Классик и классик. Когда-то живший на свете человек, оставивший замечательные книги. Да он уже и человеком не воспринимается. Понятие. Как есть понятие философское, математическое. Так и тут: понятие «Чехов». Когда б еще не борodka клинышком да не пенсне, то и вообще без особых, без человеческих примет. Дух. У великих ведь нет лиц и фамилий — они, лица и фамилии, давно стали обиходным кодом. Ячейка в сотах. Картонная закладка в бесконечных библиотечных стеллажах, на которой значится одна из букв алфавита. Для облегчения поиска...

И вдруг он, Чехов, оказывается, бывал в деревне и даже в доме, где она живет. Пусть даже много-много лет назад. И знания об этом — капли знания — оказались достаточно, чтобы дух стал материализовываться. Глаза проглянули сквозь пенсне.

И удивительное дело: они проглянули и в том, что она читала!

Совсем другую, живую интонацию услышала. Есть чтение, даже зубрежка есть, а есть беседа. Читала и слышала Живого человека. И точно так, как просвечивает сквозь марево ее вечерних чтений укромная, не для чужого глаза, жизнь ее собственного дома, так и рассказ Степаниды Подсвировой слышится ей сквозь грустный речитатив чеховских страниц.

Перечитывает и передумывает. Передумывает — и капля знания и здесь заставляет двигаться, перестраиваться, дышать то, что раньше не дышало. Вы размышляете над прочитанным, и вы размышляете над услышанным от живого человека. Есть разница? Особенно если этот живой человек ваш гость.

Вот-вот, эта чудачка восприняла Чехова как своего гостя. Словно бог весть когда мимоходом заглянувший в ее дом, он так и остался в нем. Незримо присутствует. Гостит. Не мешая хозяевам, оставаясь в тени, занимаясь своими делами. Но жизнь в доме, строй мыслей, что ли, сообщается как-то с присутствием сего высокого гостя.

Вечернее чтение, вечерние собеседования — они как раз и задавали этот строй мыслей в доме.

У Чехова есть рассказ о том, как хороший человек, адвокат, получает письмо от двух сестер, его давних знакомых — в одну из них, помнит, он даже когда-то был влюблен, — живущих за городом, с приглашением навестить их. Провести пару дней на свежем воздухе.

Адвокат понимает, что сестры приглашают его не зря: наверняка хотят посоветоваться по имущественным делам. А дела у них, знает он, плохи. И как бы хорошо он к ним ни относился, а ехать на поезд, потом тащиться от станции на телеге до Кузьминок ему не хочется. Не хочется, потому что придется либо сообщать сестрам дурные новости, либо придумывать что-то, выкручиваться. И все же, верный старым сердечным привязанностям, движимый простой человеческой порядочностью, уже немолодой, уже не очень здоровый, рыхлый, предрасположенный к покойным одиноким досугам адвокат едет за город. Тащится...

Ольге кажется, что и сам Чехов — хороший человек, принужденный сообщать плохие новости. Хороший человек с грустными новостями. А его интонация, его поведение, даже внешность его трогательная — попытка хоть как-то смягчить эти новости. И даже вышутить их, лишить убойной силы, грустно посмеяться над ними вместе с адресатом — к слову, такую попытку предпринимает и адвокат.

Когда уже никаких других средств защиты нет.

Смех как сочувствие и как защита.

Дом, приютивший Чехова. Да-да, вот так она, чудачка, понимает свой дом и соответствующим образом ведет его. Сразу же после посещения Степаниды Подсвировой велела мужу на время приостановить все ремонтные работы. И впредь не ремонтировать дом, а восстанавливать его. Вот когда бельские старики стали совершенными хозяевами положения! А уж без самой Степаниды Михаил и шагу теперь не мог ступить. Правда, у Степаниды нередко разгорались жестокие споры с остальными советчиками, которых она в пылу творческой полемики называла сопляками и даже молокососами. Да, конечно, каждый из них на десять — пятнадцать лет моложе ее, если к восьмидесятилетнему вообще приложить слово «молокососы». Но суть не в этом. Главная причина в том, что они представляли противоположный пол.

О уж этот бестолковый противоположный пол! Столь тесное общение с ним на закате жизни лишний раз убедило Степаниду в правильности избранного пути.

Доверенность воспоминаний Степаниды Подсвировой, которая помнила все в доме и сам дом так, словно только вчера выпорхнула из него, вступала в противоречие с дерзким полетом зодческой мысли остальных советчиков. Советчиков, что по своему обыкновению уже с утра стояли вокруг дома, задравши головы и сбив на затылки картузы и соломенные шляпы, солома в которых почернела, как прошлогодняя. Будто ревностно, как мальчишки за голубями, следили за кувыркающим полетом этих своих мыслей.

Мальчишки. Молокососы они и есть молокососы.

Было тут еще одно противоречие: между сметной стоимостью проекта, как выразились бы профессиональные строители, и «тети-мети», по сугубо бельскому выражению.

Да-да, и такое выражение имеет хождение в Белой, как бы подтверждающая ее былую принадлежность к некогда бойкому торговому пути из срединной Руси в срединную Азию. Оброненная, выскользнувшая из атласных шаровар монетка с чьим-то тюркским профилем.

По этой причине реставрационные работы тоже затягивались. И никто из сторон — ни молокососы, ни Степанида Подсвирова — не хотел умирать, не дожидаясь их завершения, которое каждая сторона мыслила как свое полное и единоличное торжество. Так в Белой, помимо пенсии, появился еще один стимул продолжительности жизни.

Денег бы, может, и хватило, не отколки Ольга еще одну штуку. Поехала в Город и в магазине «Культтовары» купила бюст Антона Павловича Чехова. Вообще-то она не раз уже навещала в магазин, но впус-тую. Никан не могла наткнуться на Антона Павловича. Александр Сергеевич был, Лев Николаевич попался и даже Алексей Николаевич наличествовал, а вот Антона Павловича не завозили. И вдруг в один из приездов заходит в «Культтовары» и видит — Антон Павлович.

426 рублей 82 копейки.

— По безналичному? — переспросила у нее заведующая секцией.

— Нет, — смутилась Ольга.

Георгий ПРЯХИН

ЛИПЫ

Заведующая внимательно посмотрела на нее.

В общем, упаковали, укутали ей Антона Павловича и даже до такси помогли донести. Видно, не каждый день покупали в «Культтоварах» гипсовые бюсты великих писателей более чем в натуральную величину!

Но наличных у Ольги оставалось только на то, чтобы таксист вывез ее на окраину Города. 435 рублей — вся наличность, с которой она неоднократно ездила в Город якобы в поисках импортной искусственной шубы. «Нашла?» — спрашивал ее после каждой поездки Михаил. «Не-а!» — легко отвечала она. Можно было, конечно, уговорить таксиста, чтобы он-таки довез их с Антон Павловичем до Белой, и уж там расплатиться с ним. Но Ольге доподлинно известно, что в доме ни копейки, — сама все выгребла, ибо уже имела представление, сколько может стоить давно искомая ею вещь, потому что ровно столько же стоил и бюст Льва Николаевича, который она неоднократно видела в «Культтоварах». А по соседям бегать уже поздно, да и народ в Белой не так легко расстается с денежкой, чтобы с бухты-барахты взять и занять их кому-то.

А главное: таксист заломил такую цену, что Ольга сразу же забарабанила ему кулаками в спину: останавливай! Высаживаемся. Видно, и его, таксиста, бюст вверх в заблуждение. Вот тебе и наметанный глаз. Высадились они с Антон Павловичем на обочине и дальше добирались методом голосования.

Покупка у Ольги тяжелая, килограммов сорок чистого весу. В кабину поднять, потом на землю снять... Другая б, может, и сплывала. Другая б, может, и оставила покупку в райцентре у отца с матерью с тем, чтобы муж завтра сам забрал ее. Другая б, но не Ольга. «Что это у тебя — стиральная машина?» — спросил у нее на каком-то этапе — а добираться до райцентра пришлось перебежками — шофер «КамАЗа», когда она взгромоздилась к нему в кабину вместе со своей поклажей, которую каждый раз устраивала только рядом с собою, только в кабине, а не в кузове.

— Ага! — махнула она головой. — По благу достала. В общем, и «КамАЗ», и «ГАЗ-53», и колесный трактор, а последний этап — от деревни Ивантеевка до Белой — Ольга преодолевала на кобылке Игната Тимофеевича. Игнат Тимофеевич в этот день обслуживал другую деревню, видимо, не столь бесперспективную, как Белая, и потому менее хлебосольную, и вовсе не собирался на ночь глядя к белчанам. Ехал в противоположном направлении, в Ивантеевку, домой. А Ольга со своим картонным коробом стояла на повороте. Темнело. Особых надежд уехать уже не было, пешком с такой ношей не добраться, но и оставить ее на дороге невозможно. Хорошо, что Игнат Тимофеевич сжалился над нею, поворотил кобылку в Белую.

Надо сказать, поворот был совершен без особых колебаний: у Игната Тимофеевича обнаружился вполне благородный повод пройти огнем и мечом по белским алкогольным заначкам.

В Белую въезжали затемно, и Ольга думала о том, как же хорошо, что ей встретился Игнат Тимофеевич. Хорошо еще и потому, что благодаря этой встрече Антон Павлович после долгого перерыва появляется в Белой самым натуральным образом. Так же, как он въезжал в нее и много-много лет назад на кобылке.

Опустим объяснение Ольги с мужем — оно не доставило ей особых хлопот, особенно если учесть, что тут же, рядом, находились еще и Игнат Тимофеевич, и его кобылка и надо было должным образом позаботиться о них. Да он никогда и не требовал от нее отчета, тем более в сфере, в которой заведомо признавал ее приоритет.

В общем, сидели они за полночь, ужинали, пили чай. Ольга выставила мужикам записку, сын, соскучившись по матери, спал у нее на руках — хитрый-таки народец: только поднесешь его к кровати, он тут же открывает глазенки, просыпается, словно споткнувшись во сне обо что-то, а на руках, несмотря на свет настольной лампы, на разговор вокруг, дрыхнет без спотыкачки. Кобылка Игната Тимофеевича, уткнувшись мордой в задок телеги, куда ей подсыпали пшеницы за полным отсутствием и в доме, и в колхозных севооборотах овса, вздыхала за окном ну точно как корова. Бюст рафинированно белел посреди стола. — существовала опасность, что никакая другая мебель в доме его не выдержит, — и Игнат Тимофеевич под конец неоднократно порывался чокнуться со своим недавним пассажиром.

А на следующий день Ольга, получив разрешение в сельсовете, объявила по деревне, что через воскресенье состоится открытие памятника Чехову.

Ольга давно уже думала, где установить памятник. Возле дома? Неудобно. Вроде как принадлежность их двора. Будто они с Михаилом присвоили право и на памятник, и на память. А память не может быть присвоенной. Память должна быть общей, считала Ольга. И после долгих размышлений выбрала вот какое место: перед школой. Перед школой, а значит, и перед фельдшерским пунктом, что тоже очень кстати. Ведь по профессии Чехов — врач и даже в Белой, на отдыхе, говорят, принимал в барской усадьбе приболевших крестьян.

Перед школой. Перед фельдшерским пунктом. А в общем-то, если уж быть совсем откровенной, то ведь и перед ее глазами тоже. Как и всякая женщина, в душе она, хоть и сама себе в этом не признается, не настолько бескорытна, чтобы вот так, за здорово живешь, «с концами», как еще говорят в Белой, взять и отдать в общее пользование свое кровное. Не-ет. Помимо того, что она все-таки женщина, а точнее сверх того, она ведь еще и белская женщина. А белская — ей, как правило, кроме как на самой

себя, рассчитывать не на кого, и копейку свою она держит под уздцы. Коня на скаку остановить...

Бельская, может, потому всякий раз так и радуется появлению Игната Тимофеевича, что вовсе не считает ежемесячную выдачу пенсии железной закономерностью. Скорее счастливая случайность. В душе она, пожалуй, даже удивляется простоватости государства, которое так, почему зря, пуляет денежку. И Ольге спокойнее, если ее приобретение у нее на глазах.

Ведет урок, ходит от парты к парте, а стоит чуть-чуть скосить глаза — и вот он, за окном, белеет на фоне черных, корявых липовых стволов. Стволов, которые, наверное, еще помнят его живого.

Корысть? Тщеславие? Да нет, ей и впрямь спокойнее. Увереннее. Когда в любую непогоду — и на дворе, и на душе — там, между сумрачными вековыми стволами, светит. И спокойнее, и осмысленнее, что ли.

Вот ведь сколько всего сошлось под этой крышей: и школа с детворой, в том числе и с ее собственным сыном, и фельдшерский пункт — фельдшера нет, а старухи идут, и Ольге поневоле приходится если не лечить, то выслушивать их, и старухам кажется, что уже от этого им полегчало. И памятник. Иногда Ольга и сама себя ощущает такой вот крышей. Распростерлась над Белой и держится неизвестно на чем.

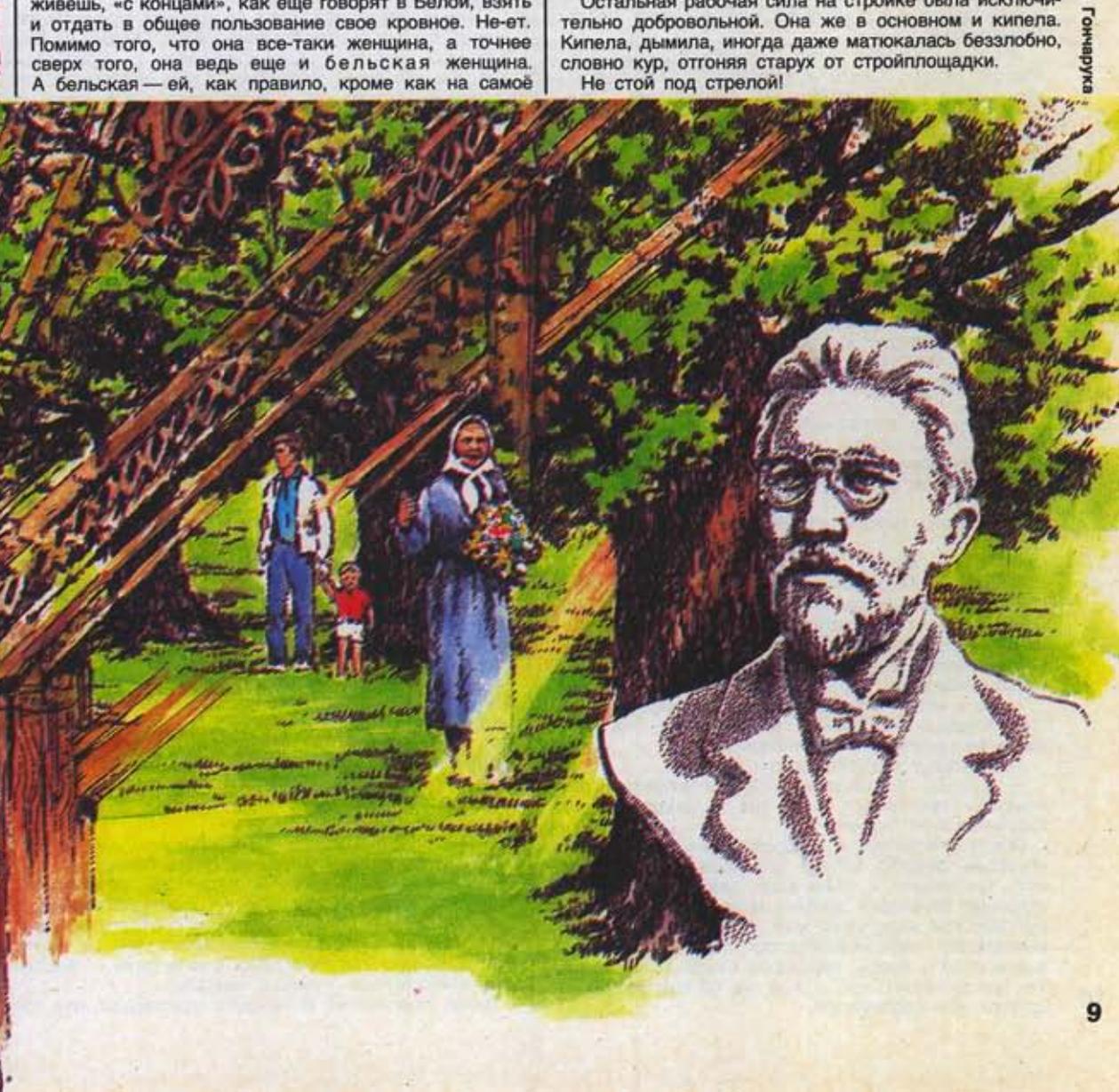
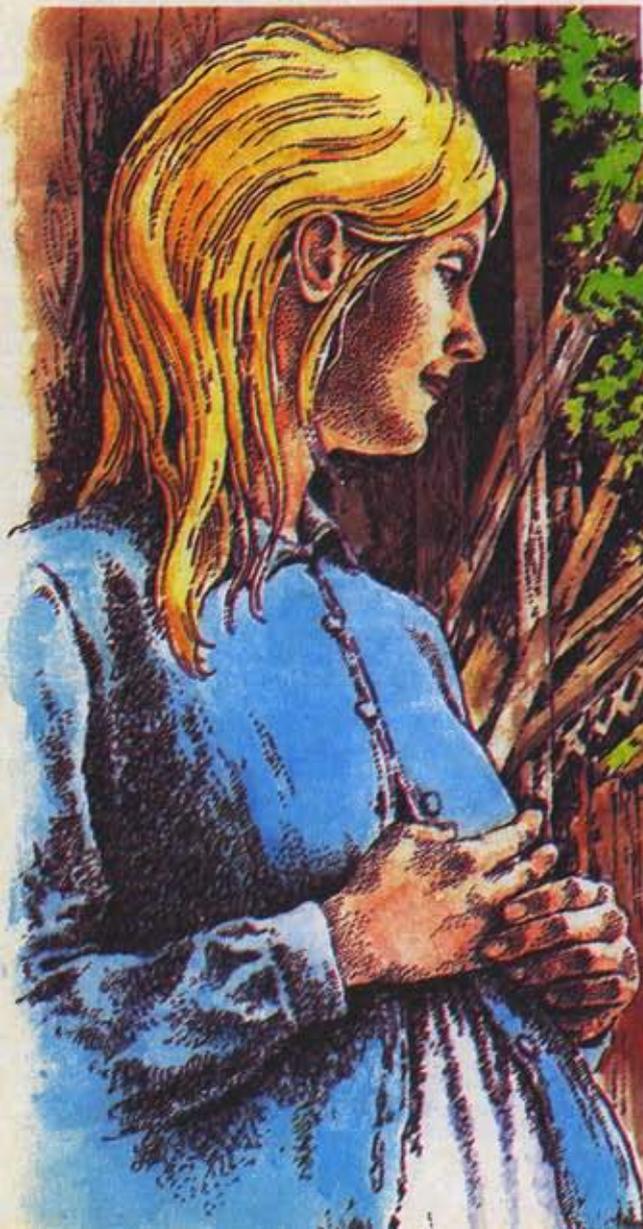
Пришлось Михаилу с дедом соорудить напротив школы постамент для памятника. Сначала хотели сложить из жженого кирпича, оштукатурить, зацементировать. Но председатель колхоза, до которого тоже дошел слух о памятнике, сказал, что кирпич — это «колхоз-малхоз». Что тут нужен бетон. И взялся раздобыть его. И раздобыл. И закипела напротив школы работа. Бельские должители опять оказались при деле. Была сооружена опалубка, замешен раствор...

Словом, стоило Ольге чуть-чуть скосить глаза, и она видела изляпанную, крепко загоревшую — это даже не загар, а прямо-таки тавро, вынесенное еще из Афганистана, — спину, которую вечером ей надлежало скоблить и драить с тем, чтобы еще позже, уже во сне, уже почти бессознательно, теми же ладонями нежно ворожить над нею, как бы залечивая, задышавшая, замаливая свою же недавнюю праческую ретивость.

Председатель, и сам вдохновленный Ольгиной идеей, кроме бетона, раздобыл еще и работника, освободив его на три дня от полевых работ.

Михаил — он и есть этот освобожденный работник. А кого еще мог освободить председатель, коли он, Михаил, тут единственный? В поле его подменили механизатором из другой деревни, а вот постамент, согласился председатель, все же должен ставить свой, белский человек.

Остальная рабочая сила на стройке была исключительно добровольной. Она же в основном и кипела. Кипела, дымила, иногда даже матюкалась беззлбно, словно кур, отгоняя старух от стройплощадки. Не стой под стрелой!

Тем временем Ольга послала телеграммы в Город, в местное отделение Союза писателей, и в райком и райисполком. Мол, так и так, в деревне Белой Константиновского района такого-то числа состоится открытие памятника неоднократно бывавшему в ней Антону Павловичу Чехову. Милости просим.

Строго говоря, Чехов был в деревне дважды. Это Ольга уточнила и по книжке, которую ей подарила Степанида Подсевирова. (Первый раз Степанида книжку не принесла, не доверила, а потом все-таки подарила, точнее, передала на дальнейшее хранение: все-таки не ровен час, сказала, годы мои не девичьи, и поджала губы...) Но писать «дважды» как-то несолидно. Вот «неоднократно» — совсем другое дело. Солидно. Убедительно. Можно было, конечно, обойтись и без телеграмм, просто позвонить по телефону. Но Ольга послала телеграммы. Официальнее. Солиднее.

Были люди и из области, и из района, хотя последний все-таки учинил председателю изрядную головомойку — за партизанщину в культурной политике. И зажигательные речи были, и «чеховские сценки», разыгрываемые прямо на улице, перед памятником, под липами. Сценки, которые Ольга подготовила со своими учениками и в которых каждому артисту, в том числе и ей самой, пришлось играть сразу несколько ролей. Из-за малочисленности труппы. И пламенные обещания перед лицом Антона Павловича дружными, совместными усилиями сделать Белую еще одной литературной святыней на карте Волжского края.

Обещания, которые Ольга, стоя в сторонке, хладнокровно заносила в тетрадку и по следам которых двинулась буквально через день, пока клявшиеся не позабыли их.

Как там насчет дороги?

Как там насчет сетевого газа?

Теперь уже она действовала не только от имени белских стариков и старух, но и от имени — имени-отчества — Антона Павловича тоже. Живые люди не всегда самый веский аргумент. Да и такие ли уж они живые, белские? А вот вкупе с Антоном Павловичем как-то потяжелела, поважнела, поживела Белая. Уже неудобно выставить ее в лице депутата Белошейкиной вон...

Из рассказов, аккуратно записанных Ольгой в амбарную книгу, выходило, что Чехов однажды был ни много ни мало, а прямо-таки спасен белскими мужиками. Ушел в одиночку из барского дома поохотиться, но вскоре поднялась пурга, и он заблудился. Кружит-кружит ночью вокруг деревни, а выйти на Белую не может. Барин, почуяв неладное, поднял мужиков и айда с ними в луга. Отыскали гостя под стогом. Принялись его тормошить, а он открывает глаза и улыбается: «А я и знал, что вы меня найдете. Выручите...»

А теперь, выходит, Антон Павлович выручал Белую. Нашел! Может, Ольга и злоупотребляла несколько его именем, но она думала так: будет Белая — будет и память.

И есть ведь еще один, самый близкий ей человек, ради которого она старается, хотя имени его в отличие от имен старух, от имени Антона Павловича ни в одном кабинете не произносят...

В одном она ошиблась: гипсовые фигуры под открытым небом недолговечны. Пришлось для начала покрыть гипс белой масляной краской. Но вообще-то Ольга уже отыскала в Городе скульптора, который взялся вырвать памятник из гранита. Настоящий. Крепкий. Чудной такой скульптор. Приехал в Белую, походил, посмотрел, пожил два дня у Белошейкиных. А уезжая, сказал, что памятник вырубят бесплатно. И что ж: памятник будет, а людей вокруг — ни души?

— А почему вы плакали, Оля?

— Я?!

Она так искренне изумилась, что я и сам на мгновение усомнился: а плакала ли? Но я же видел своими глазами.

— Плакала потому, что меня сегодня не приняли в институт.

— То есть как?

— Да так. Пять лет назад окончила педучилище. Имею право без экзаменов поступить учиться на заочное отделение пединститута. Разумеется, при положительных характеристиках и после предварительного собеседования. Так вот, сегодня как раз и было собеседование.

— Ну и что? Не прошли собеседование?

— А куда ж мне пройти: вы же видите — ни в одну дверь не прохожу, — засмеялась она.

— Что же у вас спрашивали?

— А ничего не спрашивали. Председатель приемной комиссии как увидел меня, так и замахал руками: беременных не берем!

Она так уморительно изобразила, как председатель комиссии, видимо, вполне положительный, аккуратный; привыкший к приличным, аккуратным формам старичок, панически замахал маленькими беспомощными ручками при виде этого уже хорошо вспучившегося, выходящего, выламывающегося из рамок живота, въехавшего в дверь, предвзятое самое абитуриентку. Так уморительно, что и мне не оставалось ничего другого, как рассмеяться.

— Положение у них такое: беременных не брать, чтобы не было потом канители с академическими отпусками и прочим. Я ему: да я, мол, не буду просить академический отпуск, я так, без отрыва рожу. А он еще больше замахал, как будто я прямо сейчас, в кабинете и разрешусь. У них положение, а меня вся деревня провожала, все мои бабки к автобусу вышли. Мне теперь и встречаться с ними стыдно. Приехала и задами, огородами домой. Что сказать? Не приняли, потому что беременная? Какой дурак в это поверит? Раз не приняли, значит, дура душой, а мы-то, скажут, за умную ее держали. Не приняли — значит, не положено принимать из Белой. Они-то вбили себе в голову, что раз будет в деревне свой учитель с высшим образованием, раз будет его учить, пусть хотя бы и заочно, значит, не закроют школу в Белой. А раз так — и деревне переводу не будет. А не приняли, значит, все-таки крышка Белой. Поневоле заплачешь.

Заканчивала рассказ уже на другой, грустной ноте, но в самом конце все-таки не выдержала, прыснула: — Почему, когда еще присылали документы, не указали в них, что вы беременны?

А я:

— Да там графы такой нету! И потом это ж дело наживное: сегодня беременная, а завтра, глядишь, надуло. Ну, он совсем чуть со стула не скovyрнулся. Да она, говорит, еще и грубиянка!

Съемки давно закончились, а снимали передачу о том, как в области организован сельский досуг, и, признаться, «культурный десант» в Белую был организован с учетом передачи. И в данном случае Белую выбрали именно потому, что она была самой дальней, самой глубокой. Выбрали в качестве символа: вот-де как поставлено дело — даже такие дальние углы не обойдены заботой о досуге. «И потом, как сказали нам в райцентре, не только самая дальняя, но еще и самая интересная...»

Уж не заметками ли в райгазете руководствовались!

Съемка закончилась, деревня потчевала артистов, работников районной торговли и Центрального телевидения домашним квасом, за мной уже прибегали посылные — пора в обратный путь. Дом был показан мне до последних закоулков — туда, куда и впрямь не могла проникнуть, протиснуться хозяйка, меня сопровождал ее мальш. Мальш впереди, я посередине, замыкающей овчарка Пальма. И царская пятирублевка была продемонстрирована и на вид, и на ощупь. И «чеховская тетрадь» прочитана от корки до корки. И маленький человечек — от его матери я узнал, что он вполне сносно играет в подкидного, от дедов научился: с кем поведешься, от того и наберешься, — за руку вел меня через деревню к автобусу.

Солнце уже перекатилось на другую сторону Белой, и свет его как бы материализовался. Он уже не был сияющей пустотой, обрушивающейся с поднебесья. Золотые прожилки потянулись в нем, невесомая, как с бабочкиного крыла, кристаллически взлескивающая пыльца поплыла в остывающем воздухе. А может, то просто липовый цвет, доселе беспрепятственно оседавший на землю, теперь, когда солнце сменило угол зрения, тоже подчинился его прищурю и отвесное, хотя и плавное падение сменил на полный покой. Вместо того, чтобы падать, поплыл...

То ли свет, переходящий в липовый цвет. То ли цвет, переходящий в солнечный свет.

Я поднялся на подножку автобуса — заждавшийся народ в нем уже недовольно шумел, — Пальма, сидя на земле, сдержанно вильнула хвостом, а представитель местной флоры потихоньку выпростал свою ладонь из моей и сказал:

— До новых встреч в эфире!

Так и сказал. Повторил шутовскую расхожую фразу или действительно узнал? Если узнал, то это первый случай «узнавания» в моей жизни — на телевидении я, повторяю, без году неделя. Во дает!

Узнал не узнал, но парень, надо сказать, не промах. Не думаю, что он просто так, за здорово живешь, решил сводить меня к себе домой.

Он наверняка понял, что его мать обидели, и ему надо было как-то утешить ее. Помочь ей. По своим детям знаю, как чувствителен этот народец к обидам своих родителей. Они, конечно же, не броня, они — мембрана, живая, чуткая, пронизанная, просвеченная капиллярами и нервными волокнами. Мембрана — заслоняющая? предваряющая? — наш взрослый мир. И все, что летит в нас, на какое-то мгновение застревает, резонирует в ней. Так и тут. Парень понял, что у матери беда, и какими-то неисповедимыми путями нашел, «вычислил» человека, который может ей помочь. Не понимаю, в чем конкретно нужна помощь, он уразумел одно, главное — что тут необходима помощь со стороны. Извне.

И пошел на поиски помощи. Так одним участником, одним зрителем на празднике стало больше. И тут, бродя, наблюдая — даже мультфильмы, которые показывали в рамках праздника в импровизированном брезентовом кинозале, при всей их притягательности, особенно для него, не избалованного ими, не могли увлечь, занять его полностью, без остатка, — выследил, вынюхал-таки нужного человека.

Запах должности? Мальчишка чувствовал, что по-

мочь матери в какой-то ее взрослой беде может только начальник, а мне подчинялись тут (или делали вид, что подчинялись) даже осветители и даже механик, крутивший мультики. А кто же не смиктит, что это и есть самый большой начальник — тот, кому подчиняются мультики.

А возможно, у мальчугана еще более тонкое обоняние и он накрыл меня по запаху детства?

Посылочный ящик из-под яблоск с родины, который еще потом всю зиму пахнул яблоками. Родиной. Так и я — посылочный ящик. Вряд ли у кого-то еще было тут четверо детей...

Как бы там ни было, а на следующий день в Городе, беседуя с секретарем обкома партии — мы записывали ее послесловие к передаче, — я не преминул рассказать ей о случае с депутатом Белошейкиной. Как же так, говорю, женщине вменили в вину то, что она рождает детей? Да еще рождает единственная во всей деревне!

Секретарь обкома, женщина средних лет, но энергично встряхивающая короткой некрашеной стрижкой, обещала непременно вмешаться. По той решительности, с которой она сразу же велела разыскать по телефону ректора пединститута, я понял, что у нее у самой детей нет.

Автобус, как паучок, скользил по двум светящимся ниткам, то ныряя так, что почти терял эту единственную опору, эту направляющую своего движения, то лихорадочно подтягиваясь к ней из крошечной тымы, седлая ее невидимыми мохнатыми лапками. Все повидавшие на своем веку телевизионщики помаленьку дремали, а самодеятельные артисты никак не могли успокоиться, остановиться и заводили вполголоса то одну песню, то другую. Очередной чувствительный толчок, очередной скрипящий крен и бывал водоразделом между песнями: ставил точку в одной и — как подбрасывают голубя с руки — запускал другую...

Смутно помню, что в моем родном селе на Ставрополье в начале пятидесятых был патронат для инвалидов войны. Странно, что для такого заведения было выбрано именно наше село. Глухое, безводное — в нем и здоровому-то жилось несладко. Может, потому и выбрали, чтоб подальше с глаз. Война еще была так близко — лицом к лицу, — что ни мертвым, ни тем более живым пока не воздавалось сполна. Это было время, когда считалось, что погибло нас не двадцать миллионов, а десять. Бездна еще не осознала, не просматривалась до дна — может, то была защитная реакция самой жизни. Станешь на краю, заглянешь, представишь, и уже само это представление, воображение парализующе. А в такое время, когда трудиться надо до хруста в надорванных сухожилиях, опасно, самоубийственно заглядывать и далеко вверх, и глубоко вниз.

«В гору некогда глянуть» — это о том времени. В гору и — в горе.

Как бы там ни было, а какое-то, правда, весьма непродолжительное, время в нашем степном селе располагался патронат для инвалидов войны. Так — полностью — его никто не величал. «Патронат», и все тут. Село длинное, километров десять — двенадцать, крепко прорезанное еще тридцать третьим годом, и под патронат определили капитальные, кирпичные строения, находившиеся на самой его окраине. Что это за строения, выглядевшие весьма необычно в селе, где и дома, точнее, хаты, и общественные помещения почти сплошь были из самана и глины, не знаю. Но, судя еще и по тому, что вокруг них сохранились куртины акации и даже кусты смородины, что неподалеку была артезианская скважина, думаю, что до революции здесь жила кто-то из степных овечьих магнатов. После того как инвалиды исчезли — так же неожиданно, как они и появились в нашем селе, — в строениях разместили сперва птичник, потом овец. А после, уже крепко потраченные этими временными жильцами (акации и кусты оказались сведены первыми), и вовсе забросили — вот это знаю в точности, ибо происходило это на моих глазах.

Въезжаешь или входишь в село со стороны Новоромановки, по дороге, которой почти никто и не пользуется, ибо есть другая, выходящая на райцентр, к асфальту, и первое, что видишь в лощинке, — бывший патронат. Развороченные крыши, пустые проемы, расщепившиеся, по местному выражению, и все глубже оседающие в землю, в ликующую пыльню, стены. Последний инвалид, он и сам погружается в бездну. Пройдет еще немного времени, и он тоже исчезнет, как незаметно исчезли и его давние обитатели. Никто и не вспомнит. Да его, пожалуй, уже и нет: я сам не был в родном селе не меньше десятка лет.

Село и патронат жили как-то отчужденно друг от друга. Теперь я понимаю, что эта отчужденность происходила еще и от того, что многие инвалиды, вероятно, были, мягко говоря, неходячие. Лежачие. И в селе, за пределами патроната бывали единицы — практически одни и те же.

В селе было всего две улицы, магазин стоял на той же улице, что и наш дом. И я помню, как мимо нашего дома раз-другой в неделю проезжала инвалидная коляска. Помните эти коляски на велосипедных шинах с ручным приводом? Огромные, до побеления в суставах стиснутые кулаки — взад-вперед, взад-вперед.

ИСПЫТАНИИ

Георгий МЕЛОВ.

Фото Владимира ЧЕЙШВИЛИ

Ольга Константинова, секретарь комитета комсомола Курского трикотажного комбината (КТК), ушла в отпуск. Это было неожиданностью, ибо незадолго до командировки в Промышленном райкоме ВЛКСМ нам пообещали, что в ближайшее время она будет на месте. Что ж, и такая ситуация не лишена интереса, подумали мы, можно посмотреть, как живет комсомольская организация в отсутствие своего секретаря, еще раз проверить тезис о «незаменимых людях». Почему же они все-таки незаменимы: потому ли, что стоит им отлучиться, как тут же все разваливается, или, наоборот, только благодаря им «колесо продолжает вращаться» и без них?

В райкоме ВЛКСМ о комсомольцах с трикотажного говорили звонко и красиво, не скупясь на эпитеты. И военно-патриотическая работа, и шефская, и интернациональная — все у них на высшем уровне. Призовые места на всех смотрах и слетах. А когда Курск захлестнула незапрогнозированная волна футбольных страстей и фамилии юных поклонников местного «Авангарда» стали появляться в милицейских протоколах, не кто-нибудь, а именно

они, комсомольцы КТК, «способствовали оздоровлению обстановки» — в кратчайший срок сшили восемьдесят пять фирменных маек для членов срочно созданного «Клуба любителей футбола». Причем шили в свободное от работы время...

После столь щедрых рекомендаций в воображении все четче вырисовывался этакий эталон комсомольской организации. Однако не терпелось узнать, как работает комитет ВЛКСМ, чувствуется ли на трикотажном перестройка, что ей мешает. В райкоме настолько увлеклись похвалами, что даже и не обмолвились о том, есть ли хоть какие-нибудь трудности и проблемы у молодежи комбината. А может, об этом здесь не принято говорить?

В швейном цехе девушки работают без контролеров, таковы условия «комсомольской гарантии». Как это ни громко звучит, но единственный проверяющий здесь — совесть. Что это дает производству?

— Во-первых, мы сократили число контролеров, — говорит Тамара Алипова, заместитель секретаря комитета ВЛКСМ комбината. — Хотя нет, это вторых. А во-первых, девушки стали работать с гораздо большей ответственностью. Повысилось качество. А для нас это главное. За что обычно ругают

легкую промышленность? За качество. Поэтому мы и решили у себя на комбинате записать первой строчкой в комсомольских обязательствах: бороться за качество.

— Вот мы привычно читаем трафаретные надписи в автобусах: «Совесть человека — лучший контролер», — продолжает Тамара. — Но вряд ли этот лозунг действует на всех, слишком лобовой, да и, как правило, рядом еще табличка: «За безбилетный проезд — штраф три рубля». Почему же тогда «вариант» с совестью срывается на производстве? Принцип «комсомольской гарантии» психологически точен — человеку предоставляется свобода выбора: делать свое дело хорошо или плохо, причем без контроля. А удовольствие — себе самому — доставляет только хорошая работа. Кроме того, здесь все на виду, полная гласность, и если я, скажем, сделала что-то некачественно, это тут же заметит моя подруга на следующей операции. Мне же стыдно будет.

Принцип «комсомольской гарантии» сам по себе уже не нов, применяется на многих предприятиях страны. Но если учесть, что нынешний комсомольский актив комбината сформировался лишь два года назад, то введение «гарантии» в швейных цехах можно считать его заслугой.

— Девчонки стали больше думать о чести фирмы. Тем, у кого случается брак, они сами спуска не дают, неумение — поймут, помогут. А вот небрежность не прощают... А знаете, как приятно встретить изделие своего комбината — куртку ли, костюм, свитер — где-нибудь в другом городе! Идешь по улице, а навстречу тебе человек в твоём костюме. Тут сразу увидишь все достоинства и недостатки собственной работы.

— Кто сказал, что у нас все гладко? — Тамара улыбается. — Хотите увидеть шероховатости? Пойдемте посмотрим, как новенькие работают.

И она подводит меня к группе девушек, что-то горячо обсуждающих. Я останавливаюсь чуть в стороне.

— Вот как раз новенькую проработывают, — шепчет мне Тамара.

— ...А чего тут такого? — Новенькая, голубоглазая девчушка лет семнадцати, удивленно округляет глаза. — Ну, ошиблась, ну, сделала брак. Брачок. Но я же спрятала его. Никто из покупателей и не заметит!

— В том-то и дело, — возражают ей девушки постарше, — что ты его скрыла! Хотела обмануть!

— Ну, а вам-то что? Вы, что ли, будете носить этот плащ?

Е БУДНЯМИ

Из этой пряжи на комбинате делают модные, красивые изделия.

В комитете комсомола — рабочая планерка.

— Тебе ж самой потом стыдно будет,— тихим голосом произносит пожилая работница.— Когда-нибудь ты это поймешь...

— У меня, между прочим, тетка — классная портниха,— не унимается новенькая.— Знаете, что она говорит? Мастер не тот, кто хорошо шьет, а тот, кто испортив, все так заделать сумеет, что заказчик и не подкапается!

— Хорошая у тебя тетка,— вступает в разговор Тамара.— Вот бы всем по такой тетке! Ни контролеров не надо, ни совести. Но потом, когда твой брак обнаружится, что тогда-то? Стыдно не будет за свою халтуру? Будет, еще как будет!..

Новенькая молчит, поджав губы. Она не права и, кажется, начинает понимать это.

— Ну что, на первый раз простим? — спрашивает пожилая работница.— Лена ведь девочка трудолюбивая, добросовестная, это у нее случайность произошла. А «комсомольская гарантия», Лена,— она обращается к новенькой,— это не просто красивые слова. Это ведь не только ты одна — весь комсомол гарантирует. Ты ошиблась — комсомол ошибся, ты рукой махнула — значит, и комсомолу до этого дела нет...

— Такой разговор,— говорит мне Та-

Как вам наши свитеры?

*Комсорг швейного цеха
Светлана Мезенцева.*

На подмостках театра мод.

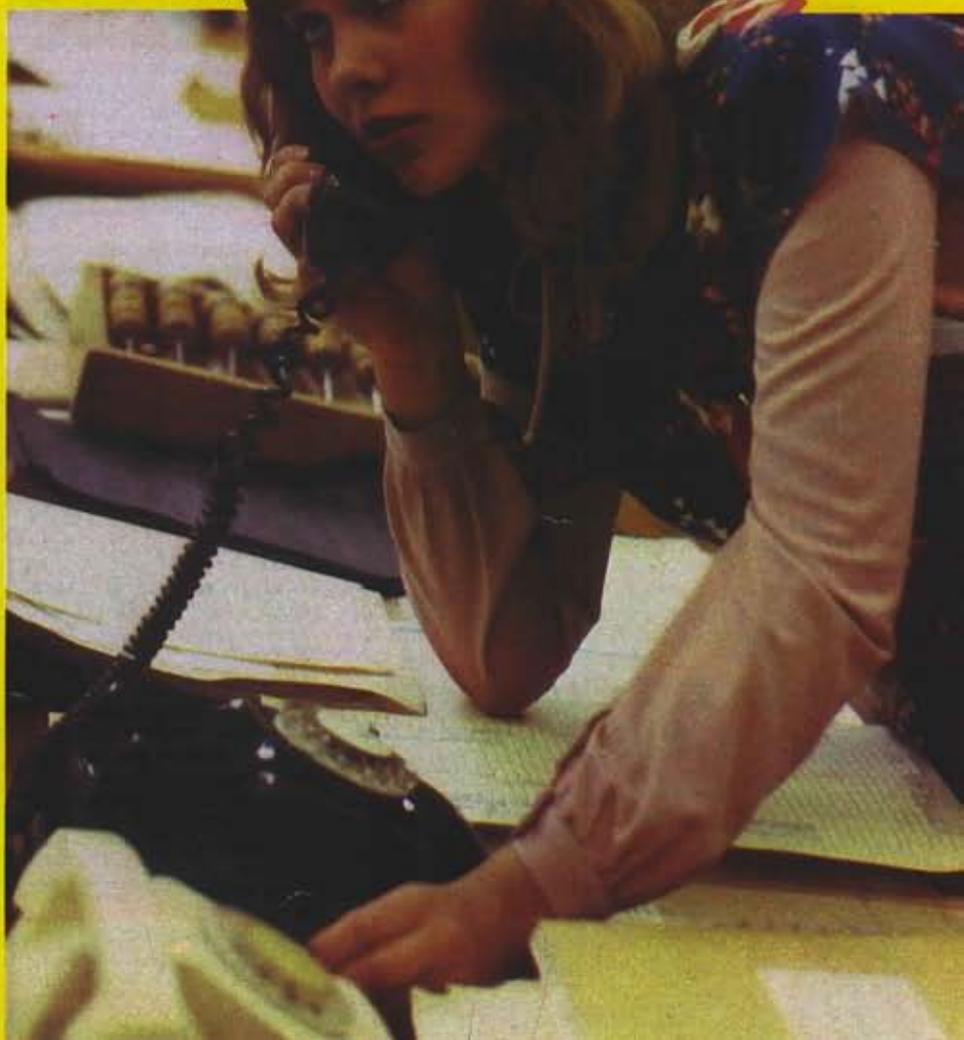
мара, когда мы идем по цеху дальше,— действует лучше, чем наказание руководителя. Так что «комсомольская гарантия» — это не только форма работы, но и хороший метод воспитания.

В цехе короткими пулеметными очередями строчат швейные машинки. Бегут бесконечные строчки под ловкими пальцами девушек, бойко крутятся бобины с нитками, два дня — и меняю на новую.

Вспомнилось, как однажды на дмитровском швейном объединении «Юность» наблюдал за работой молодой швеи Ани Борисовой, «мастера — золотые руки». Помню ее слова: «Между прочим, так, как у нас, нигде больше не работают. Тут однажды с Кузбасса приехали, говорят: у нас нормы не такие, полегче... С других швейных объединений приезжают, тоже удивляются. Но у нас не только скорость, у нас и качество. Продукция в рекламе не нуждается — нарасхват. Мы иногда заходим в универсам посмотреть, как расходятся наши изделия,— интересное зрелище!..»

— А ваша продукция пользуется спросом? — спрашиваю Тамару.

— Спрос есть,— отвечает она,— но очередей нет. Пока... И хотя никто из нас не любит стоять в очереди, все мы мечтаем, чтоб за нашими изделиями

пусть небольшая, но очередь собиралась. Стремимся не отставать от моды. Вот и свой театр мод создали, чтобы молодым модельерам и закройщикам дать больше возможностей для фантазии и экспериментов. Понравилось — и «с колес» на прилавок! Столько талантов пробудилось у девушек!..

Действие «комсомольской гарантии» у нас не прекращается после выхода изделия за пределы комбината. — продолжает Тамара. — В будущем мы планируем создать торгово-промышленное объединение, а пока, не дожидаясь этого, прорабатываем схему сквозной «бригады качества»: производство — магазин — покупатель. По несколько раз в месяц наши молодые работницы встают за прилавком рядом с продавцами фирменного магазина КТК «Курский трикотаж». Кроме того, продавцы снабжают нас полной информацией о покупательском спросе. Мы меняем какие-то детали в покрое наших изделий. И нередко даже небольшое изменение в фасоне делает товар ходовым.

...Мы сидим за маленькими столиками «дневной комнаты» первого класса «А» и не торопясь пьем чай. Дом, в который мы пришли, носит длинное название: «Интернат №2 для детей-сирот и лишенных родительского попечения».

Почти все здесь — от кроватей и стульчиков до детской одежды — подарено трикотажным комбинатом. Ребяточки вместе с нами с удовольствием пьют чай и рассказывают шефам свои последние новости. По тому, как радостно они встречали нас, чувствуется, что для девушек с КТК шефская работа не просто пункт в списке соц. обязательств.

Каждую неделю приходят они сюда — то окна вымоют, уборку сделают, то чаепитие устроят, как сегодня. Но главное, конечно, не чистые окна и не булка с чаем. Оставить здесь частичку своего сердца, поделиться теплотой души — вот что главное. И девушки, забывая про время, играют с ребятами, проводят забавные викторины, соревнования, ставят спектакли, стремясь, чтобы атмосфера доброй игры оставалась тут и после их ухода. Поэтому каждому малышу дается персональное задание: к следующему приходу шефов сочинить сказку, нарисовать ее героев.

На запястьях у ребятшек замечаю завязанные тоненькие ниточки. Оказывается, это тоже игра.

— А ну-ка, кто у нас мигуны? — спрашивает Света Мезенцева.

— Мы, мы! — дружно кричат ребята и бросаются к своим тумбочкам. В следующее мгновение они уже стоят перед нами, нахлобучив на головы смешные бумажные колпачки, и часто моргают. В прошлый раз девушки читали им «Волшебника Изумрудного города», вот откуда и появились мигуны.

Вроде бы такая мелочь — бумажный колпачок и ниточка на запястье, но несколько дней эти малыши, ободенные родительской лаской, будут жить воспоминаниями о сказке.

— А теперь, мигуны, снимайте ваши колпачки, — говорит Света. — Сегодня у нас будет новая игра!

...Я рассказал лишь о немногих делах из жизни комсомольцев КТК. Однако чем больше я знакомился с молодежью комбината, заботами комитета ВЛКСМ, тем чаще думал вот о чем.

Любопытная все-таки получается ситуация. Разговаривая с комсомольскими активистами комбината, слышу: «пассив», «они», «трудно раскочать». Говорю с рядовыми работницами: «комсомол», «они», «мало от них толку». И те, и другие именуют своих товарищей одним словом «они», словно кто-то разделил их на два лагеря.

— Самая сложная проблема, — поясняет Тамара Алипова, — расшевелить наш «пассив».

— И ведь пассивных у нас большинство, — добавляет Людмила Измалкова, член комитета комсомола КТК.

Я разговаривал с представителями этого самого «пассива». Большинство девушек — приезжие из области, живут в общежитии.

— Почему не проявляем активности? А зачем? Толку-то от комитета комсомола мало. Только взносы платим. Обратиться помочь с жильем: не наши, говорят, проблемы, не полномочны. Да и с досугом то же самое, клуб бы какой-нибудь организовали, что ли!..

— Ну, а сами-то вы пытались хоть что-нибудь сделать? — спросил я.

— Да у нас почти у всех дети, некогда. И потом — что, нам больше всех надо?

Вот такой расклад, жесткое разделение на «они» и «мы». Задаю вопрос члену комитета комсомола КТК:

— Вы говорите о «пассиве» как о чем-то отстраненном, словно бы в его существовании нет никакой вашей вины.

— Конечно, это наша вина. Но есть и объективные причины. К примеру, создай мы молодежный клуб, народ бы к нам пошел. Но где взять деньги? — разводит руками Алипова.

— Мы имеем право на семьдесят процентов от средств, заработанных на субботниках, — говорит Евгений Михайлов, комсорг трикотажного производства. — Но это теоретически, а на деле...

— Имей мы эти средства, могли бы больше помогать нашим подшефным, построили бы им спортзал, создали бы хорошую библиотеку. Свой бы атлетический зал, наконец, оборудовали, — включает в разговор Игорь Чаплыгин. — Проводили бы в клубе КВНы, справляли бы молодежные свадьбы да и просто вечером заходили бы туда посидеть, музыку послушать.

Вот так. С одной стороны, благие намерения: если бы да кабы... С другой — на все нужны деньги. Но уверен, что решить «проблему пассива» возможно и без привлечения больших денежных средств. Ведь сумели же здесь и «комсомольскую гарантию» ввести, и «бригады качества», и собственный театр мод придумали, и шефская работа на высоте. И все, заметьте, на одном энтузиазме. Причина же инертности многих комсомольцев в общем-то проста и, кстати, очень типична. Собрались в комитете комсомола энтузиасты, горячие сердца, горы свернуть готовы. Придумали что-нибудь наподобие турслета, КВНа, — и давай крутиться, ночи не спать. Они-то крутятся, а все остальные наблюдают, ждут. Провели «мероприятие», смахнули пот, отдышались. Ну как, пассив, понравилось? Да не то, чтобы очень, по телевизору и по-лучше видели... Немудрено, что пассив опять в стороне. И так может продолжаться до бесконечности.

Пока не будет такого дела, где все превратятся в участников, так и останется деление на «нас» и «их». Это сейчас начинают понимать комсомольские активисты Курского трикотажного комбината. Готовят анкету, чтобы лучше узнать запросы и интересы своих комсомольцев. Думают о своем МЖК. Нужна идея, которая сможет объединить всех.

Есть, конечно, у них и свои, чисто объективные трудности: женский коллектив, многие из области, острая жилищная проблема...

Желание работать у нынешнего комитета комсомола есть. Это главное. И возможности есть.

Жаль, конечно, что не застали мы Ольгу Константинову, о которой слышали много добрых слов, но можем сказать точно: сумела она подобрать хороших ребят в комитет. Теперь только надо быть посмелее. Не бояться трудностей и ошибок.

ОТ РЕДАКЦИИ. Когда материал был уже подготовлен к печати, мы узнали, что Ольга Константинова избрана первым секретарем Промышленного райкома ВЛКСМ. Мы поздравляем Ольгу и желаем ей успехов на новом месте.

ШАГ НАВСТРЕЧУ

«Барьер» непонимания. Мы должны вступить в непосредственное взаимодействие с человеком в деловом или личностном общении, но нас волнует такой вопрос: а правильно ли он нас поймет, не возникнет ли у него неверное толкование цели нашего общения? Причем здесь мы нередко исходим из того, что партнер нас обязательно должен понять неверно. Мы начинаем прогнозировать последствия этого неверного понимания, предвосхищать неприятные ощущения... **Что следует предпринять в этом случае?** Спокойно проанализируйте планируемую вами беседу и уберите из нее те моменты или эмоциональные акценты, которые могут вызвать неадекватное толкование ваших намерений. После этого смело вступайте в контакт.

А теперь давайте попытаемся определить «коэффициент» вашей общительности. Для этого я предлагаю ответить на 16 вопросов теста В. Ряховского. Отвечать надо следующим образом: «да», «нет», «иногда».

1. Вам предстоит ordinary или деловая встреча. Выбивает ли вас ее ожидание из колеи?

2. Не откладываете ли вы визит к врачу до тех пор, пока станет уже невмоготу?

3. Вызывает ли у вас смятение и неудовольствие поручение выступать с докладом, сообщением, информацией на каком-либо совещании?

4. Вам предлагают выехать в командировку в город, где вы никогда не бывали. Приложите ли вы максимум усилий, чтобы избежать этой командировки?

5. Любите ли вы делиться своими переживаниями с кем бы то ни было?

6. Раздражаетесь ли вы, если незнакомый человек на улице обратится к вам с просьбой (показать дорогу, назвать время, ответить на какой-то еще вопрос)?

7. Верите ли вы, что существует проблема «отцов и детей» и что людям разных поколений трудно понимать друг друга?

8. Постесняетесь ли вы напомнить знакомому, что он забыл вам вернуть 10 рублей, которые занял несколько месяцев назад?

9. В ресторане либо в столовой вам подали явно недоброкачественное блюдо — промолчите ли вы, лишь рассерженно отодвинув тарелку?

10. Оказавшись один на один с незнакомым человеком, вы не вступите с ним в беседу и будете тягаться, если первым заговорит он. Так ли это?

11. Вас приводит в ужас любая длинная очередь, где бы она ни была (в магазине, библиотеке, кассе кинотеатра). Предпочтете ли вы отказаться от своего намерения, нежели стоять в хвост и томиться в ожидании?

12. Бойтесь ли вы участвовать в какой-либо комиссии по рассмотрению конфликтных ситуаций?

13. У вас есть собственные сугубо индивидуальные критерии оценки произведений литературы, искусства, культуры и никаких «чужих» мнений на этот счет вы не приемлете. Это так?

14. Услыхав где-либо в «кулуарах» высказывание явно ошибочной точки зрения по хорошо известному вам вопросу, предпочтете ли вы промолчать или вступите в спор?

15. Вызывает ли в вас досаду чья-либо просьба помочь разобраться в том или ином служебном вопросе или учебной теме?

16. Охотнее ли вы излагаете свою точку зрения (мнение, оценку) в письменной форме, чем в устной?

За каждое «да» — 2 очка, «иногда» — 1 очко, «нет» — 0. Общее число очков суммируется и по классификатору определяется, к какой категории людей вы относитесь.

30—32 очка. Вы явно не коммуникативны, и это ваша беда, так как стра-

даете от этого больше всего вы сами. Но и близким вам людям нелегко! На вас трудно положиться в деле, которое требует групповых усилий. Старайтесь стать общительнее, контролируйте себя.

25—29 очков. Вы замкнуты, неразговорчивы, предпочитаете одиночество, и поэтому у вас, наверное, мало друзей. Новая работа и необходимость новых контактов если и не ввергает вас в панику, то надолго выводит из равновесия. Вы знаете эту особенность своего характера и бываете недовольны собой. Но не ограничивайтесь только таким недовольством — в вашей власти переломить эти особенности характера. Разве не бывает, что при какой-либо сильной увлеченности вы приобретаете «вдруг» полную коммуникабельность? Стоит только встряхнуться.

19—24 очка. Вы в известной степени общительны и в знакомой обстановке чувствуете себя вполне уверенно. Новые проблемы вас не пугают. И все же с новыми людьми сходиться с оглядкой, в спорах и диспутах участвуете неохотно. В ваших высказываниях порой слишком много сарказма без всякого на то основания. Эти недостатки исправимы.

14—18 очков. У вас нормальная коммуникабельность. Вы любознательны, охотно слушаете интересного собеседника, достаточно терпеливы в общении с другими, отстаиваете свою точку зрения без запальчивости. Без неприятных переживаний идете на встречу с новыми людьми. В то же время вы любите шумных компаний; экстравагантные выходки и многословие вызывают у вас раздражение.

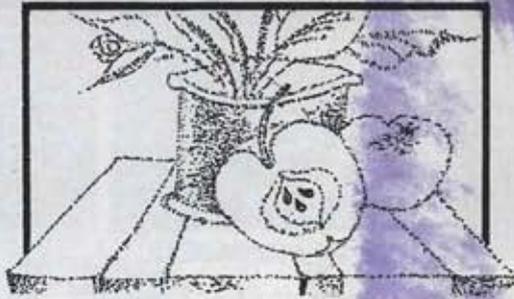
9—13 очков. Вы весьма общительны (порой, быть может, даже сверх меры). Любопытны, разговорчивы, любите высказываться по разным вопросам, что, бывает, вызывает раздражение окружающих. Охотно знакомитесь с новыми людьми. Любите быть в центре внимания; никому не отказываете в просьбах, хотя не всегда можете их выполнить. Бывает, вспылите, но быстро отходите. Чего вам недостает, так это усидчивости, терпения и отваги при столкновении с серьезными проблемами. При желании, однако, вы сможете себя заставить не отступать.

4—8 очков. Вы, должно быть, «рубаха-парень». Общительность бьет из вас ключом, вы всегда в курсе всех дел. Любите принимать участие во всех дискуссиях, хотя серьезные темы могут вызвать у вас мигрень и даже хандру. Охотно берете слово по любому вопросу, даже если имеете о нем поверхностное представление. Всюду чувствуете себя в своей тарелке. Беретесь за любое дело, хотя далеко не всегда можете успешно довести его до конца. По этой самой причине руководители и коллеги относятся к вам с некоторой опаской и сомнениями. Задумайтесь над этими фактами!

3 очка и менее. Ваша коммуникабельность носит болезненный характер. Вы говорливы, многословны, вмешиваетесь в дела, которые не имеют к вам никакого отношения. Беретесь судить о проблемах, в которых совершенно некомпетентны. Вольно или невольно вы часто бываете причиной разного рода конфликтов. Вам необходимо заняться личностным самовоспитанием.

Вот и подошел к концу наш короткий разговор о том, как стать общительнее, а значит, и счастливее. Что можно еще посоветовать? Во многих городах создаются сейчас так называемые группы общения — группы психологического тренинга, как, например, клуб «Маленький принц» в Москве. Там учат людей вслушиваться, всматриваться друг в друга, преодолевать застенчивость, завязывать контакты. Однако овладеть одной только технологией общения еще недостаточно. Теория теорией, но главное, нужно не бояться общения, расширять круг знакомых, ведь кто-то из них со временем, возможно, станет вашим настоящим другом. Так смелее же сделайте этот шаг — шаг навстречу друг другу!

ДМИТРИЙ ФИМИОНОВ

ВИКТОР КИРЮШИН

Дикая... любовь

Больные зубы — хуже нет недуга,
а тут еще прекрасный наворот —
влюбиться в стоматолога, в хирурга,
который, между прочим, зубы рвет.
Какая бестолковая случайность.
— Откройте рот... закройте...

И потом,
со мной еще такого не случилось,
чтоб я дарил... талончик на прием.
Зубная боль — под левую лопатку,
а там не зуб,

там в общем-то крупной...
И не понять — какому богу взятку
мне надо дать,

чтоб объяснить с ней.
Не скажешь ведь,
в уютном кресле сидя,
где зуб на зуб от страха не идет:
«Я вас люблю так искренне, так
сильно...»

Войдешь и слышишь вновь:
— Откройте рот.

А что мне рот, когда сильнее зуба
болит внутри. Да что там говорить!
Зуб можно вырвать,

но смешно и глупо,
когда душа... ее не удалить.
Процаю зуб,

но как мне быть с любовью?
Есть у судьбы особая печать,
и за любовь мы чаще платим болью.
— Откройте рот. Придется удалить.

Мечта в поэзии —
почти первооснова.

Поэтому хочется
всю жизнь идти вперед.
И не беда, что из пяти четыре слова
Мой мозговитый современник
не поймет.

И фотография
в процессе непонятна,
и сам фотограф
не всегда уверен в том,
что в проявителе

бесформенные пятна
лицом истории окажутся потом.

Если б я умел гадать по звездам
или по цветочным лепесткам,
я бы понял, рано или поздно,
что не страшно здесь,

а страшно — там,
там, где нас не ожидают беды,
где разлуки дрожью не берут,
где на все заборы и запреты,
не желая этого, плюют,

потому что здесь, по крайней мере,
наугад отчаянно скользя,
можно наверстать, найти, поверить
и вернуть, вернуть...

а там — нельзя.

Я помню звездные луга
и синеокие осоки.

Я шел сквозь годы и века
примерно так, как ходят боги.

Я помню звездные луга,
где не пастух, а ветер древний
все гнал куда-то облака,
наверно, в звездные деревни.

Я помню звездные луга.
Я шел, презрев обиды, склоки.
Я видел землю свысока,
примерно так, как видят боги.

Я шел по звездному пути,
а звезды падали и пели
весной — про звездные дожди,
зимой — про звездные метели.

Я помню звездные луга...

Везли мороз по небу волоком.
Сковало небо льдом, как реку.
И ледяным корявым облаком
сломало крылья человеку.
Скорей к врачу, но ошарашенно
тарашась из дверей больницы,
хирург ответил пострадавшему,
что профиль клиники — не птицы.
Ветеринар с яйцо испариной
покрылся, словно слон в простуде,
и разорался как ошпаренный,
что профиль клиники — не люди.
А крылья покрывались язвами
и заживо на теле гнили...
Нет, крылья не были заразными,
но человека обходили...
И муки жгли, его испытывая,
напившись, был от боли трезвым.
И как-то в ночь острейшей бритвою
он крылья сгнившие отрезал.
И раны затянулись шрамами
и стали через месяц гладки,
и на спине торчали — самыми
обыкновенными — лопатки.
А небо по весне оттаяло.
И человек, рожденный небом,
стремился ввысь, взлетал отчаянно,
но он уже крылатым не был.

Все еще...

Где-то слева, под плащом —
как иголочка, как жало.
Значит, что-то есть еще
там, где все давно пропало.
Значит, все еще не все...
И судьба с улыбкой пьяной
пункты новые внесет
в запылившие планы.
Значит, верен путь во мгле,
если все еще тревожно.
Значит, все еще во мне...
Значит, все еще возможно!

Как же так?..

В первый раз одноклассник
пятнадцати лет,
отутюжив коленями
школьный паркет
и смутив архичопорный актовый зал,
принародно девчонку
богиней назвал.

А потом, в институте,
студент и доцент,
и приезжий,

известный, как бог, референт
академии точных и прочих наук —
вслед шептали, вздыхая:

«Богиня...»
И вдруг...
Это после того,

как полвека почти
каждый встречный мужик,
каждый столб на пути,
каждый ветер залетный

и малый сквозняк
выдыхали: «Богиня...»
И вдруг... Как же так?..
Как же так?.. Не осмыслить...

и сумки в руках...
переполнен вагон...
и усталость в ногах...
он сидел... не уступит...

здоровый, как слон,
он сидел... не уступит...
качнуло вагон,
наступила случайно ему на башмак,
разорался, да черт с ним,

он — быдло, но как?
Как же мог он? Как вырвалось?
Не осознать...
Это надо же — падлой богиню

назвать.

Соловей в Останкине

Потехе час,
А время делу, делу...
Но как-то раз, неловкость затая,
В останкинской дубраве
Поределой
Средь бела дня
Я слушал соловья.

Какие он откалывал коленца!
Как ликовал,
От песни сам не свой,
И радуги цветное полотенце
Возникло вдруг
Над вечною Москвой.

Пел соловей раскованно
И вольно,
От суеты искусством отлучив,
И становилось радостно,
И больно,
И совестно без видимых причин.

Недалеке машины пролетали,
По мокрой глади шиннами шурша,
Но бытия случайные детали
Отринула воскресшая душа.

И я стоял,
Уйти уже не вправе.
Заботы неотложные кляня.
Пел соловей
В останкинской дубраве,
Как будто исповедовал меня.

Свет изначально праведнее мглы.
Пускай сегодня больно нам
И жестко —

Такое время:
Острые углы
Повыперли, как ребра у подростка.
Не в том резон, что умолкает медь,
Когда приходит истина нагая,
Как трудно вновь
Учиться быть и смеять,
В самом себе раба превозмогая.
Не отступай,
Над истиной потей,
Пойми, что нет всему единой меры,
Во избежанье худшей из потерь —
Потери веры.

Не потакая, скидок нам не делая,
Быть может,
Жизнь по-своему права —
На свете только черные и белые
Поступки существуют и слова.

Священно право неповиновения
Неправедному. Пусть оно в цене.
Нет полумистин.
Полуоткровения
Неправды унижительны вдвойне.

Покуда живо зло неуличенное,
Не усомнись, дружище, и на миг:
Мир делится на белое и черное,
А также производное от них.

Лесное озеро

Тропинка вывела кривая
Как бы сама собой туда,
Где дремлет добрая, живая,
Незамутненная вода.

Где все исполнено значенья,
Как в мудрой речи стариков,
И так загадочно свечение
Студеных донных родников.

Неразличимы глазу все,
Как утром пасмурным дымы,
Восходят солнечные струи
Из непреодолимой тьмы.

Лучей причудливы изломы,
И там, где чуть реддеет мгла,
Сияют древние шеломы
И золотые купола.

Мерцают огненные блики
На темном движущемся дне,
Но тайны их равновелики
Непостижимой глубине.

Звезда

Таинственную обретая силу,
Стремительно пронзая толщу лет,
Летит к земле
Ее неугасимый
И все-таки такой холодный свет.

Горячая бестрепетно и вольно
Немыслимые долгие века,
Она глядит на праздники и войны,
На горести людские свысока.

Подвластная законам мироздания,
На перекрестках судеб и орбит
Она не знает чувства сострадания,
Ни боли, ни печали, ни обид.

Но почему, когда порой гляжу я
Бессонной ночью в искристую даль,
Мне жаль ее,
Холодную, чужую,
Как самое родное только жаль?

Мальчонка спит в зеленой зыбке
Травы, устав от шумных игр.
Темнеют крохотные цыпки
На загорелой коже икр.

Так сладок сон его летучий,
Что поутихли ковыли,
И ходят молнии и тучи
Почти на цыпочках вдали.

Поездка

Он поклонился мне —
Обычай.
Усы, седая борода.
Двадцатый век,
А тут возникший,
Степенно молвящий: «Куда?»

Сухие старческие плечи,
Морщин кривые колени.
«Сядите, это недалеко,
Тут на сто верст кругом свои».

И мы повехали,
И плыли за нами следом до поры
Густые клубы рыжей пыли,
Как бесконечные миры.

Цвела июньская-картошка,
Метались пулями шмели,
И плыл состав-сороконожка,
Почти невидимый вдали.

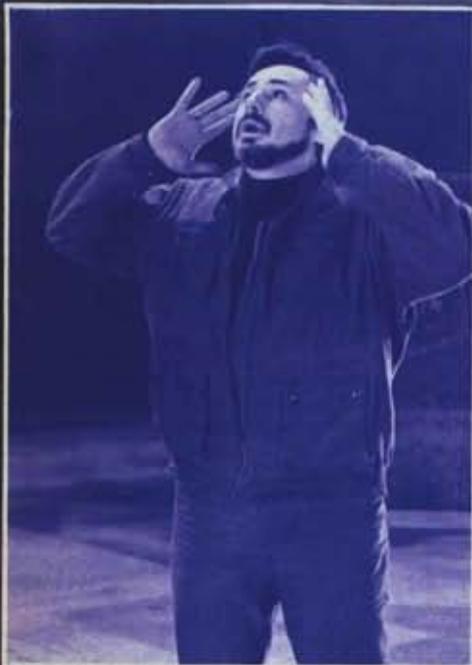
Кладбища темная ограда
Вдруг проплыла передо мной,
Но в этом не было разлада
С наивной прелестью земной.

И долго помнилось мгновенье,
Когда в полуденной тиши
Впервые умиротворенье
Коснулось суетной души.

БАДЕТ ПОСЛЕ... БАДЕТА

Андрей ЮРЬЕВ.
Фото Альберта ЛЕХМУСА

Экспериментальная балетная студия была создана два года назад. Придумал ее Дмитрий Брянцев — главный балетмейстер Московского музыкального театра имени К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко. Придумал потому, что стало тесно в «коридоре» собственного творческого поиска, потому что в его театре люди хотят и любят работать, любят дерзко экспериментировать, охотно откликаются на смелые идеи...

— Мы просто почувствовали необходимость дополнительной творческой работы, — говорит Дмитрий Брянцев. — Студия — это исключительно «по желанию». Хочешь — репетируешь, не хочешь — волен распоряжаться своим свободным временем, как душе угодно. Кроме того, в силу объективных производственных причин, в силу специфики нашего театра мы имеем возможность выпускать в год два больших спектакля: полгода репетируется балет, полгода — опера. Репетиционное время расписано жестко, оркестр всегда занят. А студия — вне регламента. Мы отказались и от оркестра — студийные спектакли идут под фонограмму. Только хочу подчеркнуть, что студия — это не театр в театре. Вначале мы назвали ее молодежной, но потом решили отказаться от этого определения. Мне как раз важно, чтобы в работе принимали участие и молодые артисты, и артисты старшего поколения. Только так, на мой взгляд, может полноценно и творчески осуществляться передача опыта. И только в таком содружестве могут родиться настоящие человеческие взаимоотношения, без которых театр, я уверен, не может и не должен существовать. В студийной постановке легко наблюдать творческий рост молодого артиста. Я думаю, что некоторая «необязательность» студийности раскрепощает человека и психологически, он не боится ошибаться, смелее доверяется своей интуиции, легче и свободнее проявляет свою индивидуальность. Например, интересно сыграла Светлана Фещенко роль Сюзанны в спектакле студии «Браво, Фигаро!», очень неожиданно. Ярko вошел в этот же спектакль Андрей Гласшнейдер.

...Закончилась очередная репетиция в балетном классе. Беседую с молодыми артистами Светланой Фещенко и Алексеем Дубининым — недавними выпускниками хореографических училищ.

Алексей Дубинин:

— Студия — это непредсказуемый поиск. Это простор для фантазии и замечательная возможность для самовыражения. Ведь когда молодой артист приходит в театр, свою работу он начинает, как правило, с вводов в старые постановки. Честно говоря, это не всегда интересно, ведь рисунок роли уже задан, и твоя задача — органично влиться в уже готовую «форму». Возможность личного прочтения ограничена. А в наших студийных постановках я исполняю главные роли — согласитесь, это кое-что. Сейчас, мне кажется, очень важно искать новый хореографический язык, пока что современная хореография живет лишь в «малых формах», в одноактных балетах. Трудно назвать хотя бы один

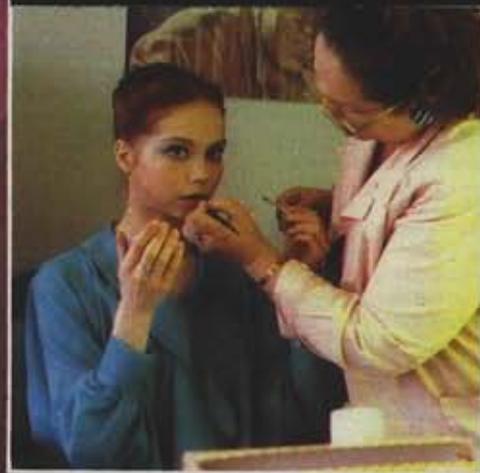
полноценный, интересный современный балетный спектакль. Между прочим, из-за этого, по-моему, существует и проблема с молодым зрителем на балетных постановках. Молодежи в зале немного. На классические постановки, такие, как «Спартак» или «Лебединое озеро», молодым попасть практически невозможно: все билеты забирает «Интурист». Представление о современном балете у молодежной аудитории весьма по-

верхностное — зрители знакомятся с не лучшими телекиновариантами балета. А балетный спектакль нужно видеть объемно, чувствуя — именно чувствуя! — живой оркестр...

Светлана Фещенко:

— Студия — это поиск новой пластики, возможность ухода от канонов. Мы вместе с Брянцевым пытаемся привнести в постановки современное прочтение жизни. Я тоже считаю, что в театре должно появляться больше спектаклей, рассчитанных на молодого зрителя. Наша жизнь становится все интенсивнее, мы все больше получаем информации, ритмы просто стремительны. И все это должен учитывать балет. К сожалению, в школе нет такого предмета, который я бы назвала «художественное образование», где подростков готовили бы к восприятию драматического или балетного спектакля. Думаю, что на балетный спектакль нельзя приходить неподготовленным. В лучшем случае он восхитит, но не взволнует. По-моему, наша студийная постановка «Вечер современной хореографии» — значительный шаг в поиске балетного языка, шаг к молодому зрителю. Я сама, например, когда идет этот спектакль, каждый раз смотрю из-за кулис миниатюру «Дорога», где звучит музыка Элтона Джона — это очень современно, эмоционально, там каждое движение заставляет думать, фантазировать...

За два года существования экспериментальной студии поставлены четыре спектакля: «Браво, Фигаро!», «Девять танго и Бах», «Вечер старинной хореографии», «Вечер современной хореографии». В планах: балет по сказкам А. М. Горького, балет по произведениям Куприна... Словом, впереди поиск.

ПОЛУСКАЗКА № 1 — НЕВЕСЕЛАЯ

Это был наполовину, так как героиня я представляю себе лишь по ее письмам в редакцию. А поскольку чужая душа — потемки, присочинить самую малость все равно пришлось бы.

Итак... Жила-была в далеком-предалеке (от европейских музыкальных столиц) городе Ярославле девочка. Плохо ли, хорошо ли, училась Таня в школе. Все вроде было у нее как положено: папа, мама, своя комнатка в уютной квартире, магнитофон.

Так вот, в один прекрасный (вернее, РОКовой) день услышала она (а может, и увидела по телевизору) двух расчудесных принцев: один черен, как африканская ночь, другой златокудр, словно полуденное солнце. А поют — заслушаешься! Полюбила Татьяна их трепетно и безнадежно.

Учебники, дело ясное, забросила, с родителями перессорилась, пить-есть не желает, зато от магнитофона за уши не оттащишь... Не выдержало девичье сердечко, и она, будто в старинной песне, «как цветочек увяла».

Вздор, скажете? От музыки не умирают? Кто его знает...

Перечитывать ее сбивчивые, странненькие послания грустно и смешно, все сразу. И понять можно по-человечески, и жалко как-никак, и забавно, поскольку явный перебор!

Что такие эпистолы пишет без пяти минут взрослый человек, лично мне поверить мудрено, однако я сам держал в руках эти сложенные вдвое тетрадные листы, изрядно усыянные восклицательными знаками (до дюжины после каждого третьего предложения, поэтому их я уберу, все остальное с комментарием, но без купюр): «Решено, я умру. Да, мой фанатизм достиг невероятных размеров» (с подкупающей гордостью сообщает юная «Ярославна»). «Я не проживу без «Modern Talking». Ради них пойду в огонь и воду, на любые унижения (медные трубы, понятно, в качестве инструментов оставлены объектам обожания), лишь бы Томасу и Дитеру, а также их семьям было хорошо. Это не из-за моды, поймите. Я люблю их всей душой, всем сердцем. Когда мои родители говорят, что это, мол, мимолетное увлечение, я считаю это оскорблением. Неправда, я люблю их больше жизни, всегда и вечно. Это не пустые слова, поверьте мне».

Ну и так далее. Комментируя отчаянное (строчки размыты слезами, все по-настоящему) послание, я не собираюсь провоцировать сочувственно-снихождительные усмешки типа: «Во, девка, голову себе задуррила». Но ведь в самом деле глупо предаваться самоистязаниям во имя тобой же сотворенных кумиров. Разговор и выеденного яйца не стоил бы, но признания (и содержанием, и объемом) убеждают: здесь такие решительные намерения («дойду пешком до Гамбурга»), что уж самой Тане явно не до шуток. (Не дай бог, девчонка руки на себя наложит.)

Выдумывать, что-де «все эти любви» из-за полнейшей нравственной пустоты, тоже не хочу. По мне, уж вернее сходит с ума песен ради, чем не любить ничего. Лучше преклоняться перед идолами от искусства, нежели души не чаять в деньгах и шмотках. Хотя тоже не дело, конечно.

Слава богу, такие открыточные привязанности к артистам недолговечны. Пусть Тане с ходу не докажешь, что все эти «страсти-мордасти» она сама же себе и навывдумывала, но ничто не вечно под луной.

И все-таки был один настораживающий абзац в первом Танином письме. Эти строчки с четкостью, коей отлича-

ются аранжировки аккуратненького дуэта из ФРГ, проиллюстрировали давно напрашивающуюся аналогию: «У меня на стене висит их фото. И когда отец ругает и когда сил терпеть нет, я молюсь».

МОРАЛЬ № 1 — СПОРНАЯ

Сказка — ложь, да в ней намек... Может, что-то и напридумывала себе романтическая школьница, но... О том, что значит современная музыка для молодых, сказано и написано бесконечно много. При этом все разговоры ведутся все больше на эмоциях, как и сама музыка, а с математической точностью, тоже музыке присущей, так никто и не определил ни меру этого влияния, ни его истинное содержание.

А в воздухе давненько витает простая, как четырехтактный рок-н-ролл, мысль: музыка со всеми ее сценическими и прочими атрибутами стала для внушительной части нынешней молодежи своего рода религией. Обе составных, по-моему, ялицо: определенное мироощущение и соответствующее ему поведение (religio с латыни переводится как святая, предмет культа).

Выбрав себе из разноголосого пантеона объект преклонения, фэн (так на Западе величают самозабвенных поклонников «звезд» любого пошиба — от футбольных бомбардиров до балетных примадонн) пребывает в уверенности, что выбор произвел как бы помимо его воли, и, как правило, не столько пытается походить на божество, сколько выполняет некий набор — со стороны довольно глупо смотрящихся — полубрядов, а от этого основательно веет магией. Особенно рельефно проявляется это у «металлистов»: когитские куртки, мерцающие заклепки, мрачноватые трафареты на майках, вызывающие прически и пресловутая «коза» — жест рукой, при котором мизинец и указательный палец изображают рога «той силы, что вечно хочет зла». Чем не пещерный «закон сопричастности»?

Летним воскресеньем этого года в Зеленом театре парка Горького одно из отделений концерта «работал» свинцовозвучающий «Круз». Мое место оказалось между группой ребят лет по пятнадцать, с одной стороны, и студенческой, как я вычислил, парой — с другой. Те, что слева, такие славные, чистенькие мальчики, завелись, что называется, с пол-оборота. А после затяжного гитарного соло «студент», заложив пальцы за губу, показал, что тоже не лыком шит — прямо Соловьем-разбойником оказался, честное слово. Про упакованных в черную кожу «металлистов» и говорить не приходится, они входят в раж даже от вида барабанных палочек и никелевого блеска звукоснимателей и струн на раскрашенных дощечках, формой своей все меньше напоминающих гитары.

Словом, настоящий концерт, «рок-навсегда!!!» и все такое прочее. Если начистоту, то в этом пронзительном восторге, во всей грохочущей радости слияния с агрессивным, бунтарским звукодействием, повелевающим «встать!», что-то есть. Повторять вслед за английским писателем Паркинсоном, что рок — наркотик похле-

Евгений ДОДОЛЕВ

стче никотина, я не намерен, но, что ни говори, а поведение в толпе (в широком смысле, не только среди зрительской массы) круто меняется порой.

Если фэн ощущает себя звеном в цепи единоверцев (будь это на трибунах стадиона или в зрительном зале), то прямо на глазах происходит удивительное превращение: он заражается настроением своей, вернее, «нашенской», силушки, море — по колено, а чувство ответственности подменяется нетерпимостью к еретикам и, как бы поточнее сказать, тупым, неандертальским догматизмом.

Не хочу прослыть занудой, но стоило бы различать здоровый, спортивный «завод» и слепое неприятие «тех, кто не с нами». Привожу доказательства: брассельскую трагедию, когда спровоцированное британскими фэнами столкновение с итальянскими болельщиками обернулось жертвами с отнюдь не футбольным счетом; скандальный эпизод из гастрольной биографии «Роллинг Стоунз» — телохранители группы из числа «ангелов смерти» (отличительные внешние признаки — мотоциклы и кожаные одеяния, украшенные железом и бисером) насмерть забили излишне ретивого поклонника талантов Мика Джагера, который не смог (не имею права сказать: не захотел) остановить усердствующих убийц.

В фильме о «Стоунзах» серии индивидуальных интервью с музыкантами после того страшного концерта предшествуют кадры: зрители приветствуют своих любимцев поистине с религиозным исступлением. Возможно, я перегибаю палку, но в Большом театре или в «Ла Скала» певцам овации тоже дай бог устраивают, однако к лику святых артистов все-таки не причисляют, что не мешает восхищаться их искусством и по-хорошему боготворить.

Здесь все дело не в форме, а в содержании.

Несомненно, интенсивная, энергичная (пусть даже это ленивый блюз или лирическая баллада, воздействие-то на высшем энергетическом уровне!), бьющая по всем точкам, проникающая в каждую клеточку за счет квадратности своего рисунка и вулканических децибелов, рок-музыка является внешней силой и сама по себе, и в сопряжении с целой палитрой сопутствующих эмоций. Световые эффекты, лазеры да слайды — дело десятое, а вот вбирание рваного ритма не столько ушами, сколько солнечным сплетением, — «То, что надо!».

МОРАЛЬ № 2 — С ПРИМЕРАМИ

Причина гипердействия музыки вообще заключена в самой природе человека: первое ощущение — звук, достигающий уха еще не родившегося ребенка в утробе матери. Шаманы по сию пору врачуют ритмом. Музыка издревле и повсеместно выполняла, помимо социальной функции, еще и медицинскую, и тесно раньше с ней связанную религиозную — у древних греков за медицинскую и музыку «отвечал» один бог-Аполлон, а знаменитый врач и маг Антон Месмер был интересным музыкантом. Учебники по психиатрии описывают ситуации, когда врачам удавалось вступить в контакт с «замкнутыми» пациентами с помощью простых музыкальных инструментов; не раздражающий ни не какие внешние раздражители (даже экстремные: свет в глаза, удар по лицу, прижигание сигаретой) больной «откликнулся» на звучание камертона, отвечал тем же звуком, и мостик перекинут. Это, конечно, не значит, что билеты на рок-шоу надо продавать по рецептам, но остается непонятным:

ПРОРО

как относиться к ажиотажу на концертах?

Восхищение музыкой, наслаждение всеми ее компонентами, включая завывающий шумовой уровень, здорово! А иначе это уже не рок, предусматривающий взаимную самоотдачу исполнителей и слушателей. По полной программе продемонстрировала эта зарисовка из телевизионной передачи «Веселые ребята» — супертихое исполнение неуправляемой, кричащей каждым аккордом пьесы «В огонь!» с лучшего диска «Дип Перл».

Говорю все это для того, чтобы доказать скептически настроенным фанам, что «я — тоже понимающий парень». И с позиции этого понимания объясняю: на каком-то этапе восторги от звуков достигают экстремальной точки (это может случиться и в 12 лет, и в 20) и перевоплощаются в новое качество. Поясню на хорошо знакомом из школьного курса физики примере — достигнув 100°C, вода вскипает и переходит в газообразное состояние. Попробуй-ка ладонью удержать пар (в чайнике он так и свистит, как раскаленные фаны у подмошников). Накал погоны за новыми дисками переходит иногда критическую отметку и, перестав быть раздражением, становится основой мировоззрения и специфического действия, основанного на поклонении, то есть попросту религией.

Что и требовалось доказать, как говорят математики.

Рок-музыка — как воздействующая на душу и тело одновременно — существовала всегда. Если уж на то пошло, то музыка изначально была ритмичной и пьянящей. Мазстро Паганини (он и лохматым обликом, и экспрессивной манерой игры — вылитый рокер) доводил слушателей до экстаза, за что и по-дозревался церковниками в контактах с нечистой силой. Чего доброго, его фаны, может, и «козой» пропарывали воздух, скандируя «бис»?

Ныне рок занял фундаментальные позиции в умонастроениях молодежи вследствие освобождения «религиозной ниши». Элвиса Пресли и Чака Бер-

ри к лику рок-святых причислили американские тинейджеры, разочаровавшиеся в христианских заповедях, которые в известной степени служили духовным стержнем для их отцов и дедов.

...Первым делом напористый рок сокрушил эстрадные каноны. Затем опроверг общепринятые взгляды на моду и эстетику. Рок-культура, помноженная на традиционное взаимное доверие поколений, превратилась в таран, пробивший замкнутость подростка на себе. Подарив ему точку опоры, раскованность и упоение звуками, рок стал по сути религией, так порой и определяемой как «точка опоры». Рок не обратился контркультурой на всех участках фронта, но во многом не ужилась с господствующими мерками.

Включая и христианские. С рождения рок слыл рубахой-парнем («Мы любим буги-вуги» и т. п.), но, повзрослев, задумался было об очистительной роли страдания (высоко ценимого христианством как орудие в борьбе с мировым злом); тогда появились интересные пластинки хард-роковых групп и несколько работ с чисто «теологическим» уклоном — рок-оперы «Исус Христос — суперзвезда» и «Томми».

Затем наступила зра усталого авангардизма, кокетливого арт-рока, лихого диско и безмозглого хэви, чьи местами якобы мистическое содержание с христианством ничего общего не имеет.

Короче, музыка молодежи, то приближаясь, то уходя от конкретной религии, сама взяла на себя ее функции. Но рок так и не преодолел противоречия, присущего ему с самого основания, быть-музыкой, которая, в сущности, хочет стать другой. Круговорот иллюзий приводил к появлению среди рок-музыкантов новаторов, то бишь протестантов, пытавшихся создавать новые направления, не вписывающиеся в сферу шоу-бизнеса. При этом панк-рок, неоромантика, хэви-метал с сугубо фанатичной манерой так бескомпромиссно стремились к недостижимому, что все достигнутое ранее

терялось. Реформаторы частенько забывали: откровенность не аттракцион.

...Винить рок, тех, кто его создает и любит, в каких-то бедах, с ним внешне сопряженных, — это похлестче, чем телегу впереди лошади ставить. Чудно слышать, что рок-музыка «отвлекает на себя», «заставляет попусту растрачивать энергию молодежи». Быть может, напротив, правы те противники рока, кто утверждает, что он эту энергию генерирует, но она-де со знаком минус? А может, и те, и другие не правы, так же как и зловеще предостерегающие: «Грядет рок-интервенция с Запада»? наших мальчишек с гитарами уместнее рассматривать не как агентуру оттуда, а как свою музарию. И укреплять рок-оборонспособность, чтобы на уровне международных стандартов противостоять иноземному нашествию... (Разве не отродю узнавать, что Алла Пугачева заняла пятое место в хит-параде станции «Радио Франс Интернациональ»? Или что в десятку наиболее популярных во Франции песен входили в этом году композиции «Машины времени» и «Рондо»? Что, эти хит-парады — «калашный ряд», куда и сунуться не с чем?)

Шутки шутками, но пора разобраться: почему для детей рок исполнен высшего смысла, а для родителей превратился в тревожное понятие, ассоциирующееся с «вражьей силой»?

Песня может звучать по-разному, в зависимости от того, кто, как и зачем ее слушает.

В репертуаре ранней «Машины времени» была песенка:

*«Я с детства выбрал верный путь,
Решил, чем буду заниматься.
И все никак я не дождался,
Когда мне стукнет восемнадцать.
Тогда приду в военкомат
И доложу при всех, как нужно,
Что я в душе давно солдат,
И пусть меня берут на службу...»*

Ребята 70-х воспринимали эти строчки совершенно однозначно — заключительный куплет про то, что «огорчает лишь одно — что мне служить всего два года», тонул в хохоте и одобрительных аплодисментах. Такие вот дела.

Каждое поколение верит в что-то свое. Вера в прекрасное завтра была для молодежи 20-х той самой «точкой опоры вне себя», которая помогла преодолеть непреодолимое. Этой точкой пользовались архимеды 30-х, чтобы перевернуть если не Землю, то, уж во всяком случае, представления о возможностях человека, возводя Магнитку голыми руками. 40-е — под знаком веры в Победу.

Ну, а потом...
Недавно прочел в молодежном журнале строгое, как деловой костюм, письмо комсомольского работника: вот-де ленинградская группа «Алиса» позволяет себе говорить от имени нескольких миллионов: «Мое поколение смотрит вниз». Оппонент музыкантов бодро и уверенно восклицает что-то вроде того, что наше поколение всегда смотрит вперед. Подчеркивая, что они с автором текста Константином Кинчевым — ровесники. Поскольку я того же поколения, возьму на себя роль третейского судьи; пусть всех нас рассудит песня «Алисы», открывающая первую пластинку группы, — «Мы вместе!». Мы должны быть вместе. Все. Вместе выстоим, порознь проиграем.

ПОЛУСКАЗКА № 2 — О БУДУЩЕМ ОТЕЧЕСТВЕННОГО РОКА

На этот раз «полу», поскольку не уверен, что случится. Но надеюсь.

Надеюсь, что в своем движении вперед музыка преодолет все, что этому движению мешает. Однако избавление от былых трудностей не гарантирует, что новые не расплодятся. Отсутствие запретов в последнее время вызвало целый поток унылой серятины и откровенной калтуры, рядящейся под «андерграунд» — подпольный рок. За этими рок-подделками публика не всегда может разглядеть действительно интересные, способных ребят, будь то рижский «Цемент», ленинградский «Телевизор», свердловский «Наутилус Помпилиус» или московская «Бригада С». А ведь именно новые, многообещающие коллективы вместе с заслуженными рок-ветеранами типа Бориса Гребенникова и Андрея Макаревича способны поднять планку выше, на уровень таланта и дельного профессионализма, и тогда, чтобы выйти на сцену, недостаточно будет только вычурнее разодеться и включить усилители на полную мощность.

Оскомина уже от настоячивых разговоров о специализированном музыкальном журнале, но все же еще раз — пусть будет. Журнал, страницы в газетах, рок-лаборатории, телепередачи, клубы. Почему бы в самом деле не создавать клубы поклонников той или иной группы, последовав примеру ленинградского бит-квартета «Секрет»? Это ведь те же самые клубы по интересам. Причем чем больше их появится, тем лучше.

Главное, не на пустом месте все это возникнет, опыт уже есть. Ленинградский межсоюзный дом самодеятельного творчества, приютивший городской рок-клуб, стал центром притяжения не только для трехсот музыкантов, но и для всей молодежи, музыку любящей и понимающей. Нынешний, седьмой сезон открылся международными концертами. Это при том, что объединение-то любительское!

Порою, как говорится, за державу обидно, честное слово. Почему у таких групп, как «Машина времени», «Аквариум» и «Кино», пластинки сперва выходят за океаном, а потом у нас? Отчего сначала о ленинградском клубе снимает публицистическую ленту французское телевидение, и лишь после этого он пробивается на экраны отечественного?

И еще одно: нельзя забывать, что подростков зачастую привлекает именно «запретный плод», а игра в увлечение запрещенными звуками легко трансформируется совсем не в то, что нам хотелось бы. Поднимая шум вокруг и без того шумной музыки, мы подталкиваем мальчишек и девчонок к выводу, что это не просто стоящее дело, но и единственно достойное. Потому что когда «возраст полных карманов» сменяется временем «полных сердец», тяга противоречить естественна и неизбежна.

...А чем закончились переживания влюбленной в западногерманский дуэт девятиклассницы, я положила руку на сердце не знаю. Таня в редакцию больше не пишет, обиделась, наверное, что ей не сообщили по ее просьбе домашние адреса Томаса и Дитера. Вот так...

А я думаю, поверни Таня ручку телевизора иначе, она могла бы влюбиться в того же Андрея Макаревича. Или Александра Абдулова. Или Ринату Дасаева, наконец. И так же — «навечно».

фото Сергея Ветрова

К. ПРОРОКОВ

«ЗНАЙ СВОЮ РОДИНУ»

Пришла пора подвести итоги шестого тура конкурса «Знай свою Родину», посвященного 70-летию Великого Октября.

Примечательно, что все читатели, принявшие в нем участие, очень высоко оценивают познавательное значение вопросов конкурса. «Они дали мне возможность проследить историю страны, а значит, углубить свои знания», — пишет Н. Чернуха из поселка Видлево Мурманской области. «Благодарим вас за этот конкурс; мы многое узнали о нашей Родине и ее людях и сами стали дружнее» — это отзыв десятиклассников из школы № 117 Кривого Рога.

Примечательное письмо прислала В. Овсянникова: «Наверное, много хороших и добрых слов высказано вам за конкурсы эрудитов. Хочу и я присоединить свой голос. Начиная с первого тура в 1981 году я постоянная участница конкурса. На моем счету пять дипломов и книга. И пусть не всегда я становлюсь победительницей, но это еще больше меня подзадоривает».

Я учительница английского языка в сельской школе. Выросла под Москвой, окончила пединститут в Воронеже и по распределению приехала на работу в село Верхний Мамон. И вот уже 13 лет учу детей в наших краях.

Нет у нас театров и музеев, концертных залов и больших библиотек. Но почти все свободное время я с книгой. Мне кажется, за эти годы я их переворочила горы. Теперь и у меня приличная библиотека не столько художественной литературы, сколько познавательной. Она помогает мне в работе. Ведь дети — любознательный народ. Сама найду интересный факт и иду поделиться с ними: «А знаете ли вы...»

У меня растет дочь. Она уже в восьмом классе и моя первая помощница. Мы с ней вдвоем ищем ответы на ваши вопросы.

Большое спасибо инициаторам и организаторам конкурса эрудитов! Вы помогаете нам воспитывать наших детей, нашу молодежь, да и нас заставляете не сидеть на месте».

Самыми интересными большинством читателей назвали на этот раз первый и шестой вопросы. Самым трудным оказался последний вопрос. На него правильно ответили только Т. Тимошенко из Борисова и Г. Мясников из Киева. Он прислал интересную работу, но в ответе на восьмой вопрос назвал, к сожалению,

Катайму, который не был крупным ученым.

Жюри внимательно изучило все домашние работы, ничем не нарушившие условий конкурса. Безоговорочной победительницей признана Тамара Сергеевна Тимошенко из Борисова Минской области, правильно и подробно отвечавшая на все вопросы. Ей присуждена бесплатная путевка в международный туристский центр «Спутник».

Книгами награждены десять участников, полно ответивших на первые тринадцать вопросов. Это А. Василенко из села Песчаное Черкасской области, А. Виссарионов из Армавира, В. Власенко из Хабаровска, О. Голоднова из Ленинграда, А. Драчев из Красноармейска Донецкой области, С. Журиба из села Подгорное Львовской области, Т. Квашнина из г. Горький, Н. Кондратьева из Новосибирска, В. Майор с сыном Костей, учеником седьмого класса, из Мальчика, Т. Русакова из Макеевки Донецкой области.

Диплома Бюро международного молодежного туризма «Спутник» ЦК ВЛКСМ удостоены И. Булавко из Витебска, В. Ващенко из Днепрпетровска.

Все названные читатели награждены также дипломами журнала «Смена». Кроме того, их получают Г. Алтунин из Москвы, Ю. Бабин из Донецка, В. Диденко из поселка Михайловка Запорожской области, Е. Климова из Тарусы Калужской области, А. Лосовик из Бобруйска Могилевской области, Г. Мясников из Киева, Р. Мулда из Лиепая Латвийской ССР, П. Савин из Анкивы Сахалинской области, А. Семендяев из поселка Тербуны Липецкой области, М. Смородинова из Москвы, Л. Флуг из г. Гусь-Хрустальный Владимирской области, Г. Хахай из Уфы, Л. Хомякова из Томска, Н. Чернуха из поселка Видлево Мурманской области, А. Юдин из Сафонова Смоленской области, И. Юрлагина из Южно-Сахалинска, И. Якушева из Читы.

Сердечно поздравляем победителей и благодарим всех участников конкурса.

Ответы на вопросы шестого тура такие:

1. Связным был Сурен Шаумян, сын руководителя Бакинской коммуны Степана Шаумяна. В. И. Ленин сказал В. Д. Бонч-Бруевичу: «Вы видите, какие дети уже есть у нашей революции! У нас скоро будут и такие внуки!»

2. В феврале 1919 года слобода

Пришиб Астраханской губернии была переименована в город Ленинск.

3. В 1922 году В. И. Ленин был награжден орденом Труда Хорезмской народной советской республики.

4. В Лондоне проходил V съезд РСДРП. Максиму Горькому, который участвовал в его работе, удалось взять заем в 1700 фунтов стерлингов у владельца мыловаренных предприятий Д. Фелза. Кредитор коллекционировал автографы и настоял, чтобы заемное обязательство подписал каждый участник съезда. Вексель был оплачен в 1922 году.

5. «Кремлевские куранты» были впервые исполнены 21 апреля 1970 года в Кремлевском Дворце съездов на торжественном концерте, посвященном 100-летию со дня рождения В. И. Ленина.

6. Это Тимофей Георгиевич Бок, полковник в отставке. Он записал проект полного преобразования России, согласно которому власть императора значительно ограничивалась, вводилась конституция, получали свободу крепостные крестьяне, все были равны перед законом и имели право на образование. Свой дерзновенный проект Т. Г. Бок через министра полиции послал Александру I, за что и был посажен в крепость.

7. Крымский революционный комитет (Крымревком). Его первым председателем был венгерский коммунист, бывший глава Центральной федерации иностранных групп при ЦК РКП(б) Бела Кун.

8. В декабре 1921 года Моссовет избрал своим почетным депутатом Фритльофа Нансена, знаменитого норвежского ученого-полярника. Он организовал всеевропейскую помощь голодающим Поволжья в 1921 году. В созданный им фонд поступило 40 миллионов франков. Тысячи вагонов с продовольствием, медикаментами, одеждой были отправлены в Поволжье.

9. Журнал «Юный пролетарий» (с ноября 1917 года) и газета «Смена», начавшая выходить в декабре 1919 года в Петрограде. Рождение комсомольской печати связано с именем Василия Алексеева.

10. Пулеметчик Павел Потеря. Станковый пулемет из музея в октябрьские дни 1917 года был в одном из крестогардейских отрядов, штурмовавших Зимний дворец, а в годы гражданской войны стоял на танке в Первой Конной армии. На Малой земле возле «максимализаторов» разорвалась бомба. Павла вместе с пулеметом засыпало землей. Това-

рищи откопали контуженого пулеметчика и отправили в госпиталь. А пулемет уже после войны откопали рабочие совхоза при закладке виноградников. Сейчас реликвия хранится в Ленинградском военно-морском музее.

11. Павел Емельянович Куприянов, погибший в Испании. Звание Героя Советского Союза ему присвоено посмертно 31 декабря 1936 года.

12. Бахрихон и Шахмед Шавахмудовы. Они усыновили 15 обездоленных войной детей разных национальностей. Монумент был открыт 26 мая 1982 года на площади Дружбы народов в Ташкенте.

13. «Черная курица, или Подземные жители». Писатели Антоний Погорельский и А. К. Толстой.

14. Это керекы — древнейшие обитатели крайнего северо-востока нашей страны. Они живут в Майныпильгине и Хатырке, поселках в Магаданской области. Их осталось меньше 20 человек.

Называя основные источники, откуда взяты вопросы: И. Ерофеев. Имя Ленина на карте Родины. М., Просвещение, 1985; «Прометей-13»; «Пятый (Лондонский) съезд РСДРП. Апрель — май 1907 года. Протоколы». М., 1963; «Куранты»; В. Сухоруков. Знаете ли вы Крым? Симферополь, 1983; Герон и подвиги. М., 1958; Ю. Журкин и др. Город-герой Новороссийск. М., Мысль, 1983; «Семья и школа» № 12 за 1972 год; «Советская Россия», 16.3.86; А. Таланов. Нансен. ЖЗЛ. М., 1960; Молодежный календарь на 1977 год; «Огонек» № 23 за 1982 год; «История СССР» № 4 за 1970 год; «География в школе» № 4 за 1986 год; В. Леонтьев. На земле древних кереков. 1976; «Литературная газета», 16.9.81.

Дорогие товарищи! В 1988 году «Смена» планирует провести конкурс эрудитов, посвященный 70-летию Ленинского комсомола. Ждем от вас вопросы для этого конкурса. Каждый вопрос и ответ на него должны быть четко сформулированы и обоснованы печатным источником. Приводя источник, надо указать автора, название, место и год издания, страницы.

Тема вопросов — история и жизнь Ленинского комсомола и комсомольцев начиная с 1918 года и кончая нашими днями.

Шестеро читателей, приславших самые интересные и глубокие вопросы, будут награждены книгами и дипломами «Смены».

„ТАК НАЧИНАЮТ ЖИЗНЬ СТИХОМ“

Лев ОЗЕРОВ

Задолго до того, как я увидел и услышал Бориса Пастернака, я его увидел и услышал в его книгах. Не заучивал их, текст сам по себе впечатывался в меня, и я незаметно стал говорить, а до того стал думать его строками. И выражать себя его голосом, и писать его почерком. Это было более чем заразительно. Это было опасно: стать подголоском, подражателем, потерять себя.

«Так начинают жить стихом...» — сказано Пастернаком. Я начал постижение русской поэзии с классики XIX века. Сосредоточась на ней, я проверял современную поэзию именно классикой. И от этой проверки в поэзии XX века оставалось мало, досадно мало. Но время вносило свои поправки: Анненский и Блок, Есенин и Андрей Белый, Ахматова и Ходасевич, Цветаева и Маяковский. Пастернак был в этом кругу. И вне этого круга. Его судьба и его сочинения близко переживались мною всегда как нечто очень личное. И теперь, в нынешние мои нешуточные года, могу сказать: его судьба и его сочинения корректировали мою жизнь, многое определяли в моем характере, в моих вкусах и пристрастиях.

Весной 1934 года я переехал из Киева в Москву. Осенью этого же года поступил в Московский институт истории, философии и литературы (МИФЛИ). Уже к этому времени у меня было много написанного в стихах и в прозе. Мой первый учитель Николай Николаевич Ушаков, рожденный в Ростове Великом, но всю жизнь проживший в Киеве, дал мне незабываемые уроки поэзии, которые продолжились и в дальнейшем.

В Москве много принесли мне встречи с Ильей Сельвинским, Николаем Асеевым, Павлом Антокольским, Владимиром Луговским, Анной Ахматовой, Михаилом Зенкевичем, Николаем Заболоцким, Михаилом Светловым. В меру сил и в разное время я рассказывал о них в очерках мемуарного характера. Здесь мне хочется рассказать о Борисе Пастернаке и об его из ряда вон выходящем примере. Учитель? Наставник? Не подберу определения. Не знаю, смогу ли найти слова, чтобы достойно передать ту энергию творчества, жизнь, которую излучал этот человек.

О себе и близких по духу художниках «донецких, горячих и адских» Пастернак говорит в стихах 1921 года. Затаканное юбилейное слово «горенье» в своем изначальном смысле, в своей основе содержит то, что мне бы хотелось передать, говоря о Борисе Пастернаке. Он так горел, так сиял, что по отсветам, падавшим на нас, можно догадаться о его силе. А именно этим словом «сила» он определял то, что мы обычно определяем не очень почитаемым им словом «талант». Высшее выражение этой силы — гений.

В 1935 году я впервые увидел его на Волхонке, в доме, которого уже давно нет. Обо мне Борису Леонидовичу говорил его друг, любимый мною пианист и музыкальный мыслитель Генрих Нейгауз. Дважды в разное время я подходил к дверям квартиры, робел, уходил, сокрушался, досадовал на себя и свою нелепую застенчивость и неуклюжесть недоросля. «Дурень, ты так мечтал его увидеть и вот сбежал... Позор!» Только

на третий раз я разогнался, позвонил, и пугающе быстро открылась дверь.

Я остолбенел. Передо мной стоял сорокапятилетний, молодой, сияющий, огнеглазый, навсегда восхищенный жизнью Борис Пастернак. Он провел меня в большую затененную комнату. Мы уселись у окна, за ним открывалось пространство, которое незадолго до этого занимал храм Христа Спасителя. Оно скорбно и негодующе пустовало. Я пришел на полчаса. «Сорок пять минут» — так говорят на языке знаков молодые интеллигентные люди. Просидел четыре часа с лишним. Сейчас не буду вдаваться в подробности разговора. Он касался множества тем, переходы от одной темы к другой были необъяснимы и диктовались порывистостью и откровенностью Бориса Леонидовича. Я был покорен и содержанием разговора, и тем, как выражалась та или иная мысль. Ничего специально приготовленного, обкатанного в других разговорах. Борис Леонидович долго как бы гудел, подыскивая слово, искал его широко раскрытыми глазами, выживая его в «шуме словаря», как он сам говорил. Поэтому речь не только не укладывалась в принятые в культурном кругу стереотипы — она решительно и весело разбивала эти стереотипы. Захватывающе интересно было следить за этим. Я присутствовал при рождении живой речи, передающей живой поток чувств. Ничего подобного я не слышал ни до этой встречи, ни после этого, спустя полвека могу сказать уверенно.

Это было питательно для души. Это показывало, каким должен быть поэт, что ему делать на свете. Я следил за его речью, за его словарем, необычайно богатым. Там, где я говорил «цветок», он говорил: маттиола — цветок, пахнущий только вечером и ночью, крученый паныч, ночная красавица, тубероза.

Лишь в конце разговора Борис Леонидович вспомнил о стихах моих, которые лежали в папке на подоконнике. Это не было забывчивостью. Это было увлеченностью. Он развязал тесемки, вынул пачку страниц и стал их листать.

Сосредоточенно и стремительно он пробежал рукопись, выхватывая из нее то строку, то строфу, то целое стихотворение. Выхватив их, он останавливался и восклицал — то весело, то восторженно, то тихо-улыбчиво:

— Вот! Это ваше. Здесь нет ни пушкинской пляяды, ни некрасовской школы, ни блоковских мотивов. Это вы исторгли из себя, а не научились хорошему тону в литературе.

Он указал на удачу. Их было досадно мало. Но именно они его интересовали. Показав мне тогдашний мой потолок, он тем самым избавлял себя от построчного дотошного анализа всего текста, а меня от пережевывания ученических истин. Конечно же, он не произнес обязательной в таких случаях фразы: «Читайте классиков!» Напротив, он, по сути, клонил к тому, что в ремесле важно научиться, а искусству в его высшем проявлении не научиться.

В лежавшей на подоконнике и вдруг пришедшей в движение рукописи его останавливало самое естественное и простое:

*Погрощался с девушкой —
И иду домой.
Если сила в радости —
Я сильнее всех.*

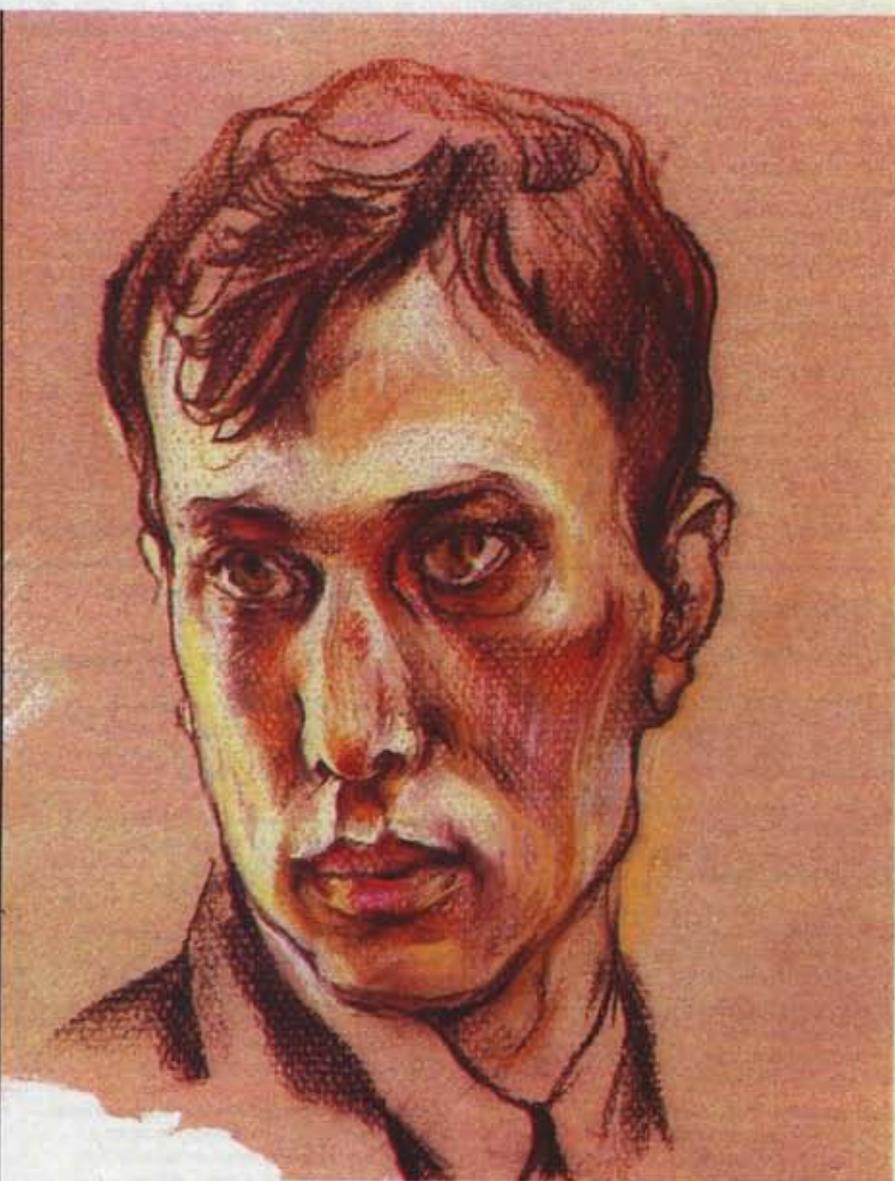

Рисунок Виталия Русина

*Если бедность в робости —
Я богаче всех.*

Он отметил строфу в киевском цикле:

*Когда картавая грачица
Раскачивает провода,
Проходит дождь, свежо и тихо,
С Тарасовской бежит вода.*

— Вы там жили? Конечно, там. Можно и не спрашивать. Это видно по тону стихотворения. И вот здесь я вижу, что дело происходит на Украине, на юге:

*Бежали кони, кони, кони,
И степь подрагивала чуть
И элеватора свечу
Держала на своей ладони.*

Борис Леонидович листает, листает, листает. Остановка. Короткое раздумье, рука, как над роялем, взлетает ввысь, и вот она падает на бумажный лист, и палец, как к клавише, прикасается к строфе:

*С ветром летящее в вечер,
Гнущееся в дугу,
Что-то в тебе человечье,
Дерево на лугу.*

Подчас Борис Леонидович виновато говорил:

— Посмотрите, здесь я вам явно напортил... Кто-то, говорят, придумал словцо «пастернакип». Так вот здесь

она у вас имеется. В избытке... — И после паузы: — Казалось бы, мне следовало радоваться, ликовать. Но мне не до ликования...

Умолкал, продолжая перелистывать рукопись.

Он не учил, не поучал. Но я учился. Даже его недомолвки, паузы, молчание научали меня. Это был его способ поощрения человека, который ему приглянулся.

Без его напоминаний и намеков я от одного раза к другому приносил все меньше и меньше строк. Это послужило тому, что и разговор становился все более содержательным и строгим, подчас драматичным. Пастернак раскрывался без утайки.

Не менее важной, чем этот разговор над рукописью и о рукописи, была сама возможность видеть Бориса Леонидовича в общении с другими людьми (Асмус, Нейгауз, Морозов, Ливанов, Чуковский, Юдина, Асеев), слушающим музыку, рассуждающим о Скрябине или о строе и композиции поэмы Некрасова «Мороз — красный нос», об Андрее Белом и Тициане Табидзе, о 66-м сонете Шекспира и музыке Святослава Рихтера...

Его не поддающиеся записи речевые периоды, его переходы от темы к теме, от мысли к мысли — все это было толч-

ком к дальнейшим раздумьям, пробам, учению. Это была незаменимая и единственная в своем роде школа. Личность человека, его умение по-своему, по-пастернаковски существовать на людях, общаться с ними, его образ мыслей и способ высказывать их заодно, конечно, с его стихами, прозой, переводами, письмами были для меня наглядным примером. Личный пример! — в искусстве это значит так же много, как в воинском деле, в науке, в семье.

Монологи его были всегда неподготовленными, вернее всего назвать их импровизациями. Тема появлялась неожиданно в ходе разговора. И вдруг собеседник чувствовал, что он должен замолчать и слушать импровизацию Бориса Леонидовича. Она имела тему и множество вариаций, она раскатывалась во времени по законам музыки. Мне рассказывал гимназический друг поэта Михаил Львович Штих о том, как импровизировал на рояле Борис Пастернак в дни своей юности. В стихотворении «Импровизация» он скажет: *Я клавишей стаю кормил с руки Под хлопанье крыльев,*

плеск и клекот.
Я вытянул руки, я встал на носки,
Рукав завернулся,

ночь терлась о локоть.
В пору, когда я познакомился с Пастернаком, он уже переносил свою импровизационность как особое состояние души с музыки на поэзию. Он говорил о Шопене, Рильке, Толстом, жизни, смерти, общих законах, характеризую их подчас одним-двумя словами.

Оратор? О, нет! Лектор? Ни в коем

случае! Артист в минуты особого подъема, когда уже не в одиночестве, над листом бумаги, а в присутствии хотя бы одного человека он давал волю своей восторженности, пылкости, головокружительным своим ассоциациям, потоку пережитого и предчувствуемого. В позднюю пору эти импровизации становились все более драматичными, а под конец жизни открыто трагическими: «Гул утих, я вышел на подмости».

Невозможно было оторвать глаза от Пастернака, ненароком отвлечь его, тем более прервать. Это была воистину «паренья парусная снасть». Я слушал уверенно, и это было для меня школой на всю жизнь.

Он редко давал советы и явно не любил стихотворного морализаторства. И все же:

Поэт, не принимай на веру
Примеров Дантов и Торкват.
Искусство — дерзость глазомера,
Влечение, сила и захват.

Читатель уже кое-что знает о пресловутой «учебе у классиков» (здесь — Данте и Торквато Тассо) и о «силе», то бишь таланте. «Дерзость глазомера!» — вот что требовал от художника Борис Пастернак. Без этой дерзости глазомера нет художника. Увидеть дальше и глубже других, иначе бессмысленно его существование. Что касается «влечения» и «захвата», то они идут в подмогу «дерзости глазомера». Это определение открывалось мне из месяца в месяц, из года в год, все наполняясь новым и новым смыслом. То оно выглядело вторым именем искусства, то свойством художника, то особенным качеством, названным еще

Борис ПАСТЕРНАК

ЗИМНЯЯ НОЧЬ

Мело, мело по всей земле.
Во все пределы.
Свеча горела на столе,
Свеча горела.

Как летом роем мошара
Летит на пламя,
Слетались хлопья со двора
К оконной раме.

Метель лепила на стекле
Кружки и стрелы.
Свеча горела на столе,
Свеча горела.

На озаренный потолок
Ложились тени,
Скрещенья рук, скрещенья ног,
Судьбы скрещенья.

И падали два башмачка
Со стуком на пол.
И воск слезами с ночника
На платье капал.

И все терялось в снежной мгле,
Седой и белой.
Свеча горела на столе,
Свеча горела.

На свечку дуло из угла,
И жар соблазна
Вздыхал, как ангел, два крыла
Крестообразно.

Мело весь месяц в феврале,
И то и дело
Свеча горела на столе,
Свеча горела.

1946

Когда разгуляется

Большое озеро как блюдо.
За ним — скопление облаков,
Нагроможденных белой грудой
Суровых горных ледников.

По мере смены освещенья
И лес меняет колорит.
То весь горит, то черной тенью
Насевшей копоты покрыт.

Когда в исходе дней дождливых
Меж туч проглянет синева,
Как небо празднично в прорывах,
Как торжества полна трава!

Стихает ветер, даль расчистив.
Разлито солнце по земле.
Просвечивает зелень листьев,
Как живопись в цветном стекле.

В церковной росписи оконниц
Так в вечность смотрят изнутри
В мерцающих венцах бессонниц
Святые, схимники, цари.

Как будто внутренность собора —
Простор земли, и чрез окно
Далекий отголосок хора
Мне слышать иногда дано.

Природа, мир, тайник вселенной,
Я службу долгую твою,
Объятый дрожью сокровенной,
В слезах от счастья отстою.

1956—1959

Гамлет

Гул затих. Я вышел на подмости.
Прислонясь к дверному косяку,
Я ловлю в далеком отголоске,
Что случится на моем веку.

На меня наставлен сумрак ночи
Тысячью биноклей на оси.
Если только можно, Авва Отче,
Чашу эту мимо пронеси.

Я люблю твой замысел упрямый
И играть согласен эту роль.
Но сейчас идет другая драма,
И на этот раз меня уволь.

Но продуман распорядок действий,
И неотвратим конец пути.
Я один, все тонет в фарисействе.
Жизнь прожить — не поле перейти.

1946

Август

Как обещано, не обманывая,
Проникло солнце утром рано
Косою полосой шафрановою
От занавеси до дивана.

Оно покрыло жаркой охрою
Соседний лес, дома поселка,
Мою постель, подушку мокрую
И край стены за книжной полкой.

Я вспомнил, по какому поводу
Слегка увлажнена подушка.
Мне снилось,

что ко мне на провода

у Пушкина в «Пророке»: «Отверзлись вешие зеницы, как у испуганной орлицы».

Я читал:

Цель творчества — самоотдача,
А не шумиха, не успех.
Позорно, ничего не знача,
Быть притчей на устах у всех.

До того, как прочитал эти строки, и после того, как я узнал их, Борис Пастернак виделся мне человеком бескорыстным и бесстрашным, беспощадным к себе и добрым к окружающим. Все то, что он писал, было им самим, его жизнью. Так иногда во время беседы он обращался к стихам, и эти стихи звучали как продолжение беседы. Тот же голос, та же интонация, тот же лад и склад, строй и настрой.

Это раскрывало мне деянье Бориса Пастернака, которое — все от начала до конца — было посвящено жизни, вот сейчас протекующей жизни. «Сестра моя — жизнь» — это проступало в каждой его беседе, в каждой строке, о чем бы она ни говорила: о грядках укропа, звездах, сирени, лесных ручьях, детях, Шопене, любви, снеге, свидании, смерти, преображении.

Он был включен своей работой в работу мироздания:

Не спи, не спи, работай,
Не прерывай труда,
Не спи, борись с дремотой,
Как летчик, как звезда.

«Не прерывай труда». Это не приказ, потому что обращено прежде всего к самому себе. Это убежденность. Любимой из его читателей и почитателей скажет: тончайший художник, философ, музыкант, артист с неподдельным

Шли по лесу вы друг за дружкой.

Вы шли толпою, врозь и парами,
Вдруг кто-то вспомнил,
что сегодня
Шестое августа по-старому,
Преображение Господне.

Обыкновенно свет без пламени
Исходит в этот день с Фавора,
И осень, ясная как знаменье,
К себе приковывает взоры.

И вы прошли сквозь мелкий,
нищенский,
Сквозной, трепещущий ольшаник
В имбирно-красный лес
кладбищенский,
Горевший, как печатный пряник.

С притихшими его вершинами
Соседствовало небо важно,
И голосами петушиными
Перекликалась даль протяжно.

В лесу казенной землемершею
Стояла смерть среди погоста,
Смотря в лицо мое умерщве,
Чтоб вырыть яму мне по росту.

Был всеми ошутим физически
Спокойный голос чей-то рядом.
То прежний голос мой провидческий
Звучал, не тронутый распадом.

«Прощай, лазурь преображенная
И золото второго Спаса.
Смягчи последней лаской женскою
Мне горечь рокового часа.

Прощайте, годы безвременщины!
Простимся, бездне унижений
Бросающая вызов женщина!
Я — поле твоего сраженья.

Прощай,
размах крыла расправленный,
Полета вольное упорство,
И образ мира, в слове явленный,
И творчество, и чуждотворство».

1953

■
О, знал бы я, что так бывает,
Когда пускался на дебют,
Что строчки с кровью — убивают,
Нахлынут горлом и убьют!
От шуток с этой подоплекой
Я б отказался наотрез.
Начало было так далеко,
Так робок первый интерес.

Но старость — это Рим, который

даром перевоплощения. Все верно. Но прежде всего я сказал бы: он — рабочий человек. Это я однажды в качестве тоста произнес за столом. Борису Леонидовичу это понравилось. Он подошел ко мне и, улыбаясь, деликатно поправил: «Чернорабочий».

Он говорит: «Не прерывай труда», — потому что ты «вечности заложник у времени в плену». Рабочий человек. Чернорабочий. Он пишет, «озверев от помарок», по давнему слову Маяковского. Мне было любо смотреть на этого человека, познавшего упоение в труде.

На уроки чести и поэзии, полученные у Бориса Пастернака, чем ответил я? Верностью памяти его, тремя изданиями его сочинений (том в Большой серии «Библиотеки поэта», том в Малой серии «Библиотеки поэта», книга переводов его стихов на болгарский, предваренная моим предисловием), несколькими статьями.

Намереваясь написать книгу о Борисе Пастернаке, состоящую из двух частей: лаборатория его стиха и мои воспоминания. Материалов собрано на десять книг, но пока еще, увы, нет одной.

Сгибаюсь под бременем долга рассказать об этом человеке, об уроках, которые он вроде бы и не хотел давать, но дал, об его школе, которую и не намечивался создавать, но создал. Он создал нечто большее, чем школа. Он создал ту атмосферу культуры, тот поэтический мир, мимо которых сейчас не может пройти ни один даже далекий от него поэт. Да только ли поэт?

Взамен турусов и колес

Не читки требует с актера,
А полной гибели всерьез.
Когда строку диктует чувство,
Оно на сцену шлет раба,
И тут кончается искусство,
И дышат почва и судьба.

1931

На ранних поездах

Я под Москвою эту зиму,
Но в стужу, снег и буревал
Всегда, когда необходимо,
По делу в городе бывал.
Я выходил в такое время,
Когда на улице ни зги,
И рассыпал лесною тенью
Свои скрипучие шаги.
Навстречу мне на переезде
Вставали ветлы пустыря.
Надмирно высились созвездья
В холодной яме января.
Обыкновенно у задворок
Меня старался переждать
Почтовый или номер сорок,
А я шел на шесть двадцать пять.
Вдруг света хитрые морщины
Сбирались щупальцами в круг.
Прожектор несся всей машиной
На оглушенный виадук.
В горячей духоте вагона
Я отдавался целиком
Порыву слабости врожденной
И всосанному с молоком.
Сквозь прошлого перипетии
И годы войн и нищеты
Я молча узнавал России
Неповторимые черты.
Превозмогая обожанье,
Я наблюдал, боготворя.
Здесь были бабы, слобожане,
Учащиеся, слесаря.
В них не было следов холопства,
Которые кладет нужда,
И новости и неудобства
Они несли, как господа.
Рассевшись кучей, как в повозке,
Во всем разнообразьи поз,
Читали дети и подростки,
Как заведенные, взасос.
Москва встречала нас во мраке,
Переходившем в серебро,
И, покидая свет двойкий,
Мы выходили из метро.
Потомство тискалось к перилам
И обдавало на ходу
Черемуховым свежим мылом
И пряниками на меду.

1941

ПРЕМИИ «СМЕНЫ» ЗА 1987 ГОД ПРИСУЖДЕНЫ:

Белле АХМАДУЛИНОЙ — за цикл стихов «Светильник» (№№ 1, 11)

Анне БЕРДИЧЕВСКОЙ — за статью «Вопреки инструкциям» (№ 15)

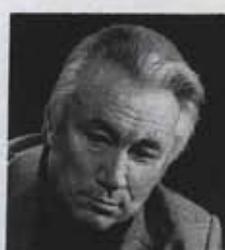
Сергею ВЕТРОВУ и Виталию ФЕДОРОВУ — за художественное оформление журнала

Владимиру ДУДИНЦЕВУ — за беседу «Добро должно быть смелым» (№ 13)

Марии КОРЯКИНОЙ — за рассказ «Надежда горькая, как дым» (№ 1)

Юрию НАГИБИНУ — за эссе «Услышать ось земную», «Аксаков», «Вдали музыка и огни» (№№ 4, 6, 18, 19)

Алексею НИКОЛАЕВУ — за очерк «Царицынские тайны» (№ 9)

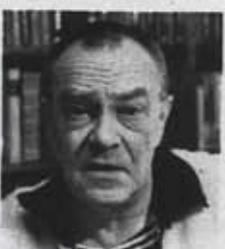
Борису ОЛЕЙНИКУ — за цикл стихов «Поворотный круг» (№ 2)

Алексею ОСТРОМЕНСКОМУ — за рисунки к роману Ю. Семенова «Непримиримость» (№№ 20—24)

Михаилу ПЕЧЕРСКОМУ — за статьи «Показуха» (№ 4), «Ржавчина» (№ 11), «Золотые щепки» (№ 16)

Валентину ПИКУ — за рассказ «Железные чётки» (№ 15)

Анатолию ПРИСТАВКИНУ — за беседу «Прошлое требует слова» (№ 16)

Михаилу РОЖКОВУ — за организацию конкурса эрудитов и конкурса кроссвордистов

Владиславу РОМАНОВУ — за рассказ «Оленька, светлая душа» (№ 5)

Владиславу СЕРИКОВУ — за статью «Убеденность» (№ 17)

Игорю СЕРКОВУ — за публицистическую статью «На поводу» (№ 7)

Леониду ТЕЛЯТНИКОВУ — за статью «Самоотверженность» (№ 14)

Валентину ТОЛСТЫХ — за статью «Тупики бюрократизма» (№ 3)

Владиславу ЯНЕЛИСУ — за цикл очерков «Девять парней одного призыва» (№№ 2, 6, 12, 21 — 1986 г., №№ 8, 16, 22 — 1987 г.)

«Смена» на протяжении многих лет шефствует над развитием Нового Уренгоя, города газодобытчиков и строителей. Это шефство осуществляется в рамках договора о творческом сотрудничестве. Стало уже традицией присуждение ежегодных премий, учрежденных городом Новый Уренгой, за лучшие материалы «Смены», посвященные первопроходцам Севера.

ПРЕМИЯ НОВОГО УРЕНГОЯ за 1987 год присуждена

Владимиру АНИСИМОВУ (НИКОЛАЕВУ) — за очерк «Замысел и воплощение» (№ 8)

Подведены итоги традиционного конкурса юмористических рисунков. Решением жюри победителями его признаны: Петр ВОСКРЕСЕНСКИЙ — за серию рисунков (№ 4), Олег ТЕСЛЕР — за серию рисунков (№№ 5, 12). Поздравляем победителей!

ИМПЕРИЯ ИМПЕРИИ

Юлиан СЕМЕНОВ

Рисунки Алексея Остроменского

Вечером Герасимов постучался в дверь комнаты (сказал филерам на замок не запирать), услышал «войдите», на пороге учтиво поинтересовался:

— Не помешал? Можно? Или намерены отдохнуть?

— Нет, нет, милости прошу.

— Спасибо, господин Петров. Давайте знакомиться: меня зовут Александр Васильевич, фамилия Герасимов, звание — генерал, должность...

— Глава санкт-петербургской охраны, — закончил Петров. — Мы про вас тоже кое-что знаем.

— В таком случае не считите за труд написать, кто в ваших кругах обо мне говорил и что именно, ладно?

— Знал бы, где упасть, подложил бы соломки... Вот уж не мог представить, что жизнь сведет именно с вами...

— Расстроены этим? Или удовлетворены?

— Про вас говорят разное...

— Что именно?

— Говорят, хам вы. Людей обижаете.

— Людей? Нет, людей я не обижаю. А вот врагов обижаю. Такова судьба: или они меня, или я их...

— Это понятно, — кивнул Петров.

— Господин Петров, мы прочитали ваши записки. Они нас устраивают. Я человек прямой, поэтому все сразу назову своими именами: вы нам не вдали... Слава богу... Но вы не объяснили, что побудило вас обратиться в саратовскую охранку с предложением стать нашим секретным сотрудником. Я хотел бы услышать ответ на этот вопрос.

— Отвечу. Вам имя Борис Викторович Савинков говорит что-либо?

— И очень многое, — ответил Герасимов.

— Знакомы лично? Видали? Пользуетесь слухами? — продолжал спрашивать Петров. — Что знаете конкретно?

— Много. Знаю, где он жил в столице, в каких ресторанах гулял, у кого одевался, с кем спал...

— Вот видите. — Впервые за весь разговор Петров судорожно сглотнул шершавый комок, так пересохло во рту. — А я знал только одно: этот человек живет революцией. Он виделся мне, словно пророк, в развевающейся белой одежде, истощенный голодом и жаждой. Я был им болен, Александр Васильевич! Так в детстве болеют Айвенго или Робин Гудом! А когда

меня в Париж привезли, когда начали таскать по революционным салонам, чтобы я демонстрировал свой протез, когда встретился с Борисом Викторовичем, пообщался с ним, так даже сон потерял с отчаяния... Это он здесь подвижник террора, а там ходит по кабакам с гвоздикой в петличке фрака и табун влюбленных дурочек за собою водит, попользует и бросит, хоть на панель иди... Разве может человек идти в Петербурге быть одним, а в Париже прямо себе противоположным? Мы здесь ютимся в сырых подвалах и счастливы, ибо верим, что служим революции, а Чернов на Вагране целый этаж занимает, семь комнат, барский апартамент! Вот поэтому, вернувшись в Россию ставить террор на Волге, попал к вам в руки, я в одиночке отчетливо вспомнил Париж и моих товарищей по борьбе... Вспомнил, как они меня по десять минут разглядывали, прежде чем заказывать ужин, как вино пробовали, что им лакей сначала наливал в рюмку для дегустирования, и сказал себе: «Эх, Санька, Санька, дурак же ты на самом деле! Ты этим барам от революции ногу отдал, а теперь голову хочешь положить за их роскошную жизнь?!» Вот, собственно, и все... Попросил ручку и написал письмо в охранку...

Герасимов накрыл своей ладонью пальцы Петрова.

— Александр Иванович, не казните себя. Лучше поздно, чем никогда. Я рад знакомству с вами. Спасибо сердечное за предложение сотрудничать с нами. Давайте думать, какую сферу работы вы намерены взять.

Петров ответил не задумываясь:

— Я бы хотел бороться против боевой организации эсеров.

— Это очень опасно, Александр Иванович, вы же знаете, чем может кончиться дело... Если революционные баре поймут вашу истинную роль — патриота державы, ставшего на борьбу против новых жертв, сплошь и рядом ни в чем не повинных, — дело может кончиться казнью...

— То, к чему я пришел, окончательно. Согласитесь вы с моим предложением или нет, но я все равноведу с ними счеты.

— Хорошо, Александр Иванович, ваше предложение принято. Теперь давайте думать о главном: как вас вытащить из тюрьмы? Вы же до сих пор сидите в карцере саратовской каторжной для ваших друзей и знакомцев... Как будем решать вопрос с побегом?

— Думаю, всю нашу группу надо пускать под суд... Получим ссылку на вечное поселение, а уж оттуда обратно, к вам... Полагаю, коли сошлют в селение, где нет политиков, это можно будет провести в лучшем виде, с вашей помощью.

— Ни в коем случае, — отрезал Герасимов. — С вами по делу идут Гальперин, Минор, Иванченко, букет террористов... Они тоже могут податься в побег, и тогда возможны новые жертвы... Нет, это не годится, пусть маленькие савинковы получат свое сполна... А вот если вы попытаетесь симулировать сумасшествие...

— Как так? — не сразу понял Петров.

— Я дам вам книжки по психиатрии... Почитаете пару-тройку дней, вернетесь в саратовский карцер и сыграете придурака... Просите свидания с вашей женой — королевой Марией Стюарт... Жалуйтесь, что вам мешают закончить редактирование Библии...

— Только Бартольда освободите, — задумчиво сказал Петров, — мне без него трудно... Он ведь как нянька мне... Хоть и барин, но человек чистой души, последнюю гривну отдаст товарищу, хоть сам голодать будет...

— С Бартольдом, думаю, вопрос решим. В конце концов он не террорист, его действительно можно отправить на административную высылку...

— Спасибо. Поймите, это не прихоть, это для нашего дела нужно, одному бежать — всегда подозрительно...

— Бартольд согласился помочь вам в вашем новом качестве?

Петров даже взмахнул руками.

— Господь с вами! Что вы! Он наивный человек, взрослый ребенок!

— Хорошо, Александр Иванович, считайте, что этот вопрос улажен.

— А как быть со мной? — Петров вдруг усмехнулся, обнажив прекрасные, словно белая кукуруза, зубы. — Ну, потребовал я, чтобы Марию Стюарт впустили в камеру, ну, отказали мне, а что дальше?

— Дальше придется стоять на своем. Бить, видимо, станут. Мы ведь в Саратов о нашем уговоре ничего не сообщим, пусть думают, что не сошлись, а то вмиг Бурцев объявится. Так что держитесь. Орите во все горло, пугайте тюрьму, слух пойдет, как вас мытарят, товарищи начнут кампанию за освобождение, переведут в госпиталь, а там, думаю, сами оглядитесь... Тем более что через пару месяцев Бартольда можно будет под залог выпустить. Вам играть придется, Александр Иванович, играть по-серьезному. Ну, подробности мы оговорим, когда вы почитаете книжечки...

Через неделю из Саратова телеграфировали, что «интересовавшее департамент лицо, по возвращении к месту заарестования, впало в мистическую депрессию. Возможна симуляция нервного заболевания, чтобы избежать суда. В отправке в психиатрическую лечебницу отказано. Принимаем меры, чтобы выявить объективное состояние интересующего лица собственными силами. Нет ли каких дополнительных указаний?»

Герасимов ответил, что «означенное лицо» его не интересует, скорее всего он действительно ненормален психически, «внимания к нему впредь проявлять не намерен в силу его неуравновешенности, а также малой компетентности».

Долгие недели над Петровым издевались в карцере; однако линию он держал твердо, хотя и поседел от избиений и голодовок. Лишь когда начались обмороки (однажды с потерей пульса), тюремное начальство распорядилось, чтобы полутруп был отправлен в психиатрическую лечебницу.

Через семь дней после этого в лечебницу с передачей для «убогого» Петрова пришла девушка, назвавшая себя Раздольской Евгенией Макаровной, была на связи с Бартольдом, «бежавшим» из ссылки; в кулке сыра была записка: «Ищу контактов с врачами, держись, вытаски!»

Прочитав эту записочку, Петров — впервые за последние месяцы — уснул и, не просыпаясь, спал двенадцать часов кряду.

Когда об этом сообщили в Петербург, в психиатрической лечебнице работал провизор, заагентуренный охранкой, освещал настроения врачей, Герасимов облегченно вздохнул: план близок к осуществлению; доктор Погорелов давно симпатизировал революционерам и вел как раз то отделение, где лежал Петров; подсказать — через третьи уста — Бартольду, что именно к этому лекарю и следует подойти, труда не составляло.

...Весь день Герасимов изучал сообщения из Парижа, готовил развернутый план для внедрения Петрова в высшие ряды партии эсеров, придумывал формы связей, которые ни в коем случае не будут раскрыты Бурцевым; настроение было приподнятое, чувствовал: грядет новая удача, коронное дело, залог будущего; поработать бы с Петровым лет десять, а там и пенсия, стриги себе купоны со счетов в банках!

Звонк Столыпина был словно гром среди ясного неба, до этого никогда сам не звонил в охрану: в случае крайней нужды с премьером связывал секретаря, да и такое было раза два, не больше.

— Александр Васильевич, — глухо кашлянув, сказал Столыпин, — я бы просил вас приехать ко мне незамедлительно.

— Что-нибудь случилось? — осведомился Герасимов, ощутив тянущую ломоту в загривке.

— Да, — ответил премьер. — Случилось.

ВОТ ПОЧЕМУ РЕВОЛЮЦИЯ НЕМИНУЕМА! (VIII)

«...Совершенно не могу уснуть, час назад убрала от нас лампу, совсем уже светло, птицы громко поют, время от времени каркает ворона. Мой товарищ по камере спит беспокойно. Мы узнали, что утверждены два смертных приговора, сегодня ночью приговоренных не увели, значит, уведут завтра. У каждого из них, вероятно, есть родители, друзья, невеста. Последние минуты... Они здоровы, полны сил и бессильны. Придут и возьмут их, свяжут и повезут на место казни. Вокруг лица врагов или трусов: прикосновение палача, последний взгляд на мир, саван, и конец... Лишь бы скорее, лишь бы меньше думать, меньше чувствовать; блеснет мысль: да здравствует революция, прощайте навеки, навсегда».

А для оставшихся завтра начнется такой же день, как и раньше. Столько уже людей прошло этот путь! И кажется, что люди уже не чувствуют, привыкли, это не производит на них никакого впечатления. Люди? Но ведь и я к ним принадлежу. Я не судья им; сужу о них по себе. Я спокоен, не поднимаю бунта, душа моя не терзается, как еще недавно. На поверхности ее тишина. Получаю известие — что-то дрогнуло... еще одна капля — и наступает спокойствие. А за пределом сознания... копится яд... Когда наступит время, он загорится мстостью и не позволит теперешним победителям-палачам испытать радость победы. А за этим мнимым равнодушием людей, быть может, скрывается страшная борьба за жизнь и героизм. Жить — разве это не значит питать несокрушимую веру в победу? Теперь уже и те, которые мечтали об убийстве как возмездии за преступление, чувствуют, что эти мечты не могут быть ответом на преступления, совершаемые постоянно, уже ничто не уничтожит в душе тяжелых следов этих преступлений. Эти мечты говорят только о непогасшей вере в победу народа, о страшном возмездии, которое готовят себе теперешние палачи. А в душах современников все усиливается боль и ужас, с которыми связано внешнее равнодушие, пока не вспыхнет бешеный пожар за тех, у кого не было сил быть равнодушным и кто лишил себя жизни, за покушение шакалов на высший инстинкт человека — инстинкт жизни, за тот ужас, который люди должны были пережить».

...Ночь. Повесили Пекарского и Рогова из Радома; воинский отряд уже пошел обратно...

То, что я писал вчера о героизме жизни, возможно, и неправда. Мы живем потому, что хотим жить, несмотря ни на что. Бессилие убивает и опопшляет души. Человек держится за жизнь, потому что он связан с нею тысячами нитей, печалей, надежд и привязанностей.

...Оказывается, Рогов, казненный две недели назад вместе с Пекарским, предан смерти без всякой вины с его стороны. Он приехал в Радом спустя несколько дней после убийства жандарма Михайлова, за участие в котором был осужден. Пекарский («Рыдз») заявил, что по этому делу уже осуждено много совершенно невиновных (Шенк и другие), что, возможно, засудят и Рогова, но что в этом убийстве виноват только он один. А Рогова приговорили. Председательствовал на суде известный мерзавец Козелкин. Скалон утвердил приговор.

...Вчера вечером повешен Вульчинский. Вместе с другими он сидел напротив нас. Молодой, красивый парень. Мы его видели в дверную щель. Он вышел спокойный...

Ночью Дзержинский проснулся от осторожного стука, — сосед называл свое имя, сообщал, что не ожи-

данно этапирован в Варшаву из Саратова по делу военной организации социал-демократов, интересовался, не сидит ли кто из офицеров.

Дзержинский ответил, что Аветисянц умер, а судьба Калинина и Петрова до конца неизвестна.

«Какого Петрова?» — простучал сосед, назвавший себя «Соломкой».

«Александра Петрова», — ответил Дзержинский.

«Он хромым?» «Разве может офицер быть хромым?» «В Саратове сидел хромым Александр Петров, эсер, боевик... Когда я о нем говорю, меня упрекают в подозрительности». «Что так?» «Этого Петрова два месяца истязали в карцере, вся тюрьма слышала вопли. Но это случилось через десять дней после того, как его посадили в карцер. До этого из карцера не доносились крики. Я спросил одного из стражников. Меня эти десять дней тишины заинтересовали. Кто сидел в карцере те десять дней?.. Он ответил, что никого. А потом этого Петрова отправили в дом умиленных и оттуда он совершил побег». «Стражнику можно верить?» «Абсолютно. Его брат с нами». «Как фамилия?» «А ваша?» «Не сердитесь, это форма проверки». «Ха-ха, это я смеюсь». «Я тоже». «Если что узнаете про офицеров, дайте знать». «Непреречно».

Назавтра информация о десяти днях Александра Петрова, что сидел в Саратове, ушла из Десятого павильона в Берлин, Розе Люксембург. Оттуда попала в Париж, Бурцеву.

Ах, тюрьма, тюрьма! Главная хранилища тайн и памяти, чего здесь не услышишь только, какие имена не мелькнут в разговоре или перестуке; на воле бы забилось, а тут не-ет! Здесь человек превращается в некий накопитель гнева, мщения и надежды, подобен электрическому раскату, прикоснись — выскочит! Если же ты враг, убьет.

«МЫ В ЗАСАДЕ, ПЕТР АРКАДЬЕВИЧ!»

В экипаже, направляясь в резиденцию премьер-министра, Герасимов снова и снова анализировал все те возможные чрезвычайные происшествия, которые могли случиться за время, пока в упоении сидел за планом предстоящей комбинации по созданию нового Азефа. Выходя из своего кабинета, Герасимов еще раз спросил адъютанта: «Вы совершенно убеждены, ничего экстраординарного не приключилось?» «Сразу же после звонка премьер-министра я обзвонил всех; в сферах спокойно, никаких передвижек, в министерство иностранных дел не поступало никаких тревожных шифрограмм из-за рубежа, на бирже тревожных симптомов не замечено...»

Значит, сказал себе Герасимов, что-то произошло с самим премьером. И, если это так, надо подготовиться к той позиции, которую предстоит занять: Столыпин чувствен, фальшь поймет сразу. Допустим, государь вознамерился уволить его в отставку; особенно я этому не удивлюсь; но Петр Аркадьевич спросит моего совета; он ведь помнит, как мы переглядывались, когда Азеф ехал в Ревель ставить акт против царской семьи, такое никогда не забывают. Азефа нет, Петров еще не начал работу, чем я могу ему помочь? А ведь помогать надо! После него в России никого не найти, вывелись мыслители политики. Наверное, надо просить, чтобы он вымолил себе — пусть унижается, это только он и царь будут знать, унижение убивает прилюдностью — хотя бы пять-шесть месяцев на исправление ошибок, я к тому времени выпусту Петрова, создам нового вождя эсеровского террора! А с другой стороны, подумал вдруг Герасимов, может, лучше, если придет кто поудрней? Это только в словословах верно, что с умным лучше потеряться; терять с кем угодно плохо, что не твое — то чужое. А если вовремя расстелиться перед новым? Показать ему документики? Заинтересовать тайнами, которые никому, кроме особого отдела секретной полиции империи, полковников Еремина с Виссарионовым, не известны?

Нет, возразил себе Герасимов; забудь думать про нового премьер-министра; поскольку на смену Столыпину придет придурок, умных в колоде императора нет, не держит (боится, что ль?), он непременно поволочет за собою верных, а те меня немедленно вышвырнут, дураки недоверчивы и хитры, только умный живет реальными представлениями, а сколько таких? Раз, два и обчелся!

Столыпин был угрюм, таким его Герасимов видел редко; мешки под глазами набрякли, будто у старика; лицо бледное, словно обсыпанное мукой, и глаза страдальческие.

Герасимов, не уследив за собою, потянулся к премьеру:

— Господи, что случилось, Петр Аркадьевич?!

Тот судорожно, как ребенок после слез, вздохнул:

— Ах, боже ты мой, боже ты мой, зачем все это?! Кому нужно?! Мне?! Вы-то хоть понимаете, что я за это кресло не держусь?! Пусть скажут прямо, чтоб уходил, — в тот же миг уйду! Уеду к себе в Сувалки, хоть отосплюсь по-человечески!

— А Россия? — глухо спросил Герасимов, понимая, что такого рода вопрос угоден премьеру.

Тот, однако, досадливо махнул рукой:

— Думаете, эта страна знает чувство благодарности? Меня забудут, как только петух соберется про-

кричать. Словом, я не хотел вас расстраивать, сражался, сколько мог, оберегая вас от интриг, но теперь, накануне решающего разговора с государем, таить нет смысла...

Про биржу вызнали, ужаснулся Герасимов; другого за мной нет! Десяток фиктивных счетов, что я подмахнул Азефу, — суцая ерунда, там и пяти тысяч не накапает, мелочь; кто-то вызнал про игру на бирже, не иначе!

— Я не чувствую за собою вины, так что расстроить меня нельзя, Петр Аркадьевич. Обидеть — да, но не расстроить...

— Будет вам, — премьер поморщился, — не играйте словами... «Расстроить», «обидеть»... Вы что, профессор филологии? Так в университете идите! И так, слушайте... Обещаний я на ветер не бросаю, поэтому после нашего с вами возвращения из Царского начал готовить почву для вашего перемещения ко мне в министерство, товарищем и шефом тайной полиции империи... Поговорил с министром двора бароном Фридриком — как-никак папеныкин друг, меня на коленах держал, ведь именно он назвал мое имя государю в девятьсот шестом, поэтому назначение так легко прошло... Он — за, про вас говорил в превосходных степенях, только отчего-то на французском... У него теперь часто происходит выпадение памяти: начинает по-немецки, потом переходит на французский, а заканчивает, — особенно если отвлекли на минуту, — про совершенно другое и непременно на английском, он ведь с государыней только по-английски, чтобы кто не упрекнул в пруссачестве...

Герасимов кусал губы, чтобы не рассмеяться: очень уж явственно он представил себе министра двора империи, — худой дед с висячими усами, который путает языки и не держит в памяти того, что говорил минутой раньше, кто ж нами правит, а?!

Столыпин взглянул на Герасимова; лицо его вдруг сделалось страдальческим, — гримаса, предшествующая смеху; расхохотались оба.

— Слава богу, что облегчились, — продолжая сотрясаться в кресле, проговорил Столыпин, — не так гнусно передавать вам то, что случилось дальше...

— А случилось то, что меня не пропустили, — усмехнулся Герасимов. — Я ж вам загодя об этом говорил... Так что огорчительного для меня в этом нет ничего. Я был готов, Петр Аркадьевич...

— Дослушайте, — прервал его Столыпин. — Я вижу, что волнуетесь, хоть держитесь хорошо, но дальше волноваться придется больше, так что дослушайте... И подумайте, кто играет против меня и вас... Да, да, именно так. Я отныне не разделяю нас, — любой удар против Герасимова на самом деле выстрел в мою спину... После беседы с Фридриком я пригласил к себе Ивана Григорьевича Щегловитова, государь к нему благоволил, вроде как воспреемник Победоносцева... Я напомнил Щегловитову, как вы его от бомбы спасли, сообщил, что Фридрикс всецело за вас... Так знаете, что он сделал, пообещав мне на словах всяческую поддержку? Тотчас бросился в Царское и все передал Дедюлину — для доклада государю...

— А чего ж вы его держите? — не удержался Герасимов; прорвало. — Почему терпите вокруг себя врагов?! Отчего не уволите их?! Ультиматум: или они, или я! За кресло ж не цепляетесь, сами сказали!

— Вы где живете? — устало вздохнул Столыпин. — В Париже? Вотум доверия намерены искать в Думе? Да что она может?! Вот и приходится таиться, ползти змеей — во имя несчастной России... Победит тот, у кого больше выдержки.

Герасимов покачал головой:

— Нет, Петр Аркадьевич. Не обольщайтесь. Победит тот, кто смелее. В России если только чего и бояться — так это грозного окрика. А вы предлагаете людям, не умеющим жить при демократии, условия, пригодные именно для Франции...

— Зря торопитесь с выводами, — возразил Столыпин. — Я был вчера у великого князя Николая Николаевича... Сказал, что победоносцевский выученик Щегловитов играет против меня, намеренно мешая укрепить штаб охраны самодержавия теми людьми, которые безусловно преданы трону... Это я о вас говорил, о вас... Великий князь поначалу отказывался входить в эту «интригу». Я устыдил его: «Интрига — другого корня, ваше высочество. Это не интрига, а заговор против августейшей семьи». И тогда он признался, что государь намерен просить меня взять себе в товарищи Курлова, сделав его же шефом корпуса жандармов...

— Что?! — Герасимов даже вжался в кресло. — Курлова?! Павла Григорьевича?! Но ведь это жулик и палач! Он к тому же в деле не сведущ! Вы же сами задвинули его в тюремное управление! Он про вас ужас какие вещи рассказывает!

— Вот поэтому его и намерены приставить ко мне в качестве согладата...

— Но вы хоть понимаете, что это конец вашему курсу?!

— Не хуже, чем вы, понимаю, Александр Васильевич... Утром мне телефонировал Фридрикс и просил прибыть во дворец... Сказал по-английски, что государь нашел мне чудного помощника, Пал Григорьевича Курлова. Я просил передать его величеству, что эту кандидатуру отвожу совершенно категорически. За

десять минут перед тем, как я связался с вами, позвонил Дедюлин и повторил высочайшее указание прибыть в Царское. Я хочу, чтобы вы поехали со мною. Я скажу государю все, что думаю о происходящем, дабы положить конец всей этой отвратительной двусмыслице...

...Встретив Столыпина с Герасимовым в Царском, Дедюлин попросил обождать: «Государь заканчивает срочную работу» (в городки играет, что ль, подумал Герасимов. Или Жуля Верна в очередной раз перечитывает?).

— А вас, Александр Васильевич, — дворцовый комендант оборотился к Герасимову, — моя супруга приглашает на чай.

Разводит, понял генерал; что-то случилось. Неужели возвращаться буду просто со Столыпиным, а не с премьером?!

...Жена Дедюлина, угостив чаем, поддалась журчанию Герасимова, размякла, начала говорить о здешних новостях и бухнула:

— А вчера, знаете ли, у нас в церкви, после молебна, ее величество так расчувствовалась, что даже руку поцеловала старцу.

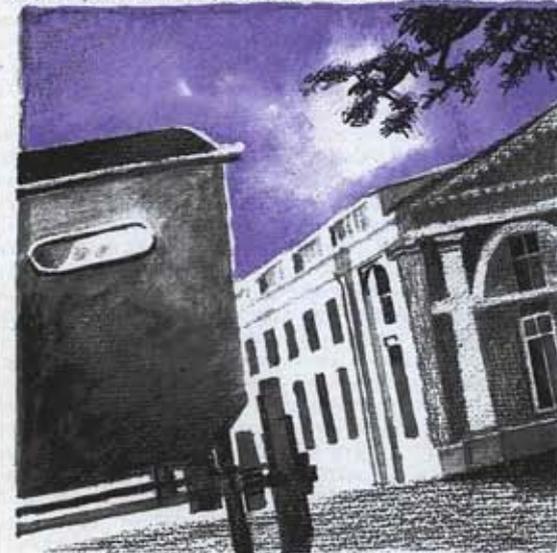
Сердце ухнуло; боже мой, да неужели Распутин?! Но ведь о его исчезновении из Сибири никто не сообщал! Заговор! Зреть заговор! Кто же вывез этого мерзавца в столицу?! Кто повелел охране в Иркутске и Тоболки молчать?! А вдруг — это кто другой, не Распутин?!

— Ее величество обладает истинно народным сердцем, — согласно кивнул Герасимов, продолжая игру. — А служил-то кто? Не Григорий же Ефимович?

— Нет, нет, конечно, не он! У него же нет сана! Но он так добр к августейшей семье, они без него жить не могут... Наследник постоянно интересуется, где «Ефимич», такой душенька, такое солнышко у нас...

— Все-таки действительно старец обладает чарами, — Герасимов подыграл еще раз и по реакции женщины понял, что попал в точку.

— Ах, милый Александр Васильевич, вы даже не представляете себе его магическую силу! Казалось бы, я простая женщина, да? Стоило мне пожаловать

ся государыне на постоянные зубные боли, как она тут же: «Миленькая, надо попросить старца, он вам не откажет». И действительно, зовут меня к Аннушке Вырубовой на чашку чая, Григорий Ефимович, как обычно, там, возложил мне на голову руку, уперся глазами мне в зрачки, приблизил свое крестьянское, до слез простое лицо вплотную ко мне и затрясся, будто с ним случился припадок лихорадки. Так было несколько минут; я ощутила расслабленность, мне было сладостно и жутко смотреть в его огненные глаза, от них шла тяжелая, пьяная сила...

Герасимов не отводил глаз от лица женщины; оно сейчас было каким-то мертвым; только потом понял, — такое бывает после того, как настал самый сладостный момент любви.

Боже ты мой, подумал Герасимов, а не берет ли он их всех тут своей мужичьей силой? Если уж государыня ему руку целует при всей царне, если Вырубова возле него, будто собачонка, приваженная куском окорока, коли и эта лицом растекается, тогда уж ничего не поделаешь, тогда Распутин всех захомят, — с бабами никто не справится, если они почувствовали сладость, это поверь них, это — навсегда... Вот откуда здесь ко мне такая неприязнь, понял он наконец, вот откуда ноги растут: Распутин знает, как я на него вел охоту, когда он дох во дворе великого князя! Господи, как же об этом Петра Аркадьевича-то упредить?! Он ведь ни об чем не догадывается! Ну и дела, ну и держава! Не зря Курлов об Распутине только в превосходных тонах выражается! Не он ли его сюда транспортировал?!

...Когда Дедюлин распахнул перед Столыпиным двери царского кабинета, тот удивленно оглянулся: никого не было, пусто; Дедюлин мистически исчез.

— Петр Аркадьевич, — услышал Столыпин жесткий голос государыни; женщина шла ему навстречу, появившись из соседней комнаты. — Как я рада, что вы

пребываете в допrome здравии... У меня к вам личная просьба. Я не могу быть спокойна са священнику по секретной полиции не станет генерал Курлов... Мне гофорили, что вы относитесь к нему скептически, но, думаю, после моей к вам просьбы вы перемените свое мнение о нем... Пудьте снисходительны ко мне, как к матери...

Столыпин, заранее приготовивший себя к тому, чтобы отказать царю, разговора с Александрой Федоровной не ждал совершенно. Если в беседе с Николаем он был намерен спросить, чем его величество перестал устраивать Герасимов, победивший бомбистов, отчего надо менять высококомпетентного специалиста на дилетанта, расстрельщика первомайской демонстрации в Минске, то с матерью, которая обращалась к нему с просьбой, Столыпин спорить не мог.

— Ваша просьба для меня свята, — ответил Столыпин, проклиная себя за врожденную уважительность к женщинам. — Мне далеко не просто ответить вам согласием, ваше величество, но, увы, разум не может не подчиниться чувству.

И в это как раз время в кабинет вошел царь. — Ах, родной, — сказала государыня, — Петр Аркадьевич только что утвердил назначение генерала Курлова своим помощником...

— Благодарю, — кивнул государь Столыпину без улыбки. — Тронут, что вы правильно поняли ее величество.

— Я, однако, хочу оставить за собою право распорядиться судьбою генерала Герасимова, — сказал Столыпин, чувствуя, что снова начинает мучнисто бледнеть; понял, какой спектакль поставила августейшая семья: сам-то стоял за дверью, подслушивал! Сказать кому — не поверят!

— Конечно, конечно, — сказала государыня. — Мы помним об нем...

— В таком случае я сейчас же подготовлю рескрипт о назначении Герасимова начальником департамента полиции. Его надо отблагодарить за ту службу в столице, которую он столь блистательно продемонстрировал в годину... беспорядков, — Столыпин хотел сказать «революции», но вовремя понял, что делать этого никак нельзя; царь рассердится, «не было революции»; сейчас надо тащить свое, любимым путем, но только б сохранить генерала во главе секретной службы, ради этого можно пойти на унижение...

Царь поднял ищущие глаза на государыню, — без нее ответить не решался, видно, этот именно вопрос здесь обсуждали не один день, готовились загодя, со всей тщательностью.

— Ах, ну зачем же его так обижать, — сказала государыня. — Он заслуживает большего, чем возглавлять департамент. Пусть уж все это курирует Курлов... Надо же, наконец, развязать вам руки в главных вопросах управления правительством под скипетром его величества... Мы знаем, как вы привязаны к Герасимову, вот и назначьте его генералом для особых поручений при премьер-министре России, очень престижно, иного выхода мы не видим... Извините, Петр Аркадьевич, я должна вас оставить, — дети... Надо проферить уроки, такие балофни, строгость и еще раз строгость, в этом будущее русской педагогической науки...

С этим Александра Федоровна и вышла.

— Ваше величество, — медленно сказал Столыпин, проводив взглядом царицу: в последнее время ее походка сделалась нервной, будто у молодой институтки, сильно похудела, но лицо из-за этого сделалось еще более красивым, каким-то дерзостным даже. — Ваше величество, — повторил он, — я не мог отказать государыне в ее просьбе. Но, я думаю, вы согласитесь со мною: проблемами секретной полиции, в компетенцию которой входит охрана августейших особ, не может заниматься дилетант. Пройдут годы, пока генерал Курлов поймет всю тонкость этого дела... Соболаговолите подписать рескрипт о назначении Герасимова начальником полиции... Все равно он будет под Курловым, полностью подотчетен...

— По-моему, ее величество высказалась обо всем достаточно определенно, Петр Аркадьевич. Извините, что я задержался и не смог вам сказать всего этого сама.

Столыпин почувствовал предобморочную усталость, оперся о стул и тихо произнес:

— Ваше величество, позвольте мне поставить перед вами еще один вопрос?

Царь рассеянно глянул на бронзовые настольные часы:

— Если этот вопрос не требует предварительной проработки, я готов ответить.

— Моя деятельность в качестве премьер-министра и управляющего министерством внутренних дел устраивает ваше величество? Я очень устал, прошедшие три года дались мне достаточно трудно, быть может, вам угодно освободить меня от отправления моих обязанностей?

Обсуждая с женою предстоящий разговор с премьером (настоял на этом Распутин: «Санька¹ не друг мне, он мне станет мешать глядеть за масеньким², он мне

¹ «Санька» — Герасимов.

² «Масенький» — наследник Алексей.

поперек пути стоит, а Паша¹ без хитрости, он предан вам до гроба, такой про себя не думает, он только об вас думает и об державе»), царь задал Александре Федоровне именно такой вопрос, какой только что поставил Столыпин.

— Нет,— ответила тогда государыня,— его сейчас нельзя увольнять. Тебя не все одопрят. Все эти мерзкие Гучковы и Милюковы во всем следуют за ним. Пусть Курлов войдет в курс дела, пусть они станут друк против друка,— это их дело. Будь арбитром. Мы над ними. Дай сосреть нарыву.

— Думаю, вы еще не все сделали для империи, Петр Аркадьевич,— ответил царь.— Если же чувствуете, что очень устали, я не буду возражать против вашего отпуска. Он вполне заслужен. А потом — с новыми силами — за дело. Благодарю вас, я не хочу более задерживать вас...

...Когда Столыпин в лицах рассказал Герасимову о том, что произошло, тот лишь вздохнул:

— Мы в засаде, Петр Аркадьевич. В форменной засаде. И флажки по лесу развесил Распутин.

Столыпин не сразу понял, о ком идет речь:

— Какой Распутин? О ком вы?

— О конокраде Гришке Распутине...

— При чем здесь он? — Столыпин недовольно поморщился. — Все обстоит совершенно иначе.

— Ничего иначе не обстоит,— сердито возразил Герасимов. — Ему государыня при людях руку целует. Здесь, в Царском. В церкви.

— Что?! — Столыпин повернулся к Герасимову, как на шарнирах.— Что?!

— То самое, Петр Аркадьевич. Пока вы с августейшей семьей бились, я у госпожи Дедулиной чай распивал. Информация из первого источника. Словом, мы опоздали: Распутин совершил дворцовый переворот.

...В охране Герасимов сразу же открыл свой особый сейф, где хранились папки с делами самых его доверенных агентов, сунул их в портфель, потом выгреб другие бумажки,— дома будет разбираться, никаких следов остаться не должно — и в тот же день встретился с двумя агентами, не внесенными ни в какие списки, сказав каждому:

— На ваше усмотрение: либо продолжаете работать с новым шефом, это генерал Курлов, шваль и проходимец, или же уходите из охраны раз и навсегда, до тех пор, пока я не приглашу. Вот ваши формуляры, при вас их сожгу в камине, чтоб никаких следов...

Оба попросили формуляры сжечь при них, отказавшись от работы с новым шефом.

Вечером Герасимов вызвал кавказца из Баку и эстонского боевика, просил встретиться не на конспиративной квартире, а в номерах «Европейской», словно чувствуя, что, как только будет подписан рескрипт о назначении Курлова и о его, Герасимова, «повышении», новый товарищ министра внутренних дел и шеф жандармов незамедлительно пожелают к нему — за архивами, формулярами и ключами.

Так и случилось: назавтра, в три часа, сразу после обеда, в кабинет без звонка, предвещающего визит, вошел Курлов и, широко распахнув объятия, пророкотал:

— Поздравляю, Александр Васильич, поздравляю, господин генерал для особых поручений при главе правительства империи! Позвольте по-старому, по-дружески, «Ксан Васильич», или теперь надо только по протоколу «ваше превосходительство»?!

Герасимов от объятий уклонился, достал из кармана ключи и сказал:

— Вот этот маленький — от сейфа. Там надлежит хранить совершенно секретные документы. Второй — от конспиративной квартиры, вам ее укажут, Павел Григорьевич.

— Лустяки какие,— ответил Курлов, стараясь скрыть растерянность, никак не ожидав, что Герасимов ударит первым.— Можно б и обождать, я в это кресло не стремился, не будь на то воля государя...

— Какие-нибудь вопросы ко мне есть? — спросил Герасимов, поднимаясь.— Всегда к вашим услугам, Павел Григорьевич. А сейчас имею честь кланяться, мигрень...

Вечером в его пустую, гулкую квартиру, где не бывал с той поры, как сбежала жена, позвонил адьютант:

— Александр Васильевич, простите, что тревожу... Я понимаю, в своей нынешней высокой должности вы более не станете заниматься агентурной работой, но дело в том, что в Петербурге объявился Александр Петров... Прямо из Саратова... Бежал... Вас ищет повсюду... Что делать?..

«УБИЙТЕ ГЕРАСИМОВА!»

Петров сейчас был совершенно иным человеком — глаза казались двумя угольками, левая рука дрожала, лицо обтянуто пергаментной кожей, на лбу и переносе заметны два хрупких белых шрамака,— в карцере били по-настоящему; о том, что проводится операция, в Саратове не знал никто; полслова кому шепни, завтра бы вся тюрьма шельмовала «хромого» провокатором, конец задумке.

— Милостивый боже,— вырвалось у Герасимова,— эх же они вас...

— Я их не виною,— ответил Петров, странно посмеиваясь, рот его чуть кривило влево, нижняя губа судорожно подрагивала,— на их месте я бы поступал так же.

— Нет,— Герасимов покачал головой,— не верю. Вы же учитель, в вас есть святое...

Петров снова посмеялся:

— Вот уж не думал, что вы станете бранить жандармов...

— Я не жандармов браню, Александр Иванович... Я возмущен теми, кто так по-зверски обращался с большим человеком... Жандарм таким быть не может, не имеет права, это садизм...

— А вы сами-то хоть раз в тюрьме бывали?

— От сумы да от тюрьмы.— Герасимов пожал плечами.— Пока бог милывал.

— Найдите время побывать. Нет ничего ужаснее русской тюрьмы, она родит ненависть — ежечасно и каждодневно. Наши тюрьмы страшнее Бастилии, Александр Васильевич...

— Жалеете о том, что приняли мое предложение?

— Ничуть. Даже еще больше убедился в правильности своего первоначального решения: если социалисты-революционеры сметут российские бастилии, то какие-то еще взамен предложат? Думаете, Савинков простит кому бы то ни было, что под петлю стоял?! Да он реки крови пустит! Реки!

Герасимов посмотрел на Петрова с искренней симпатией, вздохнул и, хрустнув пальцами, сказал:

— Александр Иванович... Мне как-то даже совестно вам признаться... Я теперь не служу в охране... Видимо, я не смогу более помогать вам...

— То есть? Как это прикажете понимать? — словно бы наткнувшись на невидимую преграду, вздрогнул Петров.— Извольте объясниться, милостивый государь! Я ни с кем другим отношений поддерживать не намерен!

Герасимов понял: партию свою он ведет верно; Петров тянется к нему; русский человек,— надо бить на жалость и благородство.

— Александр Иванович, милый мой, сильный и добрый человек, не только вы, но я тоже жертва обстоятельств... Думаете, у меня мало врагов? Думаете, меня не ели поедом за то, что «либерал и слишком добр к революционерам»? А я просто справедливый человек... Кто таких любит? Теперь шефом жандармов России стал генерал Курлов...

— Это который в Минске по народу стрелял?

— Не требуйте ответа, Александр Иванович... Не ставьте меня в трудное положение...

— Погодите, погодите,— не унимался между тем Петров,— но ведь этого самого Курлова, я слышал, хотели под суд отдать, после спрятали где-то в полиции, на третьеразрядной должности, а потом сделали начальником тюремного управления, моим палачом! Это тот?! Нет, вы мне ответьте, вы ответьте мне, Александр Васильевич! Лучше, если мы все с вами добром обговорим, чем ежели я сам стану принимать решения, у меня теперь часто сплин случается, куда поведет — не знаю, не надо меня бросать одного.

— Да, Александр Иванович, это тот самый Курлов. Мне стыдно говорить об этом, но врать не смею...

— А вас куда? И вовсе отправили на пенсию?

— Хуже.— Герасимов грустно усмехнулся.— Меня повысили, Александр Иванович...

— И кто же вы теперь?

— Генерал для особых поручений при Столыпине.

— Ничего не понимаю! — Петров нервически рассмехался.— Так это же хорошо! При Столыпине, как его непосредственный помощник, вы куда как больше можете сделать!

— Это вам кажется, Александр Иванович.— возразил Герасимов, кожей почувствовав, что пора начинать работу.— Это кажется любому нормальному человеку, далекому от тайн нашей бюрократии. Отныне я лишен права встречаться с моими друзьями... Вроде вас... С патриотами нашей национальной, государственной идее... С вами теперь должен встречаться тот, кого назначит Курлов. Сам он такого рода встречами брезгует, видите ли...

— То есть как это?!

— А очень просто! Всякий, кто когда-то был с бомбистами, а потом, поняв гибельность крови для родины, решил стать на путь эволюционной борьбы за обновление,— для него палач и христородавец... Вот так-то... Лучше уезжайте за границу, Александр Иванович... У меня остались подотчетных две тысячи, возьмите их, приведите себя в порядок, вы издергались совсем, и устраивайте-ка свою жизнь подальше от наших держиморд...

— Сдаться?! — Петров снова наткнулся на что-то невидимое.— После всего того, что пришлось пережить? Да вы что?! Как можете говорить такое?!

— А что же, врать вам прикажете?! — Герасимов вел свою партию точно, ощущая, как каждое слово, любая интонация ложатся в душу Петрова.— Я вас пригласил к сотрудничеству, я обрек вас на муки, я не смею рисковать вами — и так слишком горька ваша чаша!

— Нет, нет, нет! — Петров затряс головой, губы

снова поползли влево, уродуя красивое, одухотворенное лицо.— Это все ерунда собачья! Бред и вздор! Я сам пришел к вам. Я знал, на что иду! Я пришел, чтобы бороться с жестокостью и развратом. Но я не различаю Курлова и Савинкова, они мазаны одним миром!

Вот оно, подумал Герасимов, ощутив огромную усталость; руки и ноги сделались мягкими, словно при сердечном приступе; вот она, победа, венец задумки, то, что и требовалось доказать.

...Уговорились, что Петров с Бартольдотом отправятся в Париж через два дня; переход границы Герасимов страхует своими прежними связями,— в этом смысле страшиться нечего; «но опасайтесь Бурцева, прежде всего этого человека опасайтесь, Александр Иванович. Он берет под рентген-лучи каждого, кто бежит из каторжных централов. Говорят, он даже Савинкова допрашивал о его спасении из севастопольской тюрьмы, что случилось за пять часов перед повешением,— слишком уж неправдоподобно. Продумайте линию защиты. У вас есть алиби — Бартольд. Он устроил вам побег, это хорошо, но недостаточно. Бурцев умеет копать, как никто в Европе. Я сделаю так, что на связь к вам придет мой офицер, назовется Дибичем. Он из тех, кого бомбисты не знают, Дибич будет субсидировать вас необходимыми средствами и поддерживать связь со мною. В случае, если он не понравится вам — я допускаю и такое,— запомните адрес, по которому можно писать мне: Итальянская, три, присяжному поверенному Рохлякову. Адрес этот знаете только вы. И я. И больше никто, ни одна живая душа; берегите его как зеницу ока — последняя надежда, крайний случай. И все это время — месяца три я буду на лечении — обратите на то, чтобы подойти к руководству партии. Теперь последнее, самое, пожалуй, неприятное: если жизнь сведет с Савинковым,— хотя, говорят, он совершенно отошел от террора,— протяните ему руку первым. Да, да, Александр Иванович, молю вас об этом. Вы не представляете себе, как Савинков падох на театральность. Он с объятиями к вам бросится. Не отвергайте, не уклоняйтесь,— время обниматься... Сделайте так, чтобы он сделался вашим импресарио... Он опозорил себя карточной игрой, связями с падшими женщинами, но он единственный в партии подвижник террора, живая история борьбы с самодержавием...

На этом расстались, обговорив пароль и место встреч для «Дибича», которого Герасимов отправит в Париж следом за Петровым.

Сергей Евлампиевич Виссарионов, исполняющий обязанности вице-директора департамента полиции, сошелся с Герасимовым в конце девяносто седьмого года, когда стал чиновником для особых поручений при Петре Аркадьевиче; до этого он — выпускник Московского университета — служил по ведомству и прокуратуре; в свои сорок два года имел полную грудь звезд и крестов, ибо никогда не высовывался, но при этом в любое время дня и ночи был готов дать необходимую справку; памятью обладал недюжинной; страсть к изучению права подвигла его на удержание в голове практически всех параграфов многолетних законов империи; поэтому-то фамилия его всегда, хоть порою и в последний момент, оказывалась вписанной в награжденные листы.

Выслушав аккуратную, точно дозированную информацию Герасимова, запомнив и оценив слова генерала, что «ситуация известна Петру Аркадьевичу», Виссарионов, подвигавши без надобности перья и бумаги на маленьком, несколько даже будучи арном столе, ответил в обычной своей доброжелательной манере:

— Александр Васильевич, назовите имя офицера, завтра же вышлем в Париж! Ваша просьба носит для меня совершенно особый характер...

— Нет, Сергей Евлампиевич, господь с вами, я не смею никого называть! Кроме как псевдонима «Дибич», я ничего называть не смею! Кому, как не вам, знать своих сотрудников?! И потом, вы говорите — просьба... Не просьба это, а наше общее дело... Петров может превратиться в такого сотрудника, который станет нам передавать из Парижа уникальные сведения, вы же знаете, как падки эсеры на романтические фокусы, а он, Петров этот, романтический герой чистой воды... Правда, я не очень уверен в его психической полноценности, вероятно, он несколько свернул с ума в карцерах, но ведь мы имеем возможность перепроверять его, а то и вовсе отказаться от услуг, если поймем, что он нам гонит липу или, того хуже, работает под диктовку господ бомбистов...

— Как вы относитесь к подполковнику Долгову? — спросил Виссарионов после краткого, но видимого раздумья.

— Долгов? Не помню.

— Да ну?! Вячеслав Михайлович, из томского жандармского управления... Он уж три месяца как к нам переведен, вы с ним встречались...

— Высокий брюнет?

— Именно! А говорите, «не помню»...

...Долгов оказался высоким, черноволосям человеком с непропорционально длинными руками, быстрыми, бегающими карими глазами и резким, командным голосом (когда-то служил в пехоте, гонял роту, види-

¹ «Паша» — П. Курлов.

мо, с тех пор нарабатал эту привычку,— пока-то до мучки еще докричаться).

— Слушаю, Сергей Евлампиевич,— сказал он, замерев на пороге; на Герасимова даже не глянул.— Пригласили?

Испытывая понятное неудобство, Виссарионов поглядел на Герасимова, спросив:

— Помните его, Александр Васильевич?

— Ну как же,— ответил Герасимов, ощутив холодную ярость.— Прекрасно помню милейшего Вячеслава Михайловича!

И, поднявшись, пошел навстречу Долгову с протянутой рукой.

Испытывая чувство мстительной радости, он увидел, как растерялся Долгов, метнувшись взглядом к Виссарионову, спиной ощутил, как тот разрешающе кивнул, и только после этого робко шагнул навстречу генералу для особых поручений, словно бы отталкиваясь от него своей длиннющей тонкой кистью.

— Так вот, милейший Вячеслав Михайлович, речь пойдет об известном вам сотруднике Александре Петрове, отправленном в Париж для освещения деятельности эсероветского ЦК... Хочу вкратце описать вам этого человека, дать к нему пароль и явки для встреч, чтобы развешивать работу... Вы, кстати, в Париже бывали?

...Петров приходил на условленное место уже семь раз кряду, но никто к нему не подсаживался, не спрашивал, «откуда у господина русские газеты из Москвы», и не интересовался, «где можно снять недорогую, но достаточно удобную квартиру неподалеку от Сорбонны»,— вполне надежный пароль, никаких подозрений, за границей эмигрант к эмигранту мотыльком летит, два дня помилуются, а потом айда козни друг дружке строить и доносы в комиссарию писать...

Деньги, что Герасимов дал при расставании, не кончились еще, но, во-первых, хозяин квартиры попросил уплатить за три месяца вперед, а это немалая сумма, во-вторых, Бартольд уехал в Лондон,— по просьбе члена ЦК Аргунова, какое-то срочное дело, так что за питание и проезд тоже приходилось платить самому, и, в-третьих, когда был у Чернова, тот пустил сборный лист,— пожертвования для каторжан и ссыльных поселенцев в Восточной Сибири; Петров сразу же отдал две сотни, Чернов с Зензиновым переглянулись,— откуда у «хромого» такие капиталы; прямого вопроса не задали, но Бурцеву об этом сообщили в тот же день.

Постоянно испытывая ощущение потерянности в чужом городе, Петров волновался не потому, что денег оставалось всего на месяц, от силы полтора, умел жить на копейку,— батон и вода; в революцию не за благами пошел, а по чистым идейным соображениям. Волновался он оттого, что чувствовал, что ступает не так, говорит не то и поэтому смотрится абсолютно иным человеком, совершенно не тем, кем был на самом деле.

Впервые он ощутил потеряность, когда долго рассказывал члену ЦК Зензинову о том, как его мучили в карцерах, прежде чем перевели в лечебницу, как истязали охранники, как сошелся с врачом: «Я сразу почувствовал в нем нашего друга; у него было открытое лицо и ясные глаза, улыбка ребенка, доверчивая и добрая».

— У Татарова была такая же,— заметил Зензинов.

— Татаров отдавал наших товарищей охранке, а этот устроил мне побег.

— Именно он?

— Конечно! А кто же еще?

— А мы думали, Бартольд. Он нам прислал три письма, спрашивая советов, как надежнее подстраховать ваше избавление,— сказал Зензинов.

Именно тогда Петров впервые почувствовал, что он ведет себя неверно; пусть Чернов живет в царских хоромах, пусть они своим женам платят из партийной кассы и ужинают в ресторанах, все равно, по раз и навсегда заведенным законам партийного этикета, со времен еще Гершуни, сначала было принято говорить о товарище и лишь потом о себе.

Вернувшись домой расстроенным, с ощущением какого-то истерического надрыда, Петров написал письмо Герасимову: «До сих пор того человека, о котором вы говорили, здесь нет. Поэтому положение мое остается прежним. Приглашают, расспрашивают, восторгаются, присматриваются, намекают, но о серьезной работе пока речи не заходило. Следуя вашему совету, я не навязываюсь, а они не предлагают. Как быть? Я теряюсь в догадках. Один раз показалось, что Зензинов посмотрел на меня с некоторым подозрением, но во время следующей встречи разговор получился хороший, даже душевный. Он интересовался, как я вижу будущее. Я ответил, что намерен отдать жизнь террору, особенно сейчас, когда в империи ощущается общая апатия, страх, усталость. Так было в конце прошлого века, когда страну растолкали такие герои, как Халтурин, Перовская, Александр Ульянов, Засулич, Фигнер, так было и в начале революции, когда Карпович пошел на свой подвиг, жертвенно отдала себя нашему делу Сара Лурье, сложил голову Иван Каляев. На это Зензинов ответил, что идея хорошая, но единичный террор изжил себя. Надо бить крупно, массово. Только это побудит русский

народ выйти из очередной спячки. Я сказал что идея с актами в Поволжье оказалась химерической, потому что народ там забит и темен. Очаги свободомыслия остались только в северной столице и Москве, хотя в первопрестольной слишком сильно охотничья прослойка. Мы уговорились, что я внесу свой проект, а он отправит его на обсуждение «по кругу». До сих пор обсуждают. Я пришел к выводу, что без помощи вашего приятеля дальнейшую работу мне вести крайне трудно. Теряем время, что преступно. Пожалуйста, ускорьте отправку «Дибича». До скорого. Саня».

...Петров допил кофе, положил на мраморный столик десять сантимов, решив уходить,— минуло уже более получаса после условленного часа встречи, ждать далее бессмысленно; ощутил на плече чью-то руку, ликующую обернувшись, и сразу же сник, уткнувшись в зеленые, немигающие глаза Савинкова.

— Александр Иванович, я поначалу должен принести вам свои извинения... Если вы примете их, я бы с радостью сел подле вас.

Петров хотел подняться, но Савинков легко нажал своей тонкой ладошкой на его костистое плечо с чуть выпирающей ключицей, словно бы пригвозждая к легкому стулу; взгляда своего не отрывал, словно прилип глазами.

— Садитесь, Борис Викторович,— откашлявшись, сказал Петров.— Кто старое помянет, тому глаз вон.

— Вы действительно не сердитесь на меня более?

— Нет.

— Это правда?

— Правда.

Савинков устало опустил на стул рядом с Петровым, поднял хлысткую руку над головой, официант подлетел немедленно (а я ждал минуты три, отметил Петров, эх они бар чувствуют), принял заказ на кофе и «пастисс», поинтересовался, не останутся ли господа обедать, он бы тогда заранее выбрал вырезку, только что привезли из Чрева Парижа, тельенка забил ранним утром, мясо еще теплое.

Савинков вопрошающе посмотрел на Петрова.

— Я ж не понимаю по-французски,— сказал тот извиняющимся голосом.— «Мсье», «мадам», «мерси»...

— Нам предлагают здесь пообедать,— объяснил Савинков.— Сейчас одиннадцать, час посидим за кофе, а там можно и полакомиться, сулят приготовить хорошее мясо. Согласимся?

— Я буду вас угощать,— сказал Петров, не уследив за лицом,— искорежило гримасой неприязни, губы потянуло влево.— Только в этом случае я соглашусь.

— Думаете, буду возражать?— спросил Савинков без усмешки, столь для него обычной.— Я сейчас без денег, так что благодарен вам весьма,— кивнул официанту, мол, спасибо, обедаем у вас, достал портсигар, бросил тоненькую папироску в угол рубленного рта и заметил:— Лишь в одном городе можно быть счастливым, даже если голоден,— в Париже... В Париже все можно,— Савинков, наконец, улыбнулся.— Именно поэтому он и стоит бедни. Это город постоянно пьяного счастья. Великий Бодлер, герой революции, бунтарь и ранимый юноша, а потому отец всемирного символизма, именно здесь после разгрома народного восстания заставил себя написать великие строки: «Нужно день и ночь быть опьяненным, это — важнее всего, первый вопрос нашей жизни. Чтобы не испытывать безжалостного гнета времени, которое давит вам плечи и клонит к земле, нужно быть постоянно опьяненным... Но чем же? Вином, поэзией или красотой добра? Все равно, чем захотите, но только опьянитесь, иначе вы сделаетесь рабами и жертвами времени...»

— Кто-то говорил, что вы заканчиваете роман, Павел Иванович?

— А кто это вам мог говорить?— лениво поинтересовался Савинков.

Петров с ужасом вспомнил: Герасимов! Свят, свят, неужели вот так, на доверчивой мелочи, проваливаются?

— ...Я... Я давеча был в обществе... Кто-то из наших рассказывал, что вы дни и ночи работаете...

— Так это я динамит упаковываю,— Савинков снова позволил себе улыбнуться, не разжимая рубленного рта с бледными, чуть не белыми губами, не лицо, а маска смерти.— Пока чехомдан сложись, пока замаскируешь все толком, вот тебе и ночь... Ну,— он поднял свой «пастисс», добавив каплю воды,— начнем опьяняться?

— Я не пью.

— Вообще?

— Никогда не пил, Павел Иванович. Я ведь из поповичей, отец нас держал в строгости.

— Не смею неволить. Я и ваш стаканец в таком случае выпью, обожаю это вонючее зелье.

Савинков выцедил свой «пастисс» медленно, сквозь крепкие, с желтизной, зубы; ноздри трепетнули; поставил тяжелый стакан на серый мрамор стола и сразу же закурил новую папироску.

Услышав удивленный возглас за спиной,— «боже милостивый, Пал Иванович!»— неспешно оглянулся, и, быстро поднявшись, протянул руку неряшливо одетому господину:

— Рад видеть, Владимир Львович. Знакомьтесь с нашим товарищем.

Петров снова хотел подняться, и вновь Савинков положил ему руку на ключицу, упершись в нее большим пальцем,— нажмет посылней и хрустнет; каждый жест со значением, не то, что слово...

— Петров.

— Очень приятно. А я Бурцев.

Вот оно, сразу же понял Петров; началось; неспроста они тут оба; сейчас почнут терзать.

— Владимир Львович положил жизнь на то, чтобы разоблачать провокаторов. Как в нашей среде, так и у социал-демократов.

— Я всегда восторгался деятельностью товарища Бурцева,— ответил Петров.

— Вы не назвали своего имени и отчества,— заметил Бурцев.— Если вы тот Петров, что бежал из Саратова, то должны быть Александром Ивановичем. Здесь проживаете под псевдонимом?

— Для вас я Александр Иванович,— ответил Петров и ощутил острое желание выпить этого самого «пастисса», что так сладостно тянул сквозь зубы барин.

— У меня к вам вопрос, Александр Иванович,— сказал Бурцев и сунул в рот вонючую сигаретку.— Вас кто вербовал? Семигановский? Или отправляли в столицу?

— Что?!— Петров резко поднялся, чуть не упав, оттого что деревяшка скользнула по полу.— Что?!

— Сядьте, Саша,— сказал Савинков лениво.— Мы в кафе провокаторов не убиваем. Полиция за это выдаст нас охранке. Обидно. Мы вообще раскаявшихся провокаторов не казим. Мы даем шанс искупить вину — вольную или невольную... Сядьте... Если Бурцев задал вам неправомочный вопрос, оскорбивший ваше достоинство, вы имеете право вызвать его на третейский суд. Так уже было, когда партия защищала от его обвинений Азефа. А вот отказ от беседы с Владимиром Львовичем может быть квалифицирован однозначно: все решат, что вы не в силах опровергнуть его обвинения.

Петров сел; приблизившись к Бурцеву, тихо сказал:

— Я отвечу на все ваши вопросы, господин Бурцев. И на ваши,— обернулся к Савинкову.— Я готов отвечать, господа революционные бары, живущие в фиолетовом Париже.

— Я удовлетворен,— Савинков кивнул, глянув на Бурцева.— Саша принял ваш вызов, Владимир Львович. Начинайте.

— Меня единственно вот что интересует, Александр Иванович,— мягко, с какой-то тоскливой проникновенностью начал Бурцев.— Вы какого числа в карцер попали?

— А я там постоянно сидел! Вы лучше спросите, когда меня перевели в камеры. На этот вопрос ответить сподручней.

— Мне известны все даты, Александр Иванович,— заметил Бурцев,— я опросил всех, кого смог, из числа товарищей, сидевших в Саратове в одно с вами время. Я не люблю казуистики, предпочитаю называть вещи своими именами, особенно когда беседую с теми, кого ранее считал единомышленниками...

— А как вы беседовали с Лопухиным? Он что, тоже ранее был единомышленником?— Петров, чувствуя, как ухаёт сердце, решил пойти в атаку.— Каким образом он открыл вам все об Азефе? По идейным соображениям?

— Нет, Александр Иванович. По идейным соображениям он бы мне ничего не стал открывать. Мне придется сказать вам правду. С волками жить — по-волчьи выть... Моим помощником пришлось похитить дочь Лопухина... Да, да, как ни прискорбно и безразлично, но мы выкрали ее в Лондоне. У гувернантки. В театре. А Лопухин был в Париже. И его предупредили, что ребенок будет возвращен только в том случае, если он купит билет до Берлина, сядет в купе и побеседует с человеком, который подойдет к нему в Кельне. Этим человеком был я. Мы доехали до Берлина. Там, в отеле «Кемпински», Лопухина ждала телеграмма от дочери... Вернее, от ее гувернантки... Ребенок

был дома... Из трех присутствующих за этим столом об этом знал один я. Если эти сведения проникнут в Россию, вы собственноручно подпишете свой приговор... И так, вернемся к вашей одиссее... Когда вы начали играть сумасшествие?

— Вы же спрашивали моих сокамерников? Должны знать. Я числа не помню... Мне тогда не до хронологии было...

— Понимаю, понимаю.— легко согласился Бурцев.— я вас понимаю...

— Не понимаете,— возразил Савинков.— Не понимаете, Владимир Львович. Вас сажали по обвинению в хранении литературы, и это грозило ссылкой. Под виселицей вы не стояли. А мы,— он кивнул на Петрова,— испытали, что это такое, на собственной шкуре... Поэтому Саша так нервен... Я понимаю его, и я на его стороне... Однако,— он чуть обернулся к Петрову,— Владимир Львович и меня подверг допросу по поводу побега из севастопольской тюрьмы, из камеры смертников... Я не обижался на него... Я представил себе, что кому-то был угоден мой побег, и честные люди рисковали жизнью, спасая меня, но делалось все это в интересах охраны...

Почувствовав расслабляющее успокоение в словах Савинкова, увидев в его глазах мягкое сострадание, Петров ответил:

— По-моему, я начал играть манию величия в середине месяца, что-то числа десятого.

Бурцев удовлетворенно кивнул:

— Верно. Сходится. Но почему истязать вас начали только с двадцать первого?

— Тюремщиков спросите.— Петров зло усмехнулся.— Они вам ответят.

— Спросил. Точнее, спросили, поскольку мне в Россию въезд заказан. Так вот, господа тюремщики утверждают, что в карцерах саратовской тюрьмы с десятого по двадцатое никого не было.

— И вы верите им, но не верите мне? — спросил Петров, бледная еще больше.— Вы верите сатрапам, палачам и не верите революционеру?

— В раздражении Саша есть резон, товарищ Бурцев,— заметил Савинков.— Когда охота за провокаторами становится самоцелью, это начинает отдавать рекламой.

— Хорошо, я поставлю вопрос иначе,— по-прежнему легко согласился Бурцев.— Вы сразу начали игру в сумасшествие?

— То есть? — не понял Петров, но скрытый подвох почувствовал сразу.

— Меня интересует,— уточнил Бурцев,— когда вы приняли решение играть сумасшествие. Сразу после ареста?

— Да.

— По каким книгам готовились?

— Когда я преподавал в школе, в церковноприходской школе,— зачем-то уточнил Петров,— все свое жалование я тратил на цветные карандаши для детейшек, покупал в Казани, в лавке Пирятинского, и на книги. Среди тех потрёпанных томов, что я приобрел у букинистов, мне попался Ламброзо, «Гениальность и помешательство»... Его-то я и вспомнил после первых двух допросов, когда понял, что Семигановский — вы правильно назвали начальника саратовской охраны — все знает о нашей группе, полный провал, никто не уцелел, рассказали по камерам всех до одного во главе с Осипом...

— Минором? — уточнил Бурцев.

— Именно.

— Какую вы играли манию?

— Я требовал, чтобы ко мне пустили жену, Марию Стюарт.

— Погодите, а разве у Ламброзо есть подобный аналог? — Теперь Бурцев посмотрел на Савинкова, словно бы ища у него поддержки.

Тот пожал острыми плечами:

— Владимир Львович, мне сумасшествие играть не надо, я от природы несколько умалишенный, это от папы-прокурора, он был кровожаден, ненавидел революцию и очень ее боялся... Но отчего же вы лишаете Сашу права на фантазию? Первооснова была? Была. Ламброзо. А дальше — бог в помощь.

Бурцев перевел медленный, колющий взгляд на Петрова:

— Вы потребовали себе Марию Стюарт в камере? Или уже в карцере?

— В карцере.

— А за что вас туда водворили?

— За просьбу дать те книги, которые просил.

— Что же вы просили?

— Тэна. «Историю революционных движений», — ответил Петров и понял, что гибнет: эта книга была запрещена тюремной цензурой.

— Вы же не первый раз в тюрьме,— Бурцев покачал головой,— неужели не знали, что Ипполита Тэна вам не дадут ни в коем случае? Или хотели попасть в карцер?

— Может быть, там было удобнее начать игру? — помог Савинков.

— Конечно,— ответил Петров с облегчением.— В карцере, где нет света и койки, такое значительно более правдоподобно.

— Я так и думал,— кивнул Савинков.— Я бы на месте Саши поступил точно таким же образом.

— Хорошо, а когда вы потребовали Марию Стюарт? — гнул свое Бурцев.— Сразу же? Или по прошествии времени?

— Конечно, не сразу. Сначала я на карачках ползал, песенки пел, а уж потом стал плакать и звать Машу.

— Как реагировала стража?

— Обычно. Смехались надо мной... Носком сапога пнул, скажут, мол, вставай, и все...

— Врача не приводили?

— Нет.

— Вы десять дней ползали на карачках, пели и звали Машу Стюарт, но врача к вам не приводили?

— Нет.

— При всей темноте стражников, при всей их жестокости они обязаны были докладывать начальству о поведении человека, заключенного в карцер... А в тюремной книге нет никаких записей... Первая появилась лишь двадцать третьего, Александр Иванович...

— Знаете что,— Петров прикрыл глаза, чтобы не сорваться,— можете обвинять меня в провокации, черт с вами. Печатайте в ваших журналах. Только добавьте: «Я обвиняю «хромого» на основании материалов, полученных мною от саратовских тюремщиков. Других улик у меня нет». Валайте.

— Владимир Львович,— вступился Савинков,— я не вижу никаких оснований обвинять Сашу в провокаторстве на основании ваших сведений... Они совершенно недокладательны. Это тень на ясный день. К тому же ни один из наших не был провален, а смысл и цель провокации состоит в том, чтобы сажать и убивать революционеров...

Бурцев прикрыл рот ладошкой, кашлянул:

— Что ж, отложим это дело. Но смотрите, Павел Иванович, как бы партия не пригрела у себя на груди второго Азефа. Данные, которыми я располагаю, пришли от революционеров, от чистейших людей...

— От кого? — спросил Савинков резко.— Псевдоним?

Бурцев поднялся, молча кивнул и, повернувшись, словно солдат на плацу, пошел на бульвар,— пальтишко старенькое, локти протертые, косопалит, и каблуки стоптаны, словно клошар какой, право.

Петров нервно, но с огромным облегчением рассмеялся:

— Страшно...

— Сейчас-то чего бояться? Сейчас нечего... Знаете, кстати, отчего я был так груб при вас с Зоей, в которую вы были влюблены?

— Кто старое помянет, тому глаз вон, Бо... Павел Иванович!

— Нет, я все же вам скажу... Она ко мне домой пришла... Ночью... После того, как вы ее домой проводили, на третий этаж доковыляла, чтоб кто, спаси бог, не обидел любимую... А она — ко мне в кровать. А я предателей не терплю, Саша,— в любви ли, в терроре — все одно... Поэтому я и был с ней так резок при вас. Думал, поймете, сделаете выводы... А вы оскорбились, зло на меня затаили... Ладно, теперь о деле... Партия благодарит вас за то, что вы внесли предложение продолжить работу в терроре. Но после Азефа мы вынуждены проверять каждого, кто вносит такое предложение...

— Поэтому здесь и появился Бурцев? — понимающе спросил Петров, испытывая какое-то радостное чувство близости к тому, кого он недавно еще считал своим заклятым врагом.

Савинков покачал головой:

— Лишь отчасти.

— То есть?

— У него своя информация, у нас своя.— Савинков полез в карман пиджака за конвертом, медленно достал оттуда фотографический оттиск и протянул Петрову.— Поглядите, Саша. Это здесь легко делается, надо только знать, где интересующий нас человек живет и кто из почтальонов обслуживает его участок. Почтальоны — бедные люди, они легко дадут ознакомиться с письмом, тем более отправленным не во Францию, а в Россию, мифическому присяжному поверенному Рохлякову. Поглядите, милый, поглядите.

Петров уже видел: это была копия его письма Герасимову.

Савинков между тем неторопливо продолжал:

— Мы знаем, кто получает корреспонденцию по этому адресу, Саша. У нас ведь всюду есть свои люди. Теперь все зависит от вас: либо я передаю это письмо вместе с вашим же обращением в ЦК о терроре Владимиру Львовичу для идентификации почерка и опубликования в мировой печати сообщения о вас, втором Азефе, либо вы рассказываете мне правду.

Петров открыл рот, но голоса не было; он прокашлялся, спросил совершенно чужим, незнакомым ему фальцетом:

— Шанс на спасение есть?

— Конечно.

— Что я должен сделать?

— Как что? — Савинков искренне удивился.— Вернуться в Петербург и убить Герасимова.

После исчезновения Азефа ЦК эсеров принял решение уничтожить Герасимова, ибо тот знал от Азефа про партию то, что было неизвестно никому более; Петров упал, как с неба; пора невезения кончилась, прощай, Александр Васильевич!

ВОТ ПОЧЕМУ РЕВОЛЮЦИЯ НЕМИНУЕМА! (IX)

«...Три месяца тому назад Судебной палатой мне вынесен приговор в окончательной форме... Приговор отправлен царю на утверждение и только на днях прислан обратно из Петербурга. Возможно, меня вышлют только через месяц. Во всяком случае, я скоро распрошусь с десятком павильоном. Шестнадцатый месяцев я провел здесь, теперь мне кажется страшным, что я должен уехать отсюда, или, вернее, что меня увезут отсюда — из этого ужасного и печального дома. Сибирь, куда меня сошлют, представляется мне страной свободы, сказочным сном желанной мечты.

Наряду с этим во мне рождается тревога. Я уйду, а эта ужасная жизнь здесь будет продолжаться по-прежнему. Странно это и непонятно. Не ужасы этого мрачного дома приковывают к нему, а чувство по отношению к товарищам, друзьям, незнакомым соседям — чужим и все же близким. Здесь мы почувствовали и осознали, как необходим человек человеку, чем является человек для человека. Здесь мы научились любить не только женщину и не стыдиться своих чувств и своего желания дать людям счастье. И я думаю, что если есть так много предателей, то не потому ли, что у них не было друзей, что они были одиноки, что у них не было никого, кто прижал бы их к себе и приласкал? Думается, что отношения между людьми сложны, что чувство вопреки тому, что оно является врожденной потребностью человека, стало привилегией только избранных. И если мы здесь токуем по цветам, то здесь же мы научились любить людей, как любим цветы. Мы любим место нашей казни, ибо здесь мы уяснили себе, что борьба, которая нас сюда привела, является также борьбой и за наше личное счастье, за освобождение от навязанного нам насилия, от тяготеющих над нами цепей!»

...Когда Дзержинского наконец расковали, в Сибири уже, он две недели лежал, не в силах встать на ноги; кисти рук и лодыжки, стертые в кровь, массировал старый поселенец Мацей, варшавянин.

Когда поднялся, Игорь Каргин, меньшевик, сосланный сюда, в Бельское (триста верст за Красноярском), еще в пятом, сказал, что на опушке возле кладбища захоронен Петрашевский; могила заросла бурьяном, вот-вот исчезнет с лица земли; какая уж тут память о героях?!

Дзержинский с товарищами работал четыре дня, могилу восстановил, предложил водрузить на ней столб — копию с того, к которому был привязан Петрашевский на Семеновском плацу.

В тот же день урядник отправил доклад в Красноярск, требуя убрать поляка, деятельность которого, не успев еще поселиться толком, «есть проявление дерзости, смутливости и подстрекательства темных мужиков к неповиновению властям, что выразилось в уходе за могилой государственного преступника и мазона, некоего Петрашевского».

За это Дзержинский был переведен еще дальше в тайгу, на север.

Оттуда и бежал.

ЗАГОВОР

Вернувшись из Пятигорска (нет курорта более прекрасного!), Герасимов ощутил давно забытое чувство счастья, будто что отвалилось в душе, словно какая-то тяжесть исчезла,— ходилось легко, думалось весело, даже отчаянно; казалось, что не сорок девять сравнялось, а только-только стукнуло двадцать.

В день приезда, заехав на квартиру, позвонил Пашеньке Эдмэн из кордебалета, пригласил поужинать в загородном «Ливерпуле», прекрасная кухня, хорошие вина, знакомые рож нет, все больше иностранные торговцы и сибирские промышленники, вернулись домой в третьем часу, нежно ласкали друг друга, Пашенька клялась, что никого еще так не чувствовала; утром пила кофе, потом Пашенька прикоснулась к его лбу своими нежными губами и, сказав, что будет ждать звонка, побежала на репетицию.

Лишь после этого Герасимов отозвонил к себе, в канцелярию Столыпина, а уж потом, скорее руководствуясь привычкой, чем надобностью, соединился с департаментом; Виссарионов сердечно его поприветствовал, осведомился, как прошел отпуск, на вопрос о новостях ответил, что в империи наступила пора благодати, и выразил убеждение, что в самое ближайшее время «милый Александр Васильевич найдет время, чтобы вместе попить чайку».

Затем Герасимов отправился на встречу со своим маклером, обменялись новостями, и только поздно вечером ему удалось заглянуть на личную конспиративку, где жил мифический «присяжный поверенный».

Прочитав письма Петрова, он поразился их тону и отправился на квартиру к подполковнику санкт-петербургской охраны Доброскоку.

Раздевшись в тесной прихожей доброскоковской

квартиры, Герасимов в зал не вошел (там музицировали жена и дочь) и просквозил в узенький, словно пенал, кабинетик.

— Что слышно о хромом? — сразу же спросил Герасимов, снимая дымчатые очки: по дороге к Доброскоку трижды проверился, два раза поменял извозчика, теперь надо быть аккуратным, один неверный шаг — и погибел.

— Вернулся, — ответил Доброскок. — Я встречался с ним. Он в ужасном состоянии. Что случилось, не открывает... Ждет встречи с вами.

— Ваши предположения?

— Боюсь, не попал ли он в бурцевский переплет.

— Почему Виссарионов не отправил к нему на связь Долгова?

— Что, не понятно?

— Против меня затеяли игру?

— Именно так.

— Где вы с ним увидались?

— Слух прошел, что он здесь... Ш-ш-ш, полная секретность, но от меня разве утаишь... Словом, я нашел его в «Метрополе», перехватил утром в толпе, утащил от филеров в подворотню, там у меня проходной ход отработан... А за ним, помимо наших, эсеровский Бартольд смотрит... Исхудал хромой еще больше, нервен, как дама в известные дни, пришлось даже прикрикнуть на него, не помогло. «Выдвигаю ультиматум: или Герасимов со мной увидится, или пусть пеняет на себя».

— Что ответили?

— Сказал, что на днях вернется... Свяжусь... Доложу...

— Хм... Вот что, Иван Васильевич... Войдите-ка с ним в контакт не сегодня, так завтра... И попросите его написать письмо на мое имя, чтоб я мог с документом обратиться к Курлову... Основание нужно для встречи, иначе рискованно...

— Они вам откажут, Александр Васильевич... И Курлов откажет, и Виссарионов...

— А Карпов? Все-таки я его своим преемником назвал. Неужели и этот лишен чувства благодарности?

— Нет, он человек совестливый, но сейчас крутые времена пошли... Курлов, словно конь, роет копытом... Виссарионов с ним во всем заодно...

— Мне нужно письмо, — упрямо повторил Герасимов. — Пусть Курлов откажет...

Достал из кармана портмоне, отсчитал пятьдесят рублей, — помнил, что Доброскок из осведомителей, зазря не рискует:

— Найдите кого из наших стариков, прикройте спину, пусть они будут с вами постоянно. А это, — он достал тысячефранковую банкноту, — для подарка дражайшей половине, вам ее вкусы известны, вы и поднесите.

Доброскок посмотрел на Герасимова восторженно:

— Что за счастье с вами работать!

— Мы еще не работаем, — ответил Герасимов, посулов. — Мы готовимся. Работа начнется, когда я получу письмо...

«Милостивый государь, поскольку я был брошен известными вам людьми на произвол судьбы в Париже, необходимость нашей встречи не нуждается в разъяснении. В случае, ежели вы от нея откажетесь, всю ответственность за последующие события вам придется нести перед Богом и вашей совестью, коли она в вас сохранилась.»

Южный».

С этим письмом Петрова, позвонив предварительно своему преемнику, полковнику Сергею Георгиевичу Карпову, генерал и отправился в свой бывший кабинет, столь дорогой его сердцу.

Карпов принял его дружески, хотя, как и Виссарионов, старался не смотреть в глаза, был излишне экзальтирован, расспрашивал о здоровье, отдавал ничего не значившие сплетни, — никаких имен, ни одного упоминания о новых делах, будто с каким бомбистом говорил — перед началом вербовочной беседы.

Герасимов тем не менее ответил на вопрос о здоровье, однако, когда Карпов — сразу же после обязательно-протокольных проборов — начал извиняться, ссылаясь на то, что вызывает Виссарионов, генерал остановил его достаточно приказно:

— Погодите, полковник. Надо обсудить дело, которое известно Петру Аркадьевичу... Вы, полагаю, помните Петрова?

— Ну как же, слышал...

— Нет, вы не только слышали о нем, Сергей Георгиевич. Вы им занимаетесь. И я говорю сейчас не только от своего лица. Что вы намерены сообщить мне для передачи Столыпину?

— Александр Васильевич, — чуть не взмолился Карпов, — не ставьте меня в жуткое положение! Мне запрещено говорить с вами о Петрове!

Герасимов удовлетворенно кивнул, подумав, что на провинциала, только три месяца как переселившегося в столицу, употребление фамилии премьера без обязательных титулов не могло не произвести нужного впечатления.

— Кем запрещено, Сергей Георгиевич?

— Генералом Курловым.

— А Виссарионов?

— Он также рекомендовал мне не вступать с вами в разговоры по поводу Петрова... Мне поручено вести «Южного» совершенно-самостоятельно.

Герасимов снова кивнул и, достав письмо Петрова, привезенное Доброскоком, попросил:

— Приобщите к делу, Сергей Георгиевич, пригодится.

Тот пробежал текст и обхватил голову руками:

— Бред какой-то! Ну, отчего мы с вами не можем вести его вдвоем? Кому это мешает?

— А вы как думаете? — спросил Герасимов и, не дожидаясь ответа, поднялся, кивнул и вышел из кабинета.

В два часа ночи, после того как Герасимов доложил Столыпину дело и получил от премьера устную санкцию на работу, Доброскок вывел Петрова из «Метрополя» проходными дворами, посадил на пролетку и отвез на квартиру, снятую им на Пантелеймоновской улице.

Герасимов обнял Петрова, который как-то обмяк в его руках; спина, однако, оставалась напряженной; ощутил легкий запах алкоголя, хотя помнил, что раньше агент никогда ни водки, ни финшампаню не пил, кивнул на Доброскока, «это друг, верьте ему, как мне, если со мною что-либо случится, он спасет вас», сказал подполковнику, чтоб тот вернулся через три часа, и повел позднего гостя к столу, накрытому наспех: ветчина, сыр, копченая рыба и две бутылки — водка и ликер (отчего-то вспомнил Азефа, попросил привезти «шартрез»).

— Ну, рассказывайте, — сказал он, усадив Петрова напротив себя.

— О чем? — спросил тот каменно.

— О том, как провалились, — ответил Герасимов, вздохнув. — По вине новых начальников имперской полиции... Хотя и я с себя ответственности не снимаю.

— Если знаете, чего ж спрашиваете?

— Чтобы найти единственно верный выход. Помните поговорку «И волки сыты, и овцы целы»? Вот и будем считать это отправным посылом в нашей задачке. Кого поручили убить?

— Вас.

— Савинков? — сразу же просчитал Герасимов, поэтому и спрашивал-то утверждающе; Бурцев вне террора, значит, Петровым занимались боевики; хоть там и смута, безвластие, но крепче фигуры, чем Борис Викторович, нет.

— Коли известно, зачем спрашивать?

— Спрашиваю для того лишь, Александр Иванович, чтобы спасти ваше честное имя для социалистов-революционеров.

— Это как понять?

— Да так и понимайте. Вы динамитом должны меня поднять?

— И это знаете?

— Если б иначе, могли здесь пристрелить, небось мой браунинг с собою таскаете?

— Отдать?

— Отдайте. Я вас вооружу «бульдогом» понадежнее, американцем, у них калибр шальной, печень вырывает. — И, повернувшись к Петрову спиной, Герасимов неторопливо двинулся к шкафу, куда заранее положил «смит-и-вессон»; каждый шаг давался с трудом; Петров истерик, куда его поведет, черт знает, засандалит промеж лопаток, и прощайте, родные и близкие!

Он считал про себя, принуждая не торопиться; на «сэм» понял, что Петров стрелять не будет; достал «бульдог» и только после этого, держа в руках оружие, обернулся:

— Это понадежней, а?

— Вы не боялись, что я убью вас, Александр Васильевич? — Петров сидел с мокрым от пота лицом.

Герасимов понял, что любую ложь, даже самую точную, Петров сейчас поймет, поэтому ответил:

— Только когда я досчитал до семи и вы не выстрелили, я понял, что останусь в живых...

— Очень хорошо, что вы мне честно ответили...

Я по вашей спине видел, как вы нервничали... Она у вас окаменевшая была, вы только ногами двигали...

— Ну, а почему же Борис Викторович решил поднимать меня динамитом?

— Не вас одного.

— А кого еще?

— Курлова, Виссарионова, Карпова. И вас.

— Плохо у Бориса Викторовича с информацией, — усмехнулся Герасимов, наливая себе водки; глянул вопрошающе на Петрова, выпьет ли.

— Да, с удовольствием, — сразу же понял, ответил хромой. — Я много пью, и это прекрасно, Александр Васильевич... Опьяняться надо чем угодно, только б избежать рабства времени и жизни, — любовью, вином, красотой доброты...

— Шарль Бодлер, — кивнул Герасимов. — Савинков довольно часто приводит эти строки французского террориста и гения...

Лицо Петрова мученически сморщилось, — удар пришелся в солнечное сплетение, честолюбив парень, сейчас снова в нем все против Савинкова поднимется, так и надо, это именно и угодно задумке.

— Будьте вы все прокляты, — сказал Петров и выпил водку медленными, ликующими глотками.

Пьет, как Савинков, отметил Герасимов; с ним еще работать и работать; страшно сказать, но я допускаю, что он сейчас играет спектакль, поставленный Борисом Викторовичем; поглядим, чья возьмет.

— Александр Иванович, милый, закусите.

Петров покачал головой:

— Сладость убьет... Я же хлебное изначалие водки ощущаю, ее крестьянство, не так страшно и подло жить...

— «Страшно и подло», — задумчиво повторил Герасимов. — Тогда я кое-что изложу, пока мы с вами не опьянели...

— Валяйте, — согласился Петров, и это «валяйте», покоровив Герасимова, тем не менее помогло ему найти до конца верную тональность разговора: человек в полнейшем отчаянии, потерял ориентиры, обложен со всех сторон и действительно готов на все, жизнь ни в грош не ставит...

— Так вот, Александр Иванович, запоминайте, что я вам скажу. Вы волны, но лишь после встречи с Карловым, он, видимо, завтра вас навестит, передать мои слова Бартольду, выдав их за карповские. Пусть он решит: следует ли ознакомиться с этой информацией ЦК... Да, да, к моему ужасу, во имя интересов России я, генерал Герасимов, вынужден обращаться за содействием к центральному комитету партии социал-революционеров, поскольку за время вашего житья в Париже и моего лечения на водах в империи произошел государственный переворот...

— Это как? Сегодня?

— Не перебивайте! — Герасимов поднял голос. — И слушайте. То, что я вам открываю, известно всего десяти сановникам и, конечно, царю, оттого что переворот совершен по его прямому указанию... Вы знаете, что генерал Курлов говорит о Столыпине?

— Как ему о своем шефе говорить? С почтением, как же еще...

— Нет, Александр Иванович... Курлов потому и поставлен к Столыпину фискалом, чтобы следить за каждым его шагом, ибо он считает его либералом, который намерен ослабить власть императора. На это вы можете возразить, что, мол, «чем хуже, тем лучше», пусть уберут Столыпина, на смену ему придет какой-нибудь дурак из сановников, известных царю, — хорошего рода, без каких-либо идей в голове, вознесшийся по карьерной лестнице потому лишь, что никогда и ничего не делал, — тогда-то народ и поднимется на новую революцию... Ерунда это, Александр Иванович, и вздор. Потому что при любом новом премьере Курлов делается министром внутренних дел, а вы знаете, как он из пулеметов мирную демонстрацию расстреливал, по сию пору в Минске его имя вслух не называют... Придет хам, для которого понятие «интеллигентность» отсутствует... И противостоят Курлову, как это ни странно, только два человека — Столыпин и я. Точнее даже, я и Столыпин. Вы спросите, отчего «я» и «Столыпин». Отвечаю: лично премьер никогда делами тайной полиции не занимался. Все вел я, это вашим товарищам известно. Когда меня турнули, Столыпин остался без прикрытия. Он на мушке. На курловской мушке, Александр Иванович. Я понимаю, соловья баснями не кормят. Поэтому перехожу к конкретному предложению: если вы убираете Курлова, Виссарионова и Карпова, в империи вновь вводится военное положение, я немедленно прихожу на пост заведывающего секретной полицией, если даже не товарища министра, и первым моим шагом — во имя окончательного умиротворения страны — будет внесение законопроекта о праве социалистов-революционеров на легализацию и допуск ее людей на выборы в новую Думу. Заранее ставлю условие: с террором придется кончать. Политическая борьба — да. Полная амнистия Чернову, Савинкову, Зензинову, Доре Бриллианту, Карповичу, словом, всей боевой организации — да. Право критики правительства — да. Участие в кабинете, если туда войдут Гучков и Милоков, — да. Вот так. Я сказал то, чего никогда, никому и ни при каких условиях более не скажу. Если Бартольд сошлется в своем письме на

меня и это письмо перехватит Курлов, я погиб, но и партия ваша погибла. Еще водки?

Герасимов ждал, что Петров поднимется, скажет, что такую информацию он должен донести до Бартольда немедленно, но тот подвинул ему свою рюмку.

— А ведь к такому уровню беседы я не готов, Александр Васильевич...

— С Бартольдом я встречаться не могу.

— Не он один со мною приблуд.

— Кто еще?

— Василий Луканов.

— У него виски седые? — спросил Герасимов, горделиво подивившись собственной памяти; кого из охранны выкинули, идиоты?!

— Он сейчас крашеный.

— Под англичанина работает, — убежденно сказал Герасимов, — весь в клетчатом и кеги с длинным козырьком.

В глазах у Петрова метнулся испуг — быстрый и неожиданный, как измена.

— Водите нас? За каждым шагом глядите?

— Лично за вами смотрит Доброскок. Бартольда с Лукановым не трогаем, меня они не интересуют. Да и за вами топают для того лишь только, чтоб курловские стервятники не прирезали ненароком, решив, что вы мой человек, а с ними играют...

— Объясните, какие филеры ваши, а какие курловские?

— Наши — старики...

— Я таких не замечал.

Герасимов пожал плечами:

— Мастера, оттого и не замечали.

— Значит, трое мордастых, которые не отстают ни на шаг, курловские?

— Не убежден. Скорее всего это филеры Карлова. Вас отдали Карлову, но он будет ставить с вами курловский спектакль...

Петров снова хихикнул:

— Интересно, а Семигановский тоже меня вам отдал? Или вы меня приказной силой забрали?

— Что, начался русский комплекс? — рассердился Герасимов. — Слезы жалости о погубленной жизни, иступленное желание напиться, чтобы все забыть, а наутро в церковь, молить о спасении? А кто написал письмо Семигановскому с предложением о сотрудничестве? Вас никто ни к чему не неволил! А уж сейчас и подавно...

Петров сник, руки его бессильно повисли вдоль тела; шепнул:

— Не сердитесь на меня, Александр Васильевич...

— Слушайте, — вздохнул Герасимов с нескрываемой жалостью, — уезжайте вы отсюда, а? Я дам вам денег, куплю билет на пароход в Америку, выступите там с лекциями, расскажете, как потеряли ногу во имя революции, откроете курсы или там лавочку какую, не знаю, но хоть жить будете по-человечески...

— В лавочке? — Петров посмотрел на Герасимова с неожиданной надменностью. — Что прикажете продавать? Бублики? Или фиксатор для усов? Уж не путаете ли вы меня с кем-то, Александр Васильевич?

— Смотрите, — Герасимов допил свою водку. — Я внес вам предложение как друг. Принять его никогда не поздно. А за лавочку простите, я не хотел вас обидеть...

— Когда я с вами, — заметил Петров, по-прежнему не закусывая, — все ясно, четко и логично. Но стоит мне остаться одному или, того хуже, попасть к тем, как голова начинает взрываться, рвань в глазах, отчаяние... Как мне поступать, Александр Васильевич? Давайте ставьте спектакль...

Герасимов покачал головой:

— Это уже не спектакль... Если бы не курловские мерзавцы, если б Долгов вовремя прибыл к вам в Париж, вот тогда бы мы получили спектакль... А сейчас надо строить комбинацию. Это пострашнее, Александр Иванович... Если она пройдет так, как мы задумали, вы станете прижизненной легендой русского демократического движения... Если погибнем, тоже войдем в историю...

— Бартольду ничего говорить нельзя, — думая о чем-то своем, медленно произнес Петров. — И Василию тоже. Они без Савинкова, без его утверждения, ничего делать не станут, а тем более менять план. Сказано: привести приговор против Герасимова — и все. Точка. Если излагать им вашу задумку, ждать ответа из Парижа, я сорвусь, не выдержу.

— И я так думаю, — согласился Герасимов. — Все дело надо провести как можно скорее... Завтра к вам придет Карлов. Или пришлет кого, не знаю, в деле его не видел... Связь станем поддерживать через Доброскока. Фамилию его забудьте, не надо вам ее помнить, разве что в случае уж самой крайней нужды... «Коля» — вот и все его имя. Чтобы гарантировать вашу безопасность после того, как Курлов, Виссарионов и Карлов будут устранены, «Коля» познакомит вас с людьми, которые обеспечат ваш отход... Ну, а теперь к делу... Его конструкция видится мне следующим образом...

...Карлов отвез Петрова в ресторан «Кюба», один из самых дорогих, накрыл роскошный стол.

Петров молил бога, чтобы не поддасться чарам, оболочивает; Герасимов предупредил, словно в воду глядел: «когда один хвалит — это наплевать

и забыть! До тех пор пока ваше имя не будет занесено на скрижали, не станет достоянием первых полос всех газет мира, не верьте, комбинируют, мнут, готовят для себя!»

— Ну, пора б и по рюмашке, — сказал Карпов, — кто из русских начинает серьезный разговор без тоста?

Чокнулись, махнули; Карпов сразу же принялся за угрей; Петров засмолил папироску.

— Почему не кушаете? — спросил Карпов. — Угри отменные, кишки сальцем обволочет, никакая водка не проймает.

Сытый физиологизм этой фразы показался Петрову отвратительным; пьянеть нельзя, сказал он себе, ночью напьюсь, у Герасимова, с тем можно, в глаза не лстят.

— За наше дружество, — провозгласил Карпов, налил по второй, — за то, чтоб работа у нас шла, как говорится, душа в душу. Я за свою жизнь готов отдать, Александр Иванович... Если деньги нужны, документы, что иное, сразу ко мне, без всяких там цирлих-манрих...

Выпив, недоумоно поглядел на нетронутую рюмку Петрова:

— У нас так не полагается...

— Сергей Георгиевич, — ответил Петров, закурил новую папироску, — сначала давайте обговорим дело. Вы ж меня не просто так в этот номер пригласили... Вы ведь намерены узнать, с чем я вернулся из Парижа... Так?

— Так-то оно так, — ответил Карпов, — но мне хочется вас от всего сердца принять, чтобы по-нашему, по-русски, все было широко...

— Не уйдет, — сказал Петров, поняв, что игра пошла, он в форме, и этот спектакль с полковником ему угоден. — Свое возьмем, когда кончим дело... Так что давайте прервем трапезу, пока я вам не расскажу... Я ведь сегодня почти не спал, оттого что ночь провел у генерала Герасимова...

Карпов чуть не подавился угрем, отодвинул тарелку, нахмурился:

— Это когда же было?

— Когда ваш филер уснул в гостиной «Метрополя».

Около часу ночи... Я тогда и выскользнул...

— И где же вы с ним встречались?

— Я город плохо знаю... Где-то на берегу реки, там его дом стоит...

— Значит, вы рассказали ему обо всем, что смогли вызнать в Париже о бомбистах?

— У нас об этом и разговора не было, Сергей Георгиевич... Меня Герасимов подбивал поставить акт против генерала Курлова...

— Ну, уж это вы мне бросьте! — Карпов не уследил за собою, рывкнул, так ошеломило его сообщение агента.

— Бросают гниду, если ее из волос вытащить, — чуть не по слогам произнес Петров. — А я чисто плотен, мне бросать нечего, ванну принимаю каждый день.

— Ну, не гневайтесь, Александр Иванович! Что ж вы так на слово обидчивы? Поймите мое состояние! Вы говорите совершенно невероятную вещь: чтоб жандармский генерал подбивал бом... подбивал...

Петров перебил его:

— Да вы договаривайте, Сергей Георгиевич, договаривайте: «подбивал бомбиста»... Вы ведь так хотели обо мне выразиться? — повторив ледяную интонацию Савинкова, заключил Петров, усмехнувшись.

— Он так прямо и назвал все вещи своими именами? — откашлявшись, чтобы хоть как-то выиграть время и собраться, спросил Карпов. — Предложил вам ставить акт против генерала Курлова?

— Именно так и предложил.

— Хорошо, а чем он это мотивировал?

— Говорил, что Курлов — после истории в Минске — позорит звание сотрудника секретной полиции...

— Слушайте, это совершенно невероятно! Нет, положительнее я в это не могу поверить!

— Вы ладно, — усмехнулся Петров. — Вам сам Курлов не поверит, да и Виссарионов да смех поднимет...

Карпов изумленно посмотрел на Петрова: неужели какая-то дьявольская мистификация? Тот, словно бы заметив, как полковник растерялся, спросил с хорошо сыгранной яростью:

— Вы знаете, что Герасимов бросил меня в Париже?

— Конечно, знаю. Это так бесстыдно с его стороны...

— Хорошо, что вы поставили точку над «i», не придется объяснять, каково жить на чужбине без средств и связи, оставленным на произвол судьбы. Думаете, я это смогу простить? Да никогда! И отомстить я Герасимову могу лишь с вашей помощью...

— Как?

— Очень просто. Я соглашусь с его предложением убить Курлова и всех, кто будет с ним, ну, Виссарионова, Комиссарова, может, придет и...

— Но, но! — Карпов снова сорвался, перешел на грубый начальственный тон. — То есть как это согласитесь?! Без моей санкции вы ни на что не согласитесь!

В глазах у Петрова высверкнуло еще ярче, рот совсем сполз вниз; справившись с судорогой, он продолжил:

— Понятно, что без вашего указания я ничего

делать не стану. Но ведь и вы ничего не сможете предпринять, пока не убедитесь в правоте моих слов... А убедиться в этом можно, если вы и ваши начальники все услышат своими ушами... Снимите мне квартиру... Филеров своих уберете. Герасимов большого уровня мастер, он ваших соглядатаев за версту разглядит, я приглашу его на квартиру для решающего разговора... А за полчаса перед тем, как он туда прибудет, в соседней комнате — пусть только квартиру подберут с фанерной перегородочкой, чтоб все было слышно, — расположатся Курлов, Виссарионов и вы. И станете свидетелями нашего с Герасимовым разговора... Я ему ни «да», ни «нет» еще не сказал, он уговаривать меня будет... Ежели вас интересуют особые вопросы к Герасимову, могу их выучить заранее и поставить их во время нашей встречи...

Карпов испугался; понимая умом, что в руки идет грандиозное дело — таких еще в России не было, — тем не менее ощущал, как все сильнее и сильнее дрожат пальцы.

Научившись у Герасимова смелости, а у Савинкова многозначительности — уроки брал с ходу, — Петров снисходительно посоветовал:

— Попусту не волнуйтесь... Трапезу можно сей момент прервать, я вообще не едок, мне все это, — он презрительно кивнул на стол, уставленный яствами, — смешно, отправляйтесь к Курлову и сообщите о нашем разговоре... А я в «Метрополе» буду ждать от вас указаний. Если ваш высокий начальник признает дело не стоящим, выдадите мне оклад содержания — Герасимов положил семьдесят пять рублей золотом и оплата проезда по чугунке, — я и отчалию восвояси...

Через три часа за Петровым пришел мышонёк, шепнул, что от «Георгия Сергеевича» (времени на придумывание псевдонима у Карпова не было, взял первый пришедший на ум, торопился к Курлову), и отвез на Астраханскую улицу.

Там в пустой квартире — три комнаты и кухня (перегородки фанерные, как и просил Петров, красиво задекорированы обоями) — стоял Карпов.

— Ваша взяла, Александр Иванович! Вот вам квартира! В полном вашем распоряжении, оставляйтесь, денег не жалейте. — Он достал из кармана бумажник, набитый купюрами, и протянул его Петрову. — Начинаем дело, предложение принято!

...В три часа утра за ним пришел Доброскок, шепнул:

— Карпов снял филеров, едем...

— А ваши? Торчат или тоже сняли?

— Одного оставили — не ровен час...

— Снимите, — резко потребовал Петров. — Отныне дело беру на себя. Малейшая несурзанность, и все полетит к чертям. Вы отделаетесь выговором, я — жизнью.

...Когда Доброскок и Петров уехали, в квартиру проскользнули Бартольд и Луканов, пробыли там всего минут пятнадцать — этого вполне хватило на то, чтобы укрепить под обеденным столом, только вечером привезенным из магазина, динамит с выведенными на кухню проводами; как подключить их к сети — чтобы комнату разнесло в пух, — Петров научился в Париже.

— Итак, — заключил Герасимов, — послезавтра, когда вы до конца приведете в порядок квартиру — груз Бартольд с Лукановым занесли, так что с этим все в порядке, — позвоните по моему телефонному аппарату и пригласите на новоселье, на три часа... Убежден, Карпов понудит вас звонить со своего номера, в присутствии кого-то третьего, пусть вас это не останавливает... Если мои люди увидят, что Курлов, Виссарионов и Карпов, — возможно, кто еще, из судебного ведомства, — войдут к вам за полчаса до моего визита, в дверь постучит мужчина, поинтересуется, сдана ли квартира; это мой человек, это будет для вас условный сигнал... Идите на кухню и подсоединяйте провода... И сразу же выбегайте из квартиры, вас увезут в безопасное место...

Проводив Петрова, отправился к Столыпину; когда докладывал (не впрямую, конечно, а с легкими намеками, чтоб не спугнуть), не мог оторвать глаз от пергаментного лица премьера; живой покойник, вот-вот упадет от разрыва сердца...

Выслушав Герасимова, премьер рассеянно поинтересовался:

— Хотя я и не верю в то, что генерал Курлов может быть втянут в заговор бомбистов, но выяснить все досконально, чтобы сохранить честь жандармского мундира, полагаю разумным...

— Петр Аркадьевич, — проскрипел Герасимов, пораженный уклончивым, прямо каким-то змеиным ответом Столыпина, — поскольку операция рискованная, а Петров в прошлом был известным бомбистом, возможны любые случайности... Вполне может быть, что все это игра эсеров... Поэтому просил бы вас на случай непредвиденного подготовить рескрипт о введении чрезвычайного положения в столице...

Столыпин задумчиво покачал головой, ответил заранее подготовленной фразой:

— Надеюсь, вы с вашим опытом ничего из ряда вон непредвиденного не допустите...

— Я не отвечаю за операцию, — возразил Гераси-

мов.— Ею руководит Курлов... И вас об этом в известность не ставят, готовят в строгой тайне... Поэтому я и напоминаю вам о возможности любого рода случайности... К ней надобно быть готовым загодя, потом будет поздно... Будет поздно,— повторил Герасимов и, прищурившись, заключил:— Такого рода шанс упустить нельзя, другого не будет.

— О чем вы? — холодно поинтересовался Столыпин, поблдевав еще больше.

Герасимов поднялся, поражаясь своей дерзости, кивнул и, ничего не ответив, вышел...

...Ах, случай, случай!

За несколько часов до намеченного Герасимовым акта Карпов приехал к Петрову, на Астраханскую, чтобы посмотреть, как обустроилась квартира,— неудобно товарища министра и шефа отдельного корпуса жандармов вести в непотребное помещение.

— Ну как, Александр Иванович? — спросил Карпов, оглядывая квартиру.— По моему, красиво. Денег хватило? Не считайте, не считайте, можете приобретать все, что душе угодно... Вот бы и скатерть надо свежую постелить...

Петров поблдевал, когда полковник потянулся, чтобы стащить старую, закапанную скатерть; сразу бы увидал мину и провода, идущие от нее,— все, конец петля!

— Не трогайте,— нашелся Петров.— Не надо! Вы же у меня в гостях! Я сам перестелю...

Он проскакал на протезе на кухню: новых скатертей еще не привезли,— вот она, мелочь, сколько раз про это и Герасимов бубнил, и Савинков предупреждал!

— Ничего,— крикнул он с кухни,— попируем на старой, а новую завтра постелим!

— Нет уж,— ответил Карпов,— увольте! Я с грязного не ем! А тем более не пью...

Петров понял, что сейчас полковник сделает шаг к столу, сдернет эту чертову скатерть, увидит мину... Что будет дальше, он не мог представить, в голове началась давешняя рвань, рот повело в сторону; не очень-то понимая, что делает, он сунул проводки в штепсель, и, огуленный взрывом в столовой, полетел на пол, ощущая душной, угарный запах паленого...

Через три часа Виссарионов кончил допрашивать Петрова: тот под диктовку, безвольно, постоянно чему-то посмеиваясь, написал, что Герасимов понуждал его организовать акт против Курлова и других чинов полиции, дабы обезглавить секретную службу империи.

Подписав, спросил:

— Но вы даете слово, что чистосердечное сознание обеспечит мне жизнь и побег с каторги?

— Конечно,— ответил Виссарионов, пряча протокол в портфель.— Не сомневайтесь.

...Кадеты внесли в Думу запрос по поводу взрыва на Астраханской; Столыпин ответил, что оппозиция получит все подробности из судебного отчета, гласный суд назовет тех, кто стоял за преступлением...

В тот же день Герасимов был откомандирован в Сибирь — приказом Курлова — для расследования «ссоры, возникшей между жандармерией и железнодорожной стражей».

Там, в Сибири, узнал из газет, что военный суд над Петровым был закрытым; ни одного человека в зал не допустили; повесили через семь часов после вынесения приговора.

Через девять часов после казни Курлов подписал приказ о предании Герасимова трибуналу; материалы подготовил Виссарионов; юридическое обоснование дал начальник особого отдела департамента Александр Михайлович Еремин; обвинение поддерживал генерал Климович, старый друг Курлова; Нил Петрович Зуев определенной точки зрения не высказывал, сетуя на то, что суд над Петровым был слишком скорым, такое к добру не приводит, будут толки, зачем лишний раз наводить тень на наше учреждение, и так каждый пальцем указывает. Прокурор Корсак Владимир Евстафиевич, обвинявший перед этим бывшего шефа полиции Лопухина и уговоривший его на каторжные работы, что вызвало к нему острую ненависть интеллигенции, так же мялся, зная к тому же расположение к Герасимову со стороны премьера; тем не менее Курлов победил, большинство проголосовало за предание Герасимова военному суду.

Прочитав проект приказа, подготовленный Виссарионовым, премьер поднял глаза на Курлова, который стоял перед столом, ибо сестре ему предложено не было.

— Какой ужас,— произнес Столыпин.— Не находите, Павел Григорьевич?

— Совершенно согласен с вами, Петр Аркадьевич,— кивнул тот.

— Чем это,— Столыпин кивнул на проект приказа о предании Герасимова военному суду,— грозит Герасимову?

— По меньшей мере каторгой.

Столыпин задумчиво повторил:

— «Каторгой по меньшей мере»... Где он, кстати? Я его не вижу как неделю...

— В интересах расследования я посчитал возможным срочно откомандировать его в Сибирь...

— Ах, вот как,— кивнул Столыпин.— Меня, видимо, не хотели тревожить?

— Конечно, Петр Аркадьевич, конечно.

— Вы посоветовались с прокурорскими? Моя подпись есть последняя инстанция или это надо отправлять на доклад его величеству?

— Нет, нет,— ответил Курлов,— такого рода дела не входят в компетенцию государя, слишком гнусно и мелко...

Столыпин улыбнулся:

— Гнусное и мелкое входит в компетенцию одного лишь премьер-министра России, понимаю...

Курлов смешался, хотел что-то объяснить, но замер, потому что Столыпин начал писать резолюцию поперек проекта приказа.

Кончив писать, поднял глаза на Курлова.

— Хотите крови Герасимова, а?

— Нет, ваше высокопревосходительство... Я страдаю ему, как это ни покажется странным... Именно поэтому хочу одного лишь: справедливости.

— Что ж, получайте,— ответил Столыпин и протянул ему бумагу.

Резолюция была краткой: «Дело о генерале Герасимове, обвиненном сумасшедшим бомбистом Петровым, агентом покойного Карпова, раз и навсегда прекратить».

ВОТ ПОЧЕМУ РЕВОЛЮЦИЯ НЕМИНУЕМА! (X)

Дзержинский проснулся оттого, что острый луч солнца, найдя маленькую щелочку в шторах, задернутых Горьким ночью, уперся своим мягким теплом в глаза.

Он не сразу понял, где находится; вспомнил комнату в Замоскворечье, Николая, его рыжие кудряшки, прекрасные глаза, в которых была трагическая растерянность: «Неужели все погибло, Юзеф? Нас осталось всего сто пятьдесят человек! Остальные отошли»; близко увидел лицо Розы: «Феликс, жизнь развивается по законам подъемов и спадов, все сейчас зависит от нас, если выдержим мы, выстоит и наше дело; езжай на Капри, отдохни, краю надо противуположить работу, а работать могут только здоровые люди»; вспомнил, как ночью шел по крошечному Капри, освещенному газовыми фонарями, отыскивая дом Горького; тогда ему всюду слышалась музыка, затаенная и очень мелодичная, мандолина и быстрая гитара, даже кашлять было как-то неловко, сдерживался, зажимал рот платком.

Дзержинский распахнул шторы: небо, одно небо и ощущение моря под тобой.

Словно бы дождавшись звука раздвигаемых штор, в дверь постучал Горький; заглянул, улыбаясь, высокий, сутулый, сероглазый, в широких брюках, белой рубашке и сандалиях на босу ногу:

— У меня гости, особенно вашего толка, что из бегов, отсыпаятся первые дни... Вы ранняя птица, приятно... Пишете ночью? Или с солнцем?

— С солнцем,— ответил Дзержинский, ощутив давно забытое чувство дома: со смертью Юленьки Гольдман, уже шесть как лет, жил на земле странником, квартиры менял ежемесячно; так же, однако, менял города и государства.

— «Побег» ваш понравился мне,— сказал Горький, приглашая Дзержинского к столу.— Добротный рассказ... Мне его Вацлав переводил, Ворковский, тогда я впервые услышал о вас... Собственно, не о вас,— улыбнулся он в усы,— а о некоем «Юзефе»... Это только много позже Каутский открыл,— со слов Розы,— кто вы такой... Жаль, что с тех пор не публиковались боее.

Дзержинский пожал плечами:

— Я же не профессионал, Алексей Максимович... «Побег» — это не проза, а дневниковая запись, описание одного из фактов жизни. А после того, как я сейчас проехал через Россию, прикасаться к перу и вообще невозможно писать об ужасе — нужно ли? Революция разгромлена, организация развалилась, обреченность и пустота...

Горький хмыкнул:

— Жалуетесь? Мне, знаете ли, тут приходится выслушивать множество жалоб... Люди приезжают постоянно, и все как один жалуются... Что же касается вашего вопроса про то, нужно ли писать о трагическом, отвечу сугубо определенно: необходимо.

Поднявшись, он поманил за собою Дзержинского, отворил дверь маленькой комнаты — на длинном диване разметался во сне Максим, сын его; тело крепкое, загорелое, волосы спутались, чуть приоткрыл у висков; Горький долго любовался спящим мальчиком, потом обернулся к Дзержинскому, шепнув:

— Ради них необходимо...

Взяв Дзержинского за худую руку, спросил:

— Рыбу удить любите?

— В Сибири я все больше по медведям специализировался... Состязание равных: у него — сила и скорость, у меня — два патрона.

— Это от беззащитности у вас было,— убежденно сказал Горький.— От необходимости ощущать в себе силу, готовность к схватке... А ужение рыбы — Аксаков в этом прав — предполагает успокоенное мечтательство, необходимое при подведении жизненных итогов... Идемте-ка, Феликс Эдмундович, надышитесь морем, отвлекитесь, тогда будет спокойней думать... Я, знаете ли, приехал сюда в состоянии полнейшего отчаяния...

...Горький удовлетворенно оглядел удилица, легко, по-морски, поднялся, не страшась раскатать лодку, перескочил через сиденье и сказал:

— Давайте-ка на корму, снимайте куртку, загорайте, я погреев чуток.

— Но я не устал.

— А лицо белое. Погодите, молоком отопьетесь, ухой вас раскормлю — вот тогда гребите себе на здоровье, а сейчас отдохнуть надо, революции балласт не нужен, более того — тяготит, сиречь вреден. Дзержинский послушно поднялся и так же легко, устойчиво перебрался на корму.

...Горький обернулся; до Грота Азуль осталось недалеко, гребков двадцать, можно рыбалить.

— Ну те-с, здесь, пожалуй, начнем дергать... Так, без наживы, на один лишь блеск крючка, пробовали?

— Пробовал. На Енисее... Особенно когда мелочь идет косяками, все самодурят, прекрасная колючка получается.

— Мечтаю побродить по Сибири, край, видимо, совершенно самобытный...

— Да, он еще ждет своего часа... Пожалуй, ни одна часть мировой суши не была так пронизана идеями революции, как Сибирь, сыпать самых умных и честных сынов в один из прекраснейших уголков страны! Горький бросил леску с грузилом в зелено-голубую воду; кисть его расслабилась, рука стала как у пианиста, кончившего играть гамму.

— Оп! — радостно воскликнул Горький.— Поклев! Дзержинский почувствовал, как леска, намотанная на указательный палец, дрогнула, поползла вниз.

— Ключет, ключет! — прошептал Горький.— Тяните! Дзержинский покачал головой; почувствовал второй удар, видимо, косяк. Только не торопиться! Всегда помнил совет Дмитрия Викторовича, лесника из-под Вятки. После того как леска ударила третий раз, Дзержинский начал выбирать снасть; снял с крючков шесть рыб, целая гирлянда; Горький несколько обижено заметил:

— Каждый, кто впервые приходит на ипподром или начинает ловить рыбу, прикасается к удаче, закон игры... Я, как здешний старожило, ловлю не торопясь, зато без рыбы никогда не возвращаюсь.

Дзержинский рассмеялся:

— Завидуете?

Горький потянулся за папиросой, кивнул:

— Не без этого... Почувствовали сугубо верно... Между прочим, Ленин тоже невероятно везуч в рыбалке... Я — по здешней науке, как Джузеппе учил, а он, изволите ли видеть, по-нашему, по-волжски, прилачился и каждый день меня так облавливал, что я прямо-таки диву давался... Вообще же, видимо, талантливый человек во всем талантлив, а потому удачлив... Знакомы с Владимиром Ильичем?

— Да. Мы вместе работали в Стокгольме и Париже... Ну и, конечно, в Питере, в шестом году.

— Я, знаете ли, с огромным интересом приглядываюсь к Георгию Валентиновичу, к Льву Давыдовичу и к нему, к Ленину... Что поразительно, я в Лондон, на съезд, вместе с ним приехал, город он знает, как Петербург, масса знакомых, говорит без акцента. Так вот он, для которого понятие дисциплины есть некий абсолюто, бился с Плехановым и Троцким за то, чтобы мне был определен статус участника, а не гостя, как настаивали эти товарищи... Я спросил его, отчего он делает для меня исключение, ведь вопрос о членстве в партии был главным поводом его раздора с ближайшим другом — Юлием Цедербаумом-Мартовым, а он ответил, что, мол, вы, Алексей Максимович, больше многих других партиец, в истинном смысле этого слова, так сказать, в рабочем... Вы трудитесь, а у наших трибунов сплошь и рядом трепетная страсть к вулканной болтовне... Членство в партии должно определяться полезностью работы, производимой человеком ко всеобщему благу трудящихся... Как ведь точно слова расставил, а? Экий прекрасный лад фразы! И еще: те в первый же день пригласили меня принять участие в дискуссии, а Ленин потащил за рукав — сначала давайте-ка поменяем ваш отель, мне показалось, что в номере сыро, раскашляетесь, а уж потом почешем языки, бытие, знаете ли, определяет сознание.

— На выборах ЦК были? — спросил Дзержинский.

— Непременно. А что?

— Он, Ленин, назвал мою кандидатуру...

— Под псевдонимом, ясно?

— Конечно. «Доманский». Я тогда был в тюрьме... Горький рассмеялся:

— Вот бы о чем писать... Кабинет будущей России формировался в Лондоне, причем известная часть будущих министров не была приведена к присяге, поскольку сидела в карцерах...

Юлиан Семенов обратился к редакции с просьбой перечислить весь причитающийся ему за публикацию романа «Непримиримость» гонорар на счет № 707 в Советский детский фонд имени В. И. Ленина.

Читайте в ближайших номерах:

К 70-летию ВЛКСМ. Очерк об Оскаре Рывкине.

Завод, на котором работают только школьники. Фотосчерк.

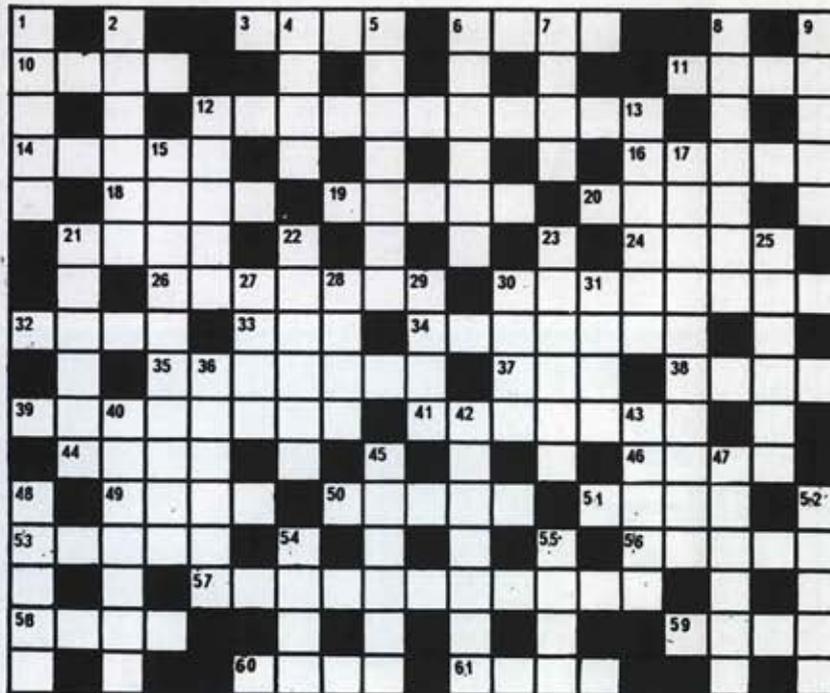
Тобольск. Кто спасет город?

Никита Михалков о сегодняшнем состоянии кино.

О чем поет Юрмала?

Георгий Вайнер. Новая приключенческая повесть. Подписка на «Смену» продолжается в течение года. Вы можете выписать журнал в любом почтовом отделении, в агентстве «Союзпечати» до 1-го числа предподписного месяца. В розницу журнал поступает в ограниченном количестве.

По горизонтали:

3. Физик и химик, земляк Дальтона, ставшего вместо него одним из восьми иностранных членов Парижской академии. 6. Деталь Медного всадника, символ зла, враждебности. 10. Порода собаки в рассказе А. Чехова «Дама с собачкой». 11. Спортивная игра родом из Персии. 12. Попадня, прячущая у себя командира Красной Армии (В. Быков «Карьер»). 14. Степная ящерица, хорошо лазающая по кустарникам и способная одолеть полметра, прыгая с ветки на ветку. 16. Предварительный набросок, план. 18. Государство со столицей Бамако. 19. Способ плоской печати. 20. Знаменитый французский писатель, составивший немало кроссвордов. 21. Ствол, стержень колонны. 24. Горы в Карагандинской области. 26. Функция: досмотр (учреждение). 30. Лес, богатый грибами. 32. Газ, в котором асбест, разрушаясь, раскаляется до бела. 33. Один из трех кантонов, с объединения которых в 1291 году началась Швейцария. 34. Предприятие по выпарке соли из рассола. 35. Каждая из частей бомбы после разрыва. 37. У узбеков — кишлак, у алтайцев — 38. Герой древнеиндийской поэмы, проигравший свою Дамаянти. 39. Ягода, которую называют земляной малиной, княженикой, красной морошкой, мамурой. 41. «Буфетное» время в театре. 44. Символ Турции. 46. Застывший столб в жерле вулкана. 49. Имя художника-примитивиста Руссо. 50. Стебли корнеплодов. 51. Время белых мух. 53. Цветок на гербе Парижа. 56. Одна из героинь в романе А. Дюма «Граф Монте-Кристо». 57. «Казнить нельзя помиловать» (суть). 58. Одежда Гринева поверх тулупа в повести А. Пушкина «Капитанская дочка». 59. Статистическая перепись. 60. «Ручной орган». 61. Самоцвет, на одном сантиметре которого бывает до восьми тысяч слоек.

По вертикали:

1. Советский композитор-песенник. 2. Крупная южноамериканская птица (почти не летает, отличная дичь). 4. Состоящая часть исландской кроны. 5. Генератор ультразвуковых колебаний. 6. Одно из русских названий затылка, загривка, задней части шеи. 7. Приток Нижней Тунгуски. 8. Советский поэт. 9. Насекомое, у личинки которого есть дыхательная трубка; конец ее высовывается из воды. 12. Город в Одесской области. 13. Одно из русских названий голубоватого прозрачного льда. 15. Знаменитый актер, впервые снявшийся вместе с Джульеттой Мазини в фильме «Джинджер и Фред». 17. Цветок, который есть практически в каждом японском доме. 21. Спортивная игра. 22. Вертится, как бес, повертелась да в лес (загадка). 23. Фламандский художник-бытописатель XVII века. 25. Самая многочисленная из европейских птиц. 27. Творческие страдания. 28. Скрыга, скупец. 29. Квартира для свиданий подпольщиков. 30. В. Катаев по отношению к Е. Петрову, соавтору И. Ильфа. 31. Самый высокий горный массив на Балканах. 36. Боеприпас. 40. Название реки Конго от истоков до водопадов Стэнли. 42. Девушка в фате. 43. Один из предметов, изображенных на картине Н. Ярошенко «Портрет дамы с кошкой». 45. Немецкий медик и химик, чьим именем названы капли и «вода великодушия». 47. Японский доброволец-смертник, управлявший торпедой. 48. Советский писатель, воплотивший девиз: ни дня без строчки. 52. Королева, покидающая короля, только будучи убитой. 54. Рыба, ежегодно в мае меняющая зубы. 55. Растение, разводимое в садах под названием «душистый горошек».

Ответы на кроссворд, опубликованный в № 23

По горизонтали:

1. Гороскоп. 6. Мононить. 12. Авантюта. 13. Ломоносов. 15. Дока. 16. Иносказание. 17. Хант. 20. Комкор. 21. Таракан. 22. Эскимо. 25. Перфоратор. 27. Синонимика. 28. Канон. 29. Роман. 30. Томан. 31. Масон. 33. Декламатор. 35. Директорат. 39. Нитрид. 40. Шоколад. 41. «Трезор». 44. «Муму». 45. Сороконожка. 46. Бани. 49. Карбункул. 50. Останкино. 51. Анисимов. 52. Амасонас.

По вертикали:

2. Осадкомер. 3. Орта. 4. Котону. 5. Полустанок. 6. Молдаванин. 7. Немаин. 8. Нино. 9. Тосканини. 10. Гандикап. 11. Цветкова. 14. ...парад... 18. Голосование. 19. Аспирантура. 23. Балаган. 24. Водолей. 26. Радар. 27. Солод. 31. Молотоголов. 32. ...Никанорова. 33. Динамика. 34. Катамаран. 36. Развалина. 37. Термидор. 38. Норов. 42. Воркюм. 43. Якутка. 47. Фукс. 48. Андо.

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 24 (1454)
декабрь 1987

Москва, издательство «Правда»

Главный редактор
Альберт ЛИХАНОВ

Редколлегия:
Валерий ВИНОКУРОВ
Борис ДАНОШЕВСКИЙ
(ответственный секретарь)
Владимир ДЕСЯТЕРИК
Михаил КИЗИЛОВ
(заместитель главного редактора)
Александр КУЛЕШОВ
Иосиф ОРДЖОНИКИДЗЕ
Юрий РАГОЗИН
Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ
Евгений РЯБЧИКОВ
Вадим САЮШЕВ
Виталий СЕВАСТЬЯНОВ
Владислав СЕРИКОВ
Олег ШЕСТИНСКИЙ

Главный художник
Виталий ФЕДОРОВ

Художник
Владимир ЗАЙЦЕВ
Технический редактор
Александра ГУСЕВА

101457, ГСП, Москва,
Бумажный проезд, 14

212-15-07 — для справок. Отделы:
212-21-59 — рабочей молодежи и науки,
250-29-39 — коммунистического воспитания
251-32-84 — фотоочерка,
212-21-38 — военно-спортивный,
212-13-19 — международной жизни,
251-04-10 — литературы и искусства,
212-11-27 — писем и массовой работы.

Рукописи, фото и рисунки не возвращаются. Рукописи объемом более одного авторского листа (24 машинописные страницы) редакцией не рассматриваются.

© Издательство «Правда»
«Смена», 1987 г.

Сдано в набор 04.11.87.
Подписано к печати 17.11.87.
А 05164. Формат 70×108½.
Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60.
Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 21,7.
Тираж 1 300 000 экз.
Изд. № 3265. Заказ № 1570.
Ордена Ленина
и ордена Октябрьской Революции
типография имени В. И. Ленина
издательства ЦК КПСС «Правда».
125865, ГСП, Москва, А-137,
улица «Правды», 24.

Их называли «дуэтом номер 1». Вот уже много лет их выступления всегда сопровождается успех, пластинки расходятся моментально, несмотря на огромные тиражи, а песни прочно занимают высшие места в хит-парадах.

А началась их история тихо

и незаметно двадцать восемь лет назад — в 1957 году в старинном городе Пловдиве, в самом центре Болгарии. Именно там в болгарской семье, ожидавшей ребенка, внезапно появилось на свет сразу двое — близнецы. Им дали имена Благовест, что значит «добрый вестник», и Светослав — «светоносец».

Время шло. Братья ходили

в школу и пели в детском хоре под управлением заслуженного артиста Христо Недялкова. Затем была Народная опера в их родном городе Пловдиве, где они исполняли сольные партии. В семнадцатилетнем возрасте Благовест становится солистом Пловдивской филармонии, которой в те годы руководил народный артист Добрин Петков. Од-

новременно они учатся в музыкальном училище, которое оканчивают с золотыми медалями.

На первый свой конкурс молодежной песни в 1981 году они приехали уже выпускниками Болгарской государственной консерватории по классу фортепиано и виолончели. Они выступили на нем и как авторы, и как исполнители. Победа на конкурсе во многом определила их дальнейшую судьбу: из филармонических певцов они становятся эстрадным дуэтом.

В 1983 году они записали свой первый альбом — «Девушка на двоих». Рекордный тираж, огромный успех. Молодой дуэт сразу становится известным. Песня «До вечера» («До вчерашнего дня») становится хитом. Причем возглавляет хит-парад она не только в Болгарии, но и в Венгрии. Зажигательный, четкий ритм и красивая мелодия, филигранная вокальная техника и музыкальное мастерство братьев Аргировых (при записи альбома они не только пели, но и играли на всех инструментах) сделали их звездами дискотек.

За удачным альбомом следуют успешные гастролы по Болгарии, затем — в Чехословакии. В 1984 году познакомились с дуэтом и советские зрители.

Братья Аргировы неизменно покоряли публику артистизмом, обаянием, умением просто, но без панибратства и заискивания перед зрителем держаться на сцене. Благовест и Светослав прекрасно танцуют. В 1984 году их песня «Как си ти?» («Как дела?») получает первый приз Союза болгарских композиторов, завоевывает первое место в хит-парадах весны Болгарского радио, становится песней «номер 1» по результатам радиопередачи «Выбирайте», определяющей песни года, занимает первое место в годовом хит-параде Болгарского телевидения.

Неудивительно, что в 1984 году братьев Аргировых назвали «дуэтом номер 1»: успех песни «Как дела?» был просто ошеломляющим. И, кстати, до сих пор она пользуется популярностью.

В 1985 году Аргировы участвуют в фестивале «Братиславская лира» и конкурсе «Восемь песен в студии» на Кубе. Во второй раз приезжают они в Советский Союз на XII Всемирный фестиваль молодежи и студентов в Москве, в культурной программе которого принимают участие.

И вот третьи гастролы в нашей стране. Популярный дуэт вновь радует зрителей геничными красивыми песнями. Наверное, главное, что привлекает к братьям Аргировым слушателей и зрителей, — жизнерадостность их песен. И еще крайне важное умение в искусстве — не зазнаваться, не отделяться от людей стенкой своего таланта и жить теми же проблемами, которыми живут все.

БРАТЯ АРГИРОВЫ